

ВИТРАЖИ
литературный альманах

“Лукоморье”
2024

ВИТРАЖИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

МЕЛЬБУРН

2024

© Copyright 2024 by authors.

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the authors.

ISBN 978-0-9946108-9-8

Design and Artwork:

Graphics:

Naum Vinarsky

Cover design:

Joseph Edelman

Zalman Shmeylin

Literary Creative Association

“LUKOMORIE” Inc.

Printed in Australia

Melbourne

2024

ПОЭЗИЯ
ЯИЗЭОП

ЯН БРУШТЕЙН

Родился в 1947 году в Ленинграде. Юность его прошла в курортном Пятигорске.

Полвека живёт в Иванове.

В различные годы учился в МГУ на факультетах филологическом, журналистики и, вольнослушателем, на искусствоведческом отделении истфака.

Экстерном окончил ГИТИС

(театроведческий факультет). Кандидат искусствоведения (1980 г.).

Работал в газетах, на телевидении, преподавал в вузе историю и теорию искусств, руководил двумя независимыми

телеканалами, крупным региональным медиахолдингом.

Статьи печатались в журналах "Театр", "Театральная жизнь", в газетах "Культура", "Известия" и многих других.

Стихотворения и рассказы печатались в журналах «Волга», «День и ночь», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зинзивер»,

«Знамя», «Крещатик», «Сибирские огни», "Зарубежные записки" и в других изданиях России, Бельгии, США, Австралии и Израиля - всего более ста публикаций. Произведения входили во многие антологии, в том числе "Лучшие стихи года".

Автор вышедших в Москве и Санкт-Петербурге 12 книг стихотворений и прозы.

Большинство книг оформлены автором.

Стихи переведены на английский, иврит, итальянский, польский, украинский и белорусский языки.

Лауреат конкурсов им. Н. Гумилева и Н. Некрасова, премии им.

К. Бальмонта, премий журналов "Зинзивер", "Зарубежные записки" и газеты "Поэтоград", дипломант IX Международного Волошинского конкурса (2011).

Победитель конкурса "Эмигрантская лира" в номинации "Неоставленная страна".

Лауреат премии "Поэт года - 2013" и премии «Писатель XXI века» в номинации «проза».

Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра.

В лодке

Не делай добра — не получишь ответку,
Такую, что мир потемнеет в глазах.
Не верь никому — только небу и ветру,
Взлетая на сорванных вдрызг тормозах.

Вдруг вспомни, как пил с пацанами «отвёртку»,
И время сорвётся с тугого гвоздя,
И, сколько ни лей распроклятую водку,
Те песни уже и припомнить нельзя.

А завтрашний день, словно лодка, отвязан,
И крутит его среди вздыбленных вод.
Ты это предвидел, и значит — обязан
Всё сделать иначе, всё наоборот:

На тихой реке, задыхаясь от плача,
Отпустишь всю боль из продрогшей души.
И лодку волна принесёт, а иначе
Ночами тоска будет гнать и душить.

Ты в лодке, без вёсел, отчаян и весел,
Один, посередке ничейной страны...
И пусть мне не вспомнить слова наших песен —
Вы только дождитесь меня, пацаны!

Колея

Несбывшейся судьбы слепая колея,
И сбывшейся судьбы калёные железа.
Я был кому-то враг, а может и не я,
Лишь след остался как от старого пореза.

Другой земли уже не будет у меня.
Моя родня давно рассеяна по свету.
На этом рубеже, на линии огня,
Там, где пробито дно, где догорает лето,

Где ягода горчит, где яблоня пуста,
Где сердце жжёт в ночи, как будто после драки...

Все строчки разменял с последнего листа.
Кто встретит там меня? Наверное, собаки.

Как сладок этот дым погасшего костра!
Она придёт к другим, беспечная победа.
Жизнь всё-таки, скажи, прекрасна и остра,
И можно дальше жить, не оставляя следа.

Живу от скорой и до скорой:
Кусает время старика...
А надо мной весенней сворой
Спешат живые облака —

Туда, где лезет из-под дряни
Побегов новых дружный ряд,
И где смешливые земляне
О чём-то тайном говорят.

Им предстоит круги и петли
Пройти, не потеряв земли,
От жизни зимней к жизни летней,
И снова — в обморок зимы.

Они не люди, и не ждите —
Мир насекомый тих и прост.
И муравей, упорный житель,
Уже поднялся в полный рост.

Гудит пчела, кузнечик плачет,
Шмель тянет первый сок весны.
И свет вокруг... а это значит —
Всего минута тишины.

Злые времена

В этот год уста мои замкнулись,
И стихи оставили меня.
Я входил в глухую клетку улиц
На излёте каменного дня.

Время злилось, мылилось и пело,
Задышалось, падало как плеть.
Голова сопротивлялась телу,
Не хотела ни за что стареть.

Плыл над миром терпкий запах крови,
И не скажешь — здесь мы ни при чём.
По утрам я видел в изголовье
Ангела с пылающим мечом.

Выданы нам злые времена,
Но, как видно, не достиг я дна.

Дети на траве

Пока наш мир стремглав уходит в кому,
Как и вчера, растёт трава у дома,
И дети там играют на траве
Без памяти о бедах и проклятьях.
И у мальчишек в каждой голове
Нет мыслей тех,
 что гложут старших братьев...

Мальцы мудрее — так же, как трава,
И деревья под пылью придорожной,
Как медный диск на небе с глупой рожей
И мелкий птах, пробившийся едва
Из бедного яйца.

 Но спросит строже
Отъявленное время скоро с них.
И это жизнь, представьте, а не стих.

* * *

Когда она придёт, ничья победа,
На землю не отбрасывая тени,
Не оставляя никакого следа
Среди людей, зверей или растений.

Когда она придёт...
 Что будет дальше?

И сможем ли смотреть мы друг на друга?
И будут ли деревья петь без фальши,
И встретят ли нас птицы без испуга?

Но будут жить, как прежде, человеки,
Над суетой привычно пролетая,
И от стыда не покраснеют реки,
И снова волки соберутся в стаю.

И мы забудем, что была война,
Но время смоем наши имена.

Недопитая чаша

Друзья поздравляют меня,
Что вынес три четверти века,
Что вера моя в человека
Жива среди льда и огня.

А я затаился в тени,
Невидим для ада и рая.
Мои предпоследние дни
В осенней листве догорают.

Так радует этот тепло —
Горим, значит помним и верим,
Распахнуты окна и двери,
И время дождями стекло...

В нагрудном кармане обол
Хранится для судного часа.
Что я потерял — то обрёл,
И ждёт недопитая чаша!

Голос

Мама давно не приходит ко мне —
В муторном сне, в предрассветном огне,
В мороке хвори, в ковидном бреду,
Даже когда за порогом бреду.

Только порой, в подступившей тоске,
В лодке, ползущей по нищей реке,
Там, где, уже задыхаясь, гребу —
Чувствую мамину руку на лбу.

Голос — как ветер над быстрой водой:
«Мальчик потерянный, мальчик седой...»
И растворится неведомо где.
Лёгкие камни в тяжёлой воде.

* * *

Какие были наши времена!
Мою страну корёжило и мяло,
И те, кому по жизни было мало,
Старались отовариться сполна.

И мы вздыхали: только б не война!
Всё остальное жгло, но не сломало.
А этот век своё готовил жало,
И поднималась мутная волна.

Куда ведёт ослепшая судьба?
А мы всё давим из себя раба,
Который крепко держит нас за душу.

Что может на закате защитить?
Жестокий ветер наши лица сушит
И жадно гложет этой жизни нить.

ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ

Родился в городе Среднеуральске. Окончил УПИ. Увлекался театром, нетрадиционной медициной, поэзией, занимался боевыми искусствами. Издано три сборника стихотворений – "Сотворение", "Дыхание дней", "Прекрасная Елена". Недавно вышло избранное в двух томах: первый – "Стихотворения и поэмы" - многое из написанного за более чем тридцать лет; второй – роман- дневник в сонетах "Тезей".

Чем глубже погружаешься в безумие,
Тем правильнее кажется оно,
Так манит извержение Везувия,
И бабушку Раскольникова — дно,
Так матрица — лишь вирус человечества,
Европа — голем, деус ин машин,
Грядущее и будущее жречество,
Как антитеза женщин и мужчин,
Калика убедительнее ангела,
И белое без повода черно,
И мне чужды законы, леммы, правила,
Но иногда спасительно одно —
Мир держится, как луч внутри объятия,
Ещё не одержимости, — как ось,
И маленькой любви гомеопатия
Нужна, дабы безумье не сбылось.

Настроение? — нечто летучее,
Так звезда исчезает падучая,
Оставляя невидимый след,
Косиножка бежит по поверхности,
Разбираю понятие верности,
Не касаясь причин и примет, —

Как конструкцию или абстракцию,
До снижений параметров акцию,

Применяю толстовство, астрал,
Недеяние, просто безделие, —
А вот что бы сказала Офелия,
Если б Гамлет судьбу обыграл? —

Все герои нужны лишь героями,
Наши замки рассыпались Троями,
Наши женщины лгали в глаза,
Черно-белое... — белое? чёрное? —
Настроение? — мрачное, норное,
Затянувшаяся полоса,

Вот и мысли со знаком неравенства —
Почему быть не преданным — таинство? —
Значит, верности лучше не жди.
Знай — у каждого есть обстоятельства, —
Так что, выдохни, ваше сиятельство,
Посмотри. Помолчи. И — иди.

Настроение? — Пасха и вербное,
И Луна затевает ущербное
За горою, и станет темней,
Монастырь у вершины разрушили,
Мало каши защитники кушали,
Вот и с верностью то же, и с ней...

При свете рампы тени по углам,
Из лиц, измятых, точно старый хлам,
Уходит бесконечная усталость —
Все стертое всплывает из-под вен,
И мрак в углах уж тем благословен,
Что поглощает немощ или жалость.

То, что на сцене и что видит зал, —
В каморке нищий трагик предсказал,
Затем запил холодным спитым чаем,
И поутру, не выходя на стук,

Оделся в Стиксом вышитый сюртук,
Но в пьесе мы иное замечаем —

Как юн поэт, и как беспечен он! —
Вот так и совершается канон -
Фантазия, все остальное — тени,
Поэтому и истина — в углах,
И зрители, и мы — не при делах,
И рампою очерчены ступени,

Где первая — актеры, пот и грим,
Вторая — мы от счастья парим,
Поэзию, как мир, воспринимаем,
Как зрители, как детство за углом,
На третьей тени именуем злом,
И далее, но главная — седьмая —

На ней сюжет уходит за обрыв,
И автор утром голоден и жив,
И смотрит, как в окно стучится птица,
И чудится — распахнуто окно,
И мы с поэтом снова заодно,
И рампа опрокидывает лица.

Великий слепец Абу-Аля-Аль-Маари

Мир состоит из птичьих голосов, И слов любви, но больше - интонаций,
Добро и зло на чашечках весов, Вот так же разговаривал Гораций, О
женщинах, о снах, о темноте, Но что он видел, ветренный и зрячий? - Как
холодно стоять на высоте, И чем ты бессловесней, тем богаче. На это
небо (птичьих голоса), На женщину, стригущую тюльпаны, На свет, что
льют незрячие глаза, На мир, что слеп, и где слепцы желанны. А
мудрость - нет. И остаётся яд - Иронии, сарказма, сожалений, И потому
читаю всё подряд, Чем одарил слепой и зрячий гений.

Есть в бархате английского сонета Витая фортепьянная струна, Сталь
переплёта Ветхого Завета, И винный уксус старого вина. Символика
ундины и ограды, Деление на Запад и Восток, Но в посохе клинок и

шелкопряды, А в сказках чаще лампа и свисток. Взойдёт Аврора, спляшет Персефона, И бремя белых - тросточка и стек, И Свифт для старой Англии - икона, И от сонета стал железным век. Так что сонет - струна или клинок? - Скорее слово, что оставил Бог.

Мне правда жаль, что мы сегодня врозь, И сам я в этом мире только гость, Влюбившийся в ручьи и перелески, В свинцовые объятия грозы, Урала или средней полосы Еловые и лиственные смески. - Так папоротник, мхи и плауны Сегодня - чей-то взгляд со стороны, Где Мёбиус и ночь и динозавры, И две Луны и ярок Фазтон, А жил ли в ту эпоху царь Додон, Не знают ни экологи, ни мавры. И я не знаю - жил ли я тогда, Чем выше лес, тем слаще в нём вода, Но человеку требуется мера - Вот куст, вот лист, вот облако, скала, Вот женщина, вот пепел, вот зола, Вот вечность для ребёнка-эфемера. А нет другой. Но чаша до краёв. - На огороде вновь болиголов, И покосилась за зиму теплица, И первая гроза не за горой, И гонимся за чёрною дырой, Стирающей объятия и лица. Но так ли это? - вот же я, взгляни. Перечисляю мелочи и дни, То дерево, те встречи, - всё напрасно? Не думаю, - куда уходит свет? Непостижимы рок и бег планет, А то, что врозь - вот это и прекрасно.

Подскажите, где выросла мята? Земляника, шиповник, осот? - Где художнику мнится сфумато, Ветерок, нисходящий с высот, Сон-трава, что царит по низине И с куриной живёт слепотой, И в логу то оранжево-сине, То кустарник настолько густой, Что царапает, не пропуская, Где былая тропа - не пройти, И цветы, словно пена морская, Или марево, словно цветы, Вместо мяты, а мне бы коснуться, Чтобы запах - короткой волной, Чтобы в это мгновенье вернуться, Где гроза далеко, стороной.

Захочешь пожить в беспорядке вещей, попробовать разного вздора, - Промёрзнуть зимой, как бегущий ручей, расти, как цунами и горы, Катить колобком, умудриться совой, а лет через сто – черепахой, Три тысячи раз возрождаться травой, пока не очухаться птахой, Затем научиться летать меж миров сквозь чёрные, белые дыры, И в детство нырнув, в связке мыльных шаров узнать проявления эфира. Куда, языки колдовского огня, вы тянетесь, где ваша ноша? К какому порядку зовёте меня, и что из вещей я не брошу? Попробую так объяснить – ничего не

выброшу, малого дара, Травую в пространстве шумит мировом Земля,
отдыхая под паром. И существование слагается в шум, и белое видим на
белом, Так когито скажешь, и вслед - эрго сум, что так беспорядочно в
целом.

Допустим, есть причина для безу... - Как правило, нехорошо внизу,
Вверху орёл или курица в отмазке, И вот Москва - столица деревень, И
Грозный то ли в шапке набекрень, И писарю рассказывает сказки, Не то
на дело слов не напасли, И Батюшкова походя снесли, И Гаршина, и
Мастера задели, Да вся страна под нож и в желтый дом! - И вот безумье
снова доладом, Как будто не история - качели. И переход из Киева в
Констан..., И Перекоп пока ещё не сдан, И нас язык ведёт до Перекопа,
Но сгнил Сиваш, как вера, на корню, И я за то безумие люблю, Что с ним
не дожидаясь потопа. Приварок обращается в акрил, Ещё чуть-чуть -
лишились бы Курил, Байкала, долголетия, народа. Мой город жив на
границе языка, Несжатая полоска так узка, Что кажется, безумье - это кода.
*Не зря грозили Тютчеву козой, И Лев Толстой проказничал босой, И
весь Дали - на краденой верёвке, Не курица - орёл, тянитолкай, Сажай
его на цепь, не отпускай, Как главного героя в постановке. ** Смотри на
Крокус Вием из-под век - Ты в Белгороде не был, человек, Авдеевке,
Донецке, Сталинграде, - Везде кричат, что так мол нам и на... - Чужой не
получается война, Смотри, как умирают, Бога ради.

Ничем не оправдаться перед Богом За первородство тризны кровяной,
Прикрыться от отчаянья виной? - Все мальчики проходят травелогом,
Возносятся, спускаются - зачем? - Убийство не оправдано ничем. Я
повторяю, потому что нем - Ничем. Ничем. Ничем. Ничем. Ничем.

В подъезде лифт сломался как-то, И мой тринадцатый этаж - Всего лишь
подтверждение факта, Что спорт заброшен мной, как блажь, Хотя...
читая что попало, Дойду, не задевая стен, Влеком слонами Ганнибала И
переключками Камен - Так прежде под гору и в гору Несли друг друга
мудрецы, Так намело в наш разум сору И поэтической пыльцы, - Пора в
деревню! - там крылечко Из трёх ступенек и порог, И плед, и чай, и в
кухне печка, - Но в пятницу отбыть не смог, - И вот они - плоды
прогресса! - То нет воды, то гаснет свет, То лифт не принимает веса И

груза преходящих лет. Пойду пешком до магазина - Авось починят за часок, Сравню не наши, наши вина, Да и куплю томатный сок. (А положи домишко набок - Как просто было бы войти Сквозь вечное ворчанье бабок, Камен последнее прости).

Я помню лес, Мулянку, плоскодонку, И камыши - достаточно ребёнку,
Чтоб заразиться этим колдовством, И помнить сапоги с болотной жижей,
И чагу, выпирающую грыжей, И медленно гниющий бурелом...
Припомнил - маму друга звали Дора, Не дождались грязнули слов укора,
Но вымокли и грелись на печи, Пока одёжка сохла после стирки, И, из
сапог вода, сочась сквозь дырки, Горячие пятнала кирпичи. Блаженно
время? дружество? осока? - Мулянка пересохла до истока, И трасса там,
где были камыши, И от рыбалки - никакого прока, И друг ушёл, и я
давно далёко, Но что-то остаётся для души.

ЛЮДМИЛА ВАЙНРИБ

Родилась в Харькове. Закончила Харьковское музыкальное училище. Работала музыкальным работником в детских садах.

Сама писала сценарии, стихи и песни к выступлениям.

Начинала печататься в местной газете. Позже закончила Харьковское медицинское училище и с семьей переехала в Австралию в город Мельбурн, где работала медсестрой.

Вышла на пенсию и возвратилась к поэзии. Пишу, потому что не могу не писать.

ВЕЧЕР

Ветер затих успокоенный.
Воздух так свеж, как в лесу.
Кот, словно он дрессированный.
Лапкой стучит по стеклу.

Сказки гуляют по городу.
Золушка едет на бал.
Тихо, тепло, нету холода.
Принц ее ждёт, хоть не звал.

В сказках всегда все сбывается.
И побеждает любовь.
Люди идут, улыбаются.
Люди так счастливы вновь!

Гром, не стрельба, не пожарище.
Просто гроза, вот оно!
Стихло вокруг, и товарищи
Снова стучат в домино.

ПОДРУГА

Я жду тебя, моя любимая подруга.
И наполняет мое сердце теплота.
И для меня сейчас нет лучше друга.
И я готовлюсь удивить тебя.

Мы соревнуемся в прыжках и поворотах.
Я так стараюсь от тебя не отставать!
Но не всегда все получается, и что-то
Я понимаю сразу, мне не двадцать пять.

Но ты строга, и это справедливо.
Водила мама на балет тебя.
И у тебя все получается красиво.
А я стараюсь . Я ведь бабушка твоя!

НАЧАЛО ОСЕНИ

Запах свежескошенной травы,
Хороводы красно-желтых листьев –
Понимаю, знаю – это вы
Дребезжите золотым монистом.

Что поделать, да, конечно, вы.
Призраки в осеннем сарафане.
Вянут запоздалые цветы.
Не бегу на пляж, купаюсь в ванне.

Слишком поздний старт наводит страх
И манит диван своим уютом.
Не смотреть бы в паспорт, это мрак.
Музыка, стихи – вот это чудо!

Это чудо спящую меня
Разбудило вдруг, лишив покоя.
И зовет, в неведомость маня –
Осень землю листопадом кроет.

Шелестящей, золотой рекой
Заполняет улицы и светит.

Осень, унеси меня с собой,
Я пристроюсь, ты и не заметишь...

КАРТИНА

Картина манила обилием красок.
Казалось, в ней тайна жила.
А что это? Может созвездие сказок?
А это быть может луна?

Ну вот она, желтая, тут притаилась -
А вдруг это чья-то слеза?
А может быть, звезды в картину влюбились,
В ней спрятались, будет гроза?

Художник бесценный, тебе лишь четыре.
Любимая внучка моя!
Ты лучше и ярче всех девочек в мире.
А может быть лишь для меня?

Ты смотришь серьезно, почти со слезами,
Стараясь мне правду сказать.
«Грендма, это ты! Только кверху ногами!»
Что дальше и не описать.

«А рядом грендпа. Я не все рассказала!,
Грендма и грендпа!»
Я со стула упала...

ОСЕНЬ

Солнцем позолоченные листья
Разлетелись над лесной поляной.
Я вдыхаю воздух свежий, пряный,
И взлетает ветер, небо чистя,

Тихо кружит по лесным дорогам,
Заметает, но не объясняет
Ту печаль, несут куда-то ноги
Грусть и радость, грудь переполняя.

Грусть, что солнце движется к закату,
Грусть, что жизнь прекрасна, но сложна.
Грусть, что сын подруги стал солдатом.
А еще, что где-то там война.

И гуляет ветер по округе,
Чей то голос слышится вдали.
Светлая печаль о старом друге,
Детский, звонкий голос: "Догони!"

Ба, ну что же ты опять отстала !"
"Я бегу !
Я вовсе не устала!"

ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ

(1950 – 2020). До отмены в СССР цензуры печатался как поэт-переводчик; опубликовал множество переложений из Китса, Уайльда, Киплинга, Рильке, Рембо, и других. В 1990-е годы подготовил к печати четырехтомную антологию поэзии русского зарубежья «Мы жили тогда на планете другой», трёхтомное собрание сочинений Георгия Иванова и многое иное. В 2003 году создал сайт «Век перевода» (www.vekperevoda.com), в 2005 и 2006 годах издательством «Водолей Publishers» по материалам сайта изданы антологии русского поэтического перевода XXI века – «Век перевода». Лауреат премии «Серебряный век» за 2014 год, эксперт Союза переводчиков России, поэт, переводчик, романист, главный редактор издательства “Водолей”.

Из книги «Град безначальный»

BELLUM OMNIUM CONTRA OMNES*. 1918

Ядовитые газы германской войны.
Дирижабли, прививки, котлы, суррогаты.
Как мы были в те годы бездарно бедны!
Как мы были в те годы бездарно богаты!

То цилиндр, то берет, то картуз, то чалма,
и ходили б часы, только сломаны стрелки.
Эту кашу Европа варила сама,
и она же в итоге оближет тарелки.

Если жалко алмаза – сойдет и корунд.
Если жалко ведра – так сойдет и бутылка.
Первой скрипкою будет какой-нибудь Бунд,
и дуэтом подхватит какая-то «Спилка».

То ли хлор, то ли, может, уже и зарин.
Миномет на земле, а в руке парабеллум.

Аспирин, сахарин, маргарин, стеарин
и пространства, где черное видится белым.

А еще есть Верден, а еще Осовец,
и плевать на эстонца, чухонца, бретонца,
а еще есть начало и, значит, конец –
все двенадцать сражений за речку Изонцо.

А еще ледяное дыханье чумы,
а помимо того – начинает казаться,
что на свете и нет ничего кроме тьмы,
комбижира, кирзы и другого эрзаца.

И ефрейтор орет то «ложись!», то «огонь!»
и желает командовать каждая шавка,
и повсюду Лувен, и повсюду Сморгонь,
и не жизнь, а одна пищевая добавка.

И кончается год, а за ним и второй,
а на третий и вовсе отчаянно плохо,
а Россия обходится черной махрой,
а Германия жрет колбасу из гороха.

И события снова дают кругалю,
потому как нигде не отыщешь в конторах
ни селитры, ни серы, ни даже угля,
и никто не заметил, что кончился порох.

Полумесяц на знамени бел и рогат,
окровавлены тучи, и длится регата,
и по Шпенглеру мчится Европа в закат,
незаметно пройдя через пункт невозврата.

*Война всех против всех

НАФТАЛИ ФРЕНКЕЛЬ. БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО. 1926

Что за яблочко в пасти у здешнего льва?
Даже звезды зимы от вранья косоглазы.

Но на сердце доселе хранят острова
пир во время чумы, пир во время проказы.

Внук раввина впервые за много веков
и монахам и уркам готовит подачки,
и летят в Антарктиду с родных Соловков,
цепenea от страха, полярные крачки.

Только этим плевать на слова директив,
подневольной толпой исполняемых тупо,
здесь правительство нынче – чахотка и тиф,
и свирепствует круп хуже Фридриха Крупша.

Полагается двигаться верным путем
и, приветствуя радостный труд перековки,
четвертинку столетья отрезать ломтем
под икру и шампанское в рабской столовке.

Что ж не праздновать тут, с дорогою душой
к Неффалиму-владыке тихонько подсыпась?
Он умеет устраивать хипиш большой,
никому не позволив устраивать хипес.

Убедит он любой ненадежный притон
не играть с гепеу ни в лапту, ни в горелки,
он-то знает давно, на который чарльстон
покупаются лучше всего недострелки.

Новогодней баланды глубокий черпак
причитается каждому в нынешнем цирке,
чтобы каждый сплясал новогодний гопак,
ну, а если не спляшет – сгниет на Секирке.

Четверть века упало в довременный мрак,
потому-то и времени нынче не жалко.
И танцует с троцкистами весь женбарак,
и одета по моде любая хабалка.

И в подпутье решив, что была не была,
этот остров не хуже, чем всякий соседний,
на узбекском рубабе играет мулла,
напевая негромко про «есть наш последний».

И на многие страсти сейчас неделим,
среди урок, красиво одетых-обутых,
разомлев, размышляет завхоз Неффалим
о родной мастерской на Больших Арнаутах.

Кто узнает, что выпадет нам в январе?
И молчит монастырь, и не ведает гнева,
а его протопоп и заезжий кюре
крестят слева направо и справа налево.

И колеблется вечность на Божьих весах,
И рождается кашель в груди нездоровый,
и гармоникой страшной висят в небесах
багрецы высоко над страной багровой.

И сиянье полярное пляшет фокстрот,
освещая тропу от варяга до грека,
и приветствует весь соловецкий народ
четвертинку вторую двадцатого века.

ЕФИМ ГАММЕР

Родился в Оренбурге (Россия), жил в Риге, с 1978 года в Иерусалиме. Автор 29 книг стихов и прозы, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Лауреат литературных премий имени И. Бунина, Э.Хемингуэя, А. Ахматовой, У.Уитмена и многих других. Печатается в журналах

«Литературный Иерусалим», «Арион», «Нева», «Дружба народов», «Вестник Европы», «Эмигрантская лира» и др.

ВРЕМЕНА ГОДА

ЗИМА

1
И всё-то, всё-то – ничего.
Зима, снежинки.
Нева, покрытая ледком,
как бы в простынке.
Изба, разбойное крыльцо –
ногам подсечка.
Заиндевелое винцо,
шальная печка.
И всё-то, всё-то – в полусверк
ушедшей ночи.
Летит сквозь жизнь, летит сквозь век,
ворчит, пророчит:
«Река вдруг вскроется. Пойдёт
в скелетном гуде.
И лишь того не кинет в пот,
кто жив не будет».
И всё-то, всё-то – трын-трава.
Больной – в порядке.

Играет с веком жизнь-вдова,
играет в прятки.

2

Кони мерзнут. Кони храпко
зубы скалят. Ветер, сгинь!
Стынь схватила их в охапку.
Берега реки – тиски.
Санний путь, морозный, стонет.
Взмах кнута, испуг теней.
Кони! Кони! Кто в погоню?
Кто догонит их теперь?
Коль согрет ты, коль укуган,
быстро с негой распротись.
Брызги снега – в высь, к Усть-Куту,
тройка вдаль, взрывная рысь.
Воздух плотен – не бесплоден,
он рождает долгий свист.
Кони! Кони! Бес им сроден,
быстроног и норовист.
Мир простыл. Дрожит, злосчастный,
под хрустальный звон вожжей.
Бьют копыта, бьют по насту,
как по лезвиям ножей.

3

Ну и колется у околицы
снег буравчатый, озорной.
Над ракитою, как ракетой,
небо выстрелило луной.
И веселыми новоселами
обживаются в полумгле
первоснежники на валежнике
на березах и на земле.
Невесомые, напоенные
свежим соком небес тугих –
их восторженно и встревожено
принимают сердца и стихи.

ВЕСНА

1
Под стук колёс
В оконной мгле
Мельком
Проскальзывают блики.
Лечу
По Матушке-Земле
Сквозь Балтику,
Из Петербурга в Ригу.
Я помню мир
Без виз и без границ,
Когда поездки
Были вроде спорта.
Считай, что ты
Из перелётных птиц,
Без паспорта,
Без визы и досмотра.
Лечу по рельсам,
Вспоминая вновь,
Что в давний мир
Меня позвала снова
Не жажда приключений,
А любовь –
Длиною в жизнь,
Пусть в ней всего в три слова:
«Люблю и жду»!
Ну что ещё в раздрай?
«Достать чернил и»,
Нет, не стану плакать.
Сто капель коньяка,
Горячий чай
И тульских пряников
Подслащенная мякоть.
Какая тьма!
Какой нас ждёт рассвет?
Но рельсы не свернут,
К былой веда Отчизне,

Туда, где нам
Совсем немного лет,
И словно рельсы,
Параллельны жизни.

2
Всё призрачно,
Что вижу я в былом.
Колеблемый
Незримыми ветрами,
Лечу к тебе.
А жизнь, меняя рамы,
Идёт во мне –
Притворна!– напролом.
И лицедействует,
Как в драме,
Житейским
Политой дождём.

3
Немыслимо, но я живу былым,
Как телеграмма давними словами.
Лечу к тебе. Но как развеять дым?
Пробиться как? В неясной панораме
Я различаю губы и глаза.
Они твои, зато морщинки «наши».
О, не старей! Тебе стареть нельзя.
И без того себя уже ты старше.
Из круга жизни – общих зим и лет –
Ты в круг иной вошла – в моё былое.
Любовь! Я постигаю твой рассвет
Не на рассвете... Позднею порою.
Мой поздний час, вновь чувства прояви,
Чтоб – опалённый невозможной ранью –
С любимую я снова был на «Вь»,
Как в первый день, за век до расставанья.

ЛЕТО

1

Невские белые ночи.
Помыслов росные капли.
Вынесло в многоточье
шпильки, кинжалы и сабли.
Плаваются в прелости звуки.
Сеются в праздности слоги.
Призраков стылые руки.
Странной окраски тревоги.
Сны натекают ленно
лепетом лживости детской.
Пахнет невысохшим сеном
и очарованным сердцем.

2

И спутник старинных сказаний,
и пленник наследственных сил,
я нервно – стихом осязаний –
в словесных пределах бродил.
Вызваливал формулу чувства
из дебрей придуманных дней.
И Синяя Птица Искусства
стеклянно мерцала в окне.
Вломились незваные сроки,
оконные смяв миражи.
И снова судьба на пороге
у правды-неправды – души.

3

Зорька лижет дымный стланик.
Юркий глассер воду пенит.
Мне сродни – такой же странник –
чужд он злодремотной лени.
Мчит по Лене. Читит паренье.
«Жить бореньем!» – во весь голос.
Не в бегах... Он вечный пленник
скорости плюс снова скорость.
И летит, как бы ужален,

из мгновения в мгновенье,
кровяной сибирский шарик
по речной сибирской вене.

ОСЕНЬ

1

Приятель, тротуар, тебя здесь не найти.
Здесь взапуски со мной шоссе несется.
Я обогнал асфальт. Проселок впереди
и с горизонтом спорящее солнце.
Плыви себе, как будто сквозь года
Непознанной гористой параллелью.
А позади – их светлость – города,
как наказание, боль, похмелье.

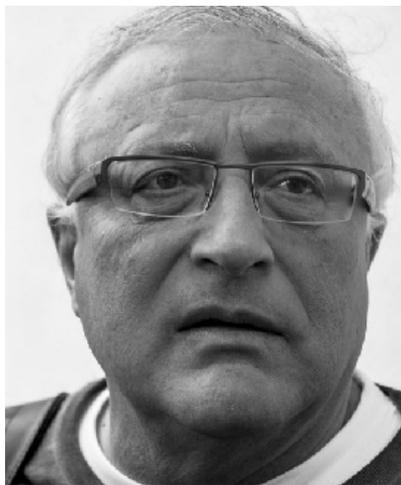
2

Бездомность, суета отринутого мира.
Повергнутая в чувство цветотень.
И не до жиру. И опять мигрень
от ощущения: будто в центре тира
стою – открыт для пули и ножа.
Разборчиво перо, забывчива душа.
Вновь сосланы года на каторжную память.
И трезвый разум, честью дорожа,
все полагает, что пришло править.
Но «полагает» – это не приказ.
Не выправить ни слова, жеста, шутки.
И прошлое живет и мчится на попутках,
чтобы догнать меня, ворваться в этот час.

3

Асфальты – в горизонт, обманный час распутья,
сомнений пустоцвет, затейливый покой,
и медленно текут ручьи по руслу сути,
и сердце говорит с непознанной судьбой.
Разбрызганы во тьме проплешины сиянья –
не лунные, не звездные, а истины и лжи.
И привлекает жизнь реальность и преданье,
соединив в горсти лучи земной души.

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

Род. В 1947 г. в Москве в семье врачей. С 1981 г. живет в США, работает врачом, специалист по диагностике рака. Пишет по-русски и по-английски, публикуется в журналах Октябрь, Новый мир, Арион, Вестник Европы, Новая Юность, Сибирские огни, Зарубежные записки, Новый журнал и других. Стихи и эссеистика по-английски публикуются в американской и британской периодике: Richmond Review (London, UK), Manhattan Review, New Orleans Review и многих других. Стихи были включены в несколько международных антологий и

переведены на несколько европейских языков. Номинирован на престижную американскую премию Pushcart Prize. В 1998 г. закончил литературный факультет Университета Вермонта со степенью магистра искусств по литературе. Автор нескольких сборников стихов и эссе на русском и на английском, в последнее время: Вариации на тему (Изд-во Время, Москва), Live Landscape (Boston). Организатор и ведущий популярной серии поэтических чтений в Нью-Йорке и Гл. редактор журнала поэзии ИНТЕРПОЭЗИЯ.

Что мы знаем о будущем?

Что мы знаем о будущем?

Только то, что – было.

В детстве сулили райские кущи,
и на доске написана мелом
глупость. Но на великом, могучем.

Надежда осталась в темнеющем прошлом.

Любовь спит на заколоченной даче.

Что же касается веры в калошах,
Зои Карениной, девы с веслом –
так они вечно торчат на раздаче.

Снизу пожиже – завет военкома.
Чистят стволы и бухают всеюшчно.
Вижу – толпятся они у парома.
Словно в атаку снова и снова.
Там, где Харон дежурит бессрочно.

Мы – в ожидании на пересадке,
переселенцы в поисках дома.
СМИ обещают на Пасху посадки.
Книга истлела в дачной беседке.
Град на холме – в облаке смога.

Зима живет своей судьбой,
А за окном стоит она
И снег жует и лапки прячет.
Ведь холодно, и грач маячит,
И в небо падает луна.

А за последним поворотом,
У остановки городской,
Закутанный, усталый Ленский,
Наедине с самим собой.
Один – среди тоски людской ...
Стоит, глаза в газету прячет.
И мелочь ищет – чуть не плачет
В перчатке мерзнущей рукой.

Мало осталось от времени этого.
Инициалы только остались.
С кем я тогда продолжаю беседовать?
Будто того, что было мне мало.

Кто же теперь мне станет советовать?
Кто у ворот со свертком догонит?
Словно иду я по стылому следу,
И уж давно отстала погоня.

И уж давно помело отметелило.
Лишь бы остались инициалы.
Да на доске начертано мелом:
Сахар в моче, натрий и калий.

Известь в крови, да эхо далекое
На неизвестном наречии слышится.
Может уехать, но все же морока
Переворачивать снова страницу.

Входы и выходы заколочены.
Брежит мираж аэропорта.
Визы проставлены, но просрочены,
Да и заполнена бывшая квота.

Все же живу я инициалами.
Но неизвестно заветное имя.
Так и записано алым по алому.
Облако плавает синее в белом.

Могла бы ты меня понять.
Мне эту чашу не поднять
и не испить. Уже нельзя мне.
Да я и сам себе не внемлю,
а так, болтаю невпопад.
Так получилось, так уж вышло.

Душа впотьмах чего-то ищет:
родных, в сортир ли дверь, стакан
с последней водкой, книгу, рощу,
застывшую под странным небом
языческих далеких стран.

Но я теперь, привыкнув к боли,
толкая лодку, сев на мель,
плету чудные разговоры
вокруг да около, надолго ль.
А рядом в майках рыщут воры

и жизнь похожа там на быль.
Такая быль, что нет развязки
узла, в котором скрыта суть.
Поднимешь голову – прекрасна
та жизнь – висит рассвет опасный
и стынет одиноко грудь.

Мы проговорим с тобой насквозь,
До конца, когда засвищет ветер.
Нам с тобой не суждено поврозь
Отойти на метр.

Снег летит на мерзлую слюду
Из «колодца», но и там, за белым,
Ждет судьба, которой не найду,
как фантом от боли за пределом.

Что мы можем дать? Да ничего.
Только квант тепла, на ножке рюмку.
Жить, не жить, но говорить легко.
Чем странней, тем лучше и заумней.

Мне — тягучей электрички гуд
да родная дачная ограда.
А тебе — движенье мерзлых губ
в каменном ущелье Ленинграда.

ПРИБЕЖИЩЕ

Вдоль незримой ограды
Где медленный ток
Пробегает навстречу себе
Уроборос судьбы, там местность стоит
Навсегда как на мертвой картине
Здесь спокойно, не слышны гудки поездов
Незаметны следы по осенней траве
Мысль здесь растворима в прозрачной листве
И висит паутиной

Пограничников нет, ни собак, ни ушей
Нету камер, глазков
Но выход потерян
Где-то там за оврагом, за тенью тенет
Растет мыслящий бересклет
и известно что в этих местах
где-то жребий измерен.

Вдоль ограды, тропинкой, что кругом ведет
До предела где столб полосатый
Бесконечна дорога, а что там нас ждет
Весть потеряна где-то когда-то.

Сил ненавидеть не хватает.
Хватает сил дожить и спать.
Нас ждет подобие сарая
И многоспальная кровать.

А он неутомим в заботах.
Ему, по сути, не до нас.
Мы пчелы в позабытых сотах.
И там не слышен дальний глас.

Один нам путь — вернуться к устью
Давно исчезнувшей реки.
Оглянешься: там тоже пусто.
Но где-то светят маяки

У берегов нам недоступных.
Давно уплыли корабли.
Там птицы умирают грустно
На ложе выжженной земли.

Но есть генетика спасенья
В глубинах нелюдимых недр.
И длится вечно воскресенье
Там, где стоит последний кедр.

ЯНВАРЬ. ДОРОГА.

И.К.

Черный хрустящий лед.
Лунное олово.
Нету других дорог,
Холодно, голо.

Призрачное в ночи –
Белое здание,
Из темноты молчит
Дно мироздания.

Что там в тени деревьев
На расстоянии?
Ночи просторный склеп
Как на экране.

Ночь, ледяной фонарь,
Нету аптеки.
Долгий сезон – январь,
Мертвые реки.

Медленный лунный путь
Лег одиноко.
Нам суждено идти
Этой дорогой.

Кто-то там встречи ждет,
Верит что снова.
Черный хрустящий лед,
Лунное олово.

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах, в частности в «45-й параллели», «Белый ворон», «Крещатик». В 2006 году был удостоен высшей награды

международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

КОТ

В награду за примерное поведение и просто потому, что я добрый и хороший человек, я иногда кормил моего кота куриным фаршем. Фарш продается в мясном отделе среди тушек, колбасок, сосисок и ветчинок, но подписан: «кошачья еда».

Чтоб никто не перепутал.

Когда я доставал очередной брикетик, кот, где бы он ни был, тут же оказывался рядом, и, став на задние лапы, начинал исполнять для меня индийские танцы.

Как и положено в индийском танце, где каждый жест имеет строго определенное значение, И в этой пляске каждый поворот когтя и каждый изгиб хвоста несли тайный сакральный смысл.

Но я понимал этот шифр. «Я люблю это мясо.

Это мясо для меня. Я и тебя, даже, люблю, хозяин, пока у тебя есть это мясо».

Слово «хозяин» в кошачьем словаре отсутствует.

Тут у меня трудности перевода.

И кто у нас с котом кому хозяин?

Когда блюдо с фаршем уже стоит на полу, кот не унижается до излишней торопливости.

Он отходит от блюда на четыре-пять человеческих шагов.

Несколько секунд тихо, но отчетливо и грозно рычит.

Пантерой на дереве. Кого это мы думаем, что одомашнили и приручили?

По Киплингу: «Ты из дикого леса, дикая тварь!».

Потом два красивых прыжка

и три минуты сладострастного чавканья.
И все. Кот уходит умываться.
Я могу мыть блюдо.
Но ни после любой посудомоечной машины,
ни у одной аккуратной хозяйки
я не видел такой идеальной чистоты,
такого яркого блеска.
Без волосатой щетки. Без бытовой химии.
Зачем это ему? И зачем он мне?

Когда у меня был кот, я хотел воспитать из него
собаку Павлова.
На тумбочке лежал телефон. Два раза в день он звонко
пищал, и я кормил кота.
Кот быстро установил условный рефлекс, но
пошел значительно дальше, чем ожидалось.
Он решил, что этот немногословный, но голосистый
Samsung и есть главное существо в доме.
Иначе, как же понять, что даже ленивый я,
услышав звонок, спешу подсыпать сухой корм
и открывать консервные банки с мясом.
Рыбу он не признавал.
Действительно. На что я еще, с точки зрения кота, пригоден?
Для чего существую? Чтоб кормить.
Ну еще, конечно, погладить,
подставить колени, чтоб он на них полежал.
Еще почесать щеткой.
А тот маленький на тумбочке?!!
В общем, кот решил с ним подружиться.
Для начала он с нежным мявом долго
терся о ножки тумбочки.
Потом ловко, пружинисто с места запрыгнул
на ту же крышку, где спал телефон.
И, наконец, замирая от собственной храбрости,
краешком нежной лапки
кот трогал самый краешек этой загадочной коробки.
«Что я натворил? Как посмел?
А вдруг он обиделся и больше не зазвонит?»

Кот слетал с тумбочки
и бежал прятаться в самый дальний угол.
Куда-нибудь под кресло в другой комнате.
Он не был и не хотел быть собакой Павлова.

В окопы загнанные лохи,
Вы гибнете во славу Раши?
Да как вы сами не оглохли?
Собачий хор орудий ваших...

И вы ни в чем не виноваты.
Разадавлен танком в грязи вешней
Нормальный, не вступивший в НАТО
Простой украинский подснежник.

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

*Родилась в Риге, без малого 30 лет
живу в Мельбурне.*

*Муж, двое сыновей, две собаки,
два кролика... две рыбки.*

И понедельник, и дожди с утра,
Смотреть в окно, пытаясь что-то вспомнить...
Насвозь промокший синеглавый храм
Тускнеет позолотой колокольни.
Всевышний — и поможет, и спасёт?
...Который год — на коврике олени,
По капле — погляди — сочится мёд
Из ложки деда.
Прадед был расстрелян
Под крики обезумевшей семьи
Своими же (друзья-односельчане!).

... Здесь бабушка — всех чаем напоить,
И ветер ветки яблони качает.
Казалось, пятистенок — на века,
И детский смех. И воробьи по стрехам.

Вновь по карманам старый ключ искать,
И думать — слава Богу, что уехал.

Вылепил горы — легко, посадил леса,
(Горстку семян — во все уголки земли),
После поля расстелил и придумал сад,
А в небесах — солнца горячий блин.

Господи, благодарим за любую весть —
Облако, дождь и листья, зима, весна ...
Птица поёт в пронзительной синеве,
Зверь забывает прошлые имена,
А в тридевятом царстве цветёт январь,
Сладок инжир и тяжело багрян гранат,
На языке замирают опять слова,
После бокала выпитого вина.
А за окном — вздыхают колокола,
Старого храма на солнце сверкает шпиль...

Если бы знать ещё, на какой же лад
Ты меня создал, Господи.
Вы-ле-пил.

Кормить котлетами да борщом,
За ручку вести гулять...
А совесть всем предъявляет счёт
В распутице февраля,
И дважды два не бывает три,
Пусть даже таков приказ!
На общей кухне пеки, вари.
Над городом — облака,
Сосед подливает в стакан вино...
Бесплодны слова молитв,
Пока с винтовкой идёт сынок
По тропам чужой земли.

ФАИНА ЗИЛЬП

Я родилась в Украине в один день с Анной Ахматовой (но не в Одессе, а в Виннице и, конечно, на 85 лет позже!) Закончила художественную школу и педагогический институт, преподавала. В Австралии живу с декабря 1997 года. После окончания университета работаю по специальности Social Worker/Case Manager/Care Advisor. Печаталась в литературных сборниках, газетах и журналах в Австралии, Украине, Израиле, Америке, Англии и Бельгии.

Ежегодно публикуюсь в австралийском альманахе "Витражи" (уже международном). Финалистка литературных конкурсов: "Пушкин в Британии", "Арфа Давида", а также "Эмигрантская лира".

SOSстрадание

– Темно, подымите мне веки!
Пришла смена чёрная – серым.
Пиратам XX века
Вольготней ещё в XXI-ом.

Войну наугад замесили
Германии жалким повтором.
Какой там ИГИЛ – вся Россия
Себя запретила террором:

Страна-террорист (первый в мире),
Кто этого не понимает?
...Представь же: в вашей квартире
Насилуют и убивают,

В неё ворвались, как бандиты
Из гибельных тех девяностых...
Не смотрите вы – и сердиты:
Вам незачем знать о погостах,

О рвах, о подвалах для пыток.
Да разве вы – тоже – пираньи?!

Где силы жестокой избыток,
Пора проявить состраданье.
5 ноября 2022 г.

Адаптация

По свету рассеивать
Несогласных – драма.
Да сама Рассея ведь
В рабстве у тирана!

Сколько – до восстания?
Страх свободу губит.
...Только привыкания
К горестям не будет:

Смертно опечалены,
Славим непокорность!
Каждый день отчаянье
Затмевает гордость.

В исполина вымахать
Родине – из риска!
...Все глаза не выплакать,
Хоть к тому и близко.
3 марта 2022 г.

Беженцы

Блуждали и вагоны осаждали,
Тащили на себе и в переносках,
Вели на поводках... И ждали, ждали,
Когда исход закончится из Босха,

Из ада современного, Содома,
Где люди превращаются в чудовищ,
Где нету больше взорванного дома
И всех невосполняемых сокровищ:

Всей жизни фотографий, первых платьев,
Игрушек допотопных и уютных,
Любовной переписки... Негу – братьев,
Погибших при обстрелах частых, лютых;

Отцов и сыновей – воюют, может
И живы все пока?.. Пока, наш город!
Нас многих эмиграция стреножит,
Чужбины полонит мечта и морок.

Вернулось бы две трети хоть обратно!
Но некуда – так многим... Кров поищем...
Застыв женою Лота многократно,
Опять ты оглянись на пепелище...

В щербинах, как беззубая, брусчатка;
Земля не прокажённая ль отныне? –
Ведь детская запомнится прощадка
Крестами над могилками родными.

С 2-го на 3-е июня 2023.
3.20 ночи.

7 октября 2023 года (триптих)

I
Ликование какое, беснование
При жестокости убийства и глумления!
Тем даётся безусловность основания
Для не только боевого подавления –

Для заразы истребления (показательно!)
Всё, довольно обходиться полумерами! –
Будут люди за отмщение признательны,
Героизма вдохновлённые примерами.

Неповадно чтобы было повторение.
Чтобы прошлые ошибки все исправили.

Вот и здесь наружу вышло озверение;
Лбы убийц от наслаждения в испарине...

Показное зло – наглядное, бесспорное:
Зверство сладко применять для устрашения.
Упоение насильем тошнотворное...
Нет кошмару пробужденья-завершения.

В клетках – дети. Их отрубленные головы...
Эта тысяча убитых фестивальная...
Сожжены в кибуцах... Зло живёт – крамолами:
Та же Буча, но теперь уже в Израиле.
С 12-го на 13-е октября 2023 г.
1.30 ночи.

II
Не успокоиться никак.
Опять гнетёт недосыпанье,
Ведь по планете новый рак
Ползёт – и грудь от слёз тесна мне.

А метастазы всё больней.
...Не повредив здоровых тканей,
Как боль избавить от корней?
Охрип Израиль от стенаний.

Стена опять возведена.
...Весь мир встаёт Стеною Плача!
В туннелях ждёт рассадник зла.
Мы победим – нельзя иначе!
С 21-го на 22 октября 2023 г.
5 часов утра.

III
Надеждам стать – наивным и напрасным;
Да, зря я ими жить себе давала:
– Ещё один ребёнок! И сестра с ним.
– Скорее вынимай из-под завала...

Ничем не передать – потери – чувства.
Молились и искали. Тщетно звали.
Застрелены. Без пыток и кощунства.
Их найдены тела. Их опознали.

Так сказка завершилась только былью.
Слеза размывла зреньё, сделав мутным.
...Отец сказал: "Я рад, что их – убили:
Вы знаете, что делают в плену там."
22 октября 2023 г.

Данко (триптих)

1.
А тело – где? Живым не вознестись.
Родным не выдают из морга-севера.
Ещё одною жертвою спастись?
Кого Он – спас? Меня держите семеро! –

Кликушество... Безмолвен холод, бел.
Навального – свалили... Распинаемый,
Смеялся над врагами, был так смел,
Что вызовом им стал – и добываемый.

Когда режим грозит: "Тебя я съем",
Кому до фехтованья мушкетёрского?!
"Воскрес" – уже однажды, так зачем
Назад вернулся – жестом Ходорковского?

Зачем лезть к зверю в пасть, в туннель? На свет
Чтоб выйти? На Голгофе – всё устроится?!
Нет смерти подтвержденья. Смерти нет.
Апостолов лишь плач. И Богородицы.

...Цветы несут и свечи жгут, пока
Всю скорбь о человеке не дозируют...
У новой веры участь велика.
И вестника её канонизируют.

18 февраля 2024

2,

*Монахи спины в адской мессе гнут,
Как языки, трепещут стяги ало...
Георг Гейм "Адская вечеря"
(перевод К. Матросова)*

Друзья рыдают скорбными подбранками:
У тела бесконечна одиссея.
Какой обряд проводите с останками
Замученного вами Алексея?

Немерно с цепи пороков спущенных –
Примеров возрастной психиатрии.
Бесовский ритуал: готовый мученик.
Вас издавно влечёт некрофилия.

Камлания шамана, заклинания,
Безумные взыванья чёрной мессы...
А мама сына ждёт для отпевания,
Но слышит лишь отказы и протесты.

В глумленье, надругательстве виновное
Московско-византийское витийство.
Есть жертвоприношенье безусловное:
Да, это – ритуальное убийство.

Кошунственная длится вакханалия.
Режима недруг был безмерно смелым;
И мёртвый – враг для бенефициария,
Врага бы сладострастно сердце съел он!

И снится сатанинский сон в убогости
Засевшему в подполье людоеду:
У Данко вырвал сердце он с жестокостью.
...Не дали растоптать и съесть к обеду!

23 февраля 2024

3.

Полный абсурд сумасшедшего дома.
Пламя со всех бы обрушить сторон:
Каяться поздно Гоморре, Содому.
Праведник был. Но не спасся и он.

Разве что, люди... с квартирным вопросом...
Есть милосердье, стучится в сердца...
Наглый режим оставляет их с носом;
Ужас репрессий царит без конца.

Носят цветы и скорбят о погибшем,
Каждый рискует своей головой.
Очередь в церкви (не спрятаться в нише).
Власть даже это пугает с лихвой –

И посылаются церберы в толпы;
Голос опасен в стране немоты:
"Что ты в пустыне вопишь? Да пошёл ты!"
В снег зарывают живые цветы.

Вечный огонь. Но ничто здесь не вечно,
Кроме привычного страха вокруг.
"Не подходи ты с букетом беспечно:
Гонят, его вырывая из рук".

Глупо от тюрем в стране отвыканье:
Травит, хватает правительства месть.
Глыба стоит Соловецкого камня
Напоминаньем: ГУЛАГ – снова здесь.

С 26-го на 27-е февраля 2024,
1.30 ночи.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

Родился и жил в г. Таганроге Ростовской обл. Работал в Таганрогском радиотехническом университете зав. кафедрой, профессором кафедры высшей математики. Первое стихотворение опубликовано более чем полвека назад в университетской многотиражке; в 1998 г. вышел сборник «Нить любви», который переиздавался несколько раз. Живет, в Мельбурне, Австралия

ОТКРОВЕНИЕ

Памяти Алексея

Горят над нами звёздные миры,
Где тоже люди, звери и рассветы,
Где листья опадают до поры,
Где есть любовь, измены и поэты.

Там тоже умирает свой Христос,
Спасая тех, кто Рая недостоин,
Будь то сатрап или жестокий воин,
Не ожидая покаянных слез...

А мы для них — такая же звезда,
И свет лучей до неба донесет
Тупую тяжесть нового креста,
Мучений тяжесть нового Христа,
Души бесстрашной жертвенный полёт...

Февраль 2024

У ПОРТРЕТА ПРИНЦЕССЫ МАРИИ (17 век). Элегия

Под сенью нежности прозрачной,
В раздумьях смутных и тревожных
Жила вдали от мыслей мрачных,
От сумрачной пыли дорожной.

Кто Ты, с улыбкою Джоконды,
С неожиданной тайною в очах,
Чей вижу часто профиль тонкий
В туманных призрачных ночах?

Века не зря нас разлучили —
К чему мечтать в пустой надежде!
Любили Вы, иль не любили,
Нам не узнать, что было прежде.

И имя душу не тревожит,
Но непонятная тоска
Усталой осенью погожей
Коснется бережно виска

И отзовется в сердце дальнем,
Как давней музыки струна,
А утром в зеркале печальном
Осядет снегом седина...

ПОСЛЕ ЗИМНИХ КАНИКУЛ В РУССКОЙ ШКОЛЕ «ОРЕХ»

Хоть погода пасмурна — не скучаем мы,
К нам приводят «солнышек» посреди зимы,
«Зайчиков» и «белочек», ласковых «котят»,
Мальчики и девочки — все в «Орех» хотят!

Нам в «Орехе» весело, не учить — играть,
Сочиняем песенки, знаем дважды пять,
И зачем каникулы посреди зимы —
Без «котят» и «солнышек» все скучаем мы!

ИРОНИЧЕСКОЕ

З. Шмейлину

Прикажи мне судьба, прикажи —
Как натянет наш Залман вожжи —

Музу жду, запрягаю Пегаса
И галопом на нём в ВИТРАЖИ!

Покажи мне судьба, покажи
Моей первой любви миражи —
Я о прошлом совсем не жалею
И об этом пишу в ВИТРАЖИ.

Расскажи мне судьба, расскажи,
Где меня ещё ждут виражи,
Удержусь ли на них — я не знаю,
Но маяк для меня — ВИТРАЖИ!

Подскажи мне судьба, подскажи,
Как прожить свою жизнь не по лжи,
Как построить воздушные замки,
А потом их послать в ВИТРАЖИ.

Предскажи мне судьба, предскажи,
Где дорога прервется во ржи,
Знаю только, моё ЛУКОМОРЬЕ
Вновь меня поместит в ВИТРАЖИ...

АННА ИВАНОВА

*Из родного города А.П.Чехова (Таганрога) в 2001-м неожиданно для себя перебралась в прекрасный Мельбурн. Здесь теперь дом, наполненный любовью, друзья и интересная работа с языками и людьми.
Стихи из меня выливаются изредка и всегда неожиданно-негаданно.*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ РАЗУМУ

Страны, поздравившие Путина с новым президентским сроком

Шашни-пытки-блядки,
не до пашни ублюдкам.
Улюлюкает люмпен: «Ату их, ату их!»,
Моросит кислотный у нас по грядкам,
Вонь рвотно-сизая, но Куба с нами,
спи спокойно, малютка.

Против нас — враги, враги, врАжины,
подступают — бить колоколам!
Ишь, гляди как наглажены — напомажены...
Их обычай — костью в горле нам.
Ни кола, ни двора,
но поддержит нас Никарагуа.

У глухого ума нет дела —
Весь этот кромешный — и есть смысл,
без конца, без предела...
Спи, спи, малыш, вокруг нас
достоевская Венесуэла.

Шиш-кукиш вам, шепчемся по домам,
Бога у нас для вас нет,
 есть Босх-левиафан,
Живи, дышать не смея,
Ждет тебя, мой малыш,
 Северная Корея...

МУЖУ

Я поймаю дождь в простынку,
 грусть — в улыбку,
 жизнь — в размер.
Обменяю счастья скрипку
 на родных твоих химер.
Буду с ними миловаться,
 распуская сеть морщин...
Кто-то свыше наказал нам
 быть ребром своих мужчин.

ДОЧКЕ ТАЕЧКЕ

Объясняла нынче дочке
Что такое сила духа:
Не глумиться там, где просто,
Не мириться там, где подло,
Улыбаться, когда больно,
Плакать, когда в глазах сухо.
Верить в то, во что захочешь,
Не меняться под любого,
Слово – нож, когда заточишь –
Не воткнуть его в другого.
Сердце по кускам подклеить,
И разбить его, мечтая,
Сила — в волшебство поверить,
Ну лети же, моя Тая!

Сыну (как будет на возрасте)

Что нужно женщине? Да проще простого!
Облаков под ногами и железных гарантий,
Нужно мира без скуки,
Разговора без трёпа,
И свободой упиться, и крепких объятий,
Чтоб ты песни пел, только чтоб так, до мурашек,
Чтоб в глаза смотрел, и не смотрел, когда нужно,
Чтобы нежности, но обязательно в меру,
Чтоб мечты понимал и шутил не натужно,
Нужно радости в каждой минуте глоточек...
Нужно вместе расти, нужно... бережно очень!!
Вот что — папу спроси! Он всё это умеет.
Ну беги же скорее,
(...Удачи, сыночек!)

АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР

Родился в 1961г. в Москве. Был отчислен из ВУЗа за двойку по современному русскому языку (преподавателем была татарка). В дальнейшем работал участковым милиционером в провинции, монтажником-высотником на Алтае, руководителем проектно-конструкторского бюро амфибийной авиации. В настоящее время работает в области авиастроения. Значимые книги "На Дону как на Дону", "Планета Таразея". Открыт к сотрудничеству в любых областях.

В одном городке неказистом
(но можно смотреть сквозь стакан)
работал недавно таксистом
приезжий один старикан.

Не знали особо соседи,
когда он (не всё ли равно)
приедет и снова уедет
на виды выдавшем "Рено".

Общаться не слишком охочий,
и выпить не очень любя,
он часто бродил среди ночи
и что-то бурчал про себя.

И, если прислушаться к звуку
когда он вблизи проходил,
то вроде "пакука-макука"
он снова и снова твердил.

Болтали, что жил он в Попасной
ещё перед самой войной,

что, если и псих – не опасный,
хоть явно – душевнобольной.

И как-то в субботу в июле
(к чему и веду разговор),
когда горожане заснули,
он из дому вышел во двор.

Ни шороха было, ни стука,
не лаял гуляющий пёс.
И четко "паука-маука"
он несколько раз произнёс.

Он трижды вокруг повернулся,
на корточки низко присел,
прощально двору улыбнулся
и в темное небо взлетел.

И только на первом мальчишка,
шалун, фантазёр и пострел,
читавший с фонариком книжку,
всё это увидеть успел.

Он выбежал сразу – а ну-ка,
попробовать надо, а вдруг...
И трижды "паука-маука"
сказал, повернувшись вокруг.

... Полиция дело открыла,
наутро, такие дела...
Собака весь двор перерыла,
а след, как всегда, не взяла.

И глядя вокруг близоруко,
без устали, вам доложу,
я тоже "паука-маука"
с соседями вместе твержу.

Не знаю, что скажет наука,
но летом, зимой и весной,
нестройно "пакука-макука"
звучит над Россией ночной.

В одном селе неподалёку
вдовица родила до сроку;
чей сын – не ведало село,
но был малец сметлив зело.

Когда пришла пора учиться,
она, как старая волчица,
чтоб оставаться при сынке
и поселилась в городке.

Ох, есть у нас в любом селеньи
на смех, погляд и удивленье
свой местный гений и чудак;
Россия! Тут от веку так.

И в нашем куцем городишке,
где по дворам висит бельишко,
была бы смертная тоска,
как не имели б чудака.

Он вечно что-то мастерячил –
то приспособит трубку кляче
из чудонановолокна,
чтоб звонче пукала она,

то возле Игорева пруда
поставит некую приبلуду,
не знаем, как, но из пруда
исчезла рыба без следа.

А для Иванова продмага
он что-то вставил в колымагу,

так без бензина, на моче
она херачила вообще.

Но каждый раз, чего-то сделав,
он становился серо-квелым,
смотрел сычом и свечкой гас;
и говорил: – Уйду от вас...

И вот однажды утром летним
он взглядом проводил последним
«Магнит», помойку и избу,
и в странную залез трубу.

Была похожа на ракету
труба, но было в ней не это,
вернее, что-то не тово.
Не техника, а волшебство.

Она светилась странным светом
и глухо ухала при этом,
стремясь к неведомым мирам,
и псы завыли по дворам.

А дальше странно получилось:
полёта, вишь, и не случилось,
но, нагудевшись до хрена,
как бы растаяла она.

Примчалась ФСБ России,
нас всех по списку допросили,
ментов, училок, шоферов,
но больше всё про вагнеров.

Отец Андрей махнул стопарик
и рассказал про древних калик

И рёк: «Не ведаем часов,
но это дело от бесов».

Учёный приезжал мудрёный,
в дому селили у Матрёны,
чего-то понял он отчасти,
но больше был по женской части.

Така московская наука...
А в городке тоска и скука,
На горке храм, внизу река...
Тоскливо жить без чудака.

А на планете Таразее
С утра глазели ротозеи,
К сельпо сбежавшись впопыхах,
на существо о двух руках.

Вьюгой заметённая дорога,
Небо, как залито молоком.
Зэк, освободившийся до срока,
Шёл домой со станции пешком.

Было топать сорок километров
До села, где вроде бы ждала
Слезы объясняющая ветром
Та, что дурачком его звала.

Вечерело. Синие наколки
Вдруг вспотели разом у висков.
Что за кипеш – неужели волки?
Вроде, перебили же волков!

Проступало бледное сиянье
Сквозь пургу видневшейся луны.

До села ж большое расстояние!
Всё же волки – кажется, слышны.

Ни ружья, ни грёбанного складня,
Чем отбиться? Вот же западня;
А звонил же куму, аж за два дня!
Кум, зараза, встретил бы меня!

С кем Василий вечер коротает?
Был всегда и трезвый бестолков.
Отчего же люди не летают?
Улетел бы нахер от волков!

И уже сверкнули в седловине
Десять глаз, просты на пересчёт,
Волк, как чёрт – он лёгок на помине;
Как же снег полунощный сечёт!

Вот и жизнь прошла перед глазами,
Всё что было-сплыло на веку,
Как лежала мать под образами,
Как отец качался на суку.

Как везли в Талаги первоходом,
Как убили брата в Водяном,
Как в Архангельск с первым пароходом
Плыл и плыл, а мысли об одном...

Но, когда вожак клыки, как вилы,
Обнажил, да будет смерть легка,
Тёплая, неведомая сила
Подняла над стаей мужика.

Как в воде, в холодной атмосфере,
В мелкой дрожи, в страхе и в снегу
Он парил и, сам себе не веря,
Вниз смотрел на стаю и пургу.

Он летел. Туда, где были крыши,
Дым из труб и теплое жильё,
Заснежённых крон немного выше,
Повторяя: "надо ж, ё моё..."

Выше сосен и на взгорке ёлок,
Где грушанка светится по пням;
И подумал, а зачем в посёлок?
Улететь бы сразу к ебням!

...Неподвластный счастью или горю,
Ровность духа редкую храня,
Он летел над Баренцевым морем,
Прямоком держа на ебня.

Шла дора под ним, бурча мотором,
На мысу бросала анкерок...
Он летел над миром, над которым
Всем лететь, когда наступит срок.

А что дальше, сам я знаю худо,
Лучше не выспрашивай меня;
Мне-то знать, раскинь умом, откуда,
Каковы у Бога ебня.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

Украинский поэт, редактор, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языке. Родился в г. Херсоне (1968), живет и работает в Киеве. Автор 18 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Стихи переведены на украинский, английский, немецкий, французский, итальянский,

нидерландский, финский, польский, сербский, белорусский, грузинский, иврит и др. языки Лауреат украинских и международных литературных премий: «Antologia», журнала “Interpoezia”, премии Национального 27 октября 2022 года. Александр Кабанов был награждён Главной премией 18-го Международного Фестиваля гражданской поэзии города Верчелли / Италия (проходящего под эгидой Юнеско) за личные достижения в современной литературе и за книгу «La lingua del petisco / На языке врага» (изд-во «Interlinea», г. Наваро, Италия, 2022). В 2023-м году в американском издательстве «Kinlun Press, New York» вышла первая книга Александра Кабанова в переводе на английский язык «The Age of Vengeance». Член союза писателей Украины им. Максимилиана Кириенко-Волошина и др. Александр Кабанов – со-учредитель и главный редактор журнала о современной культуре «ШО», который выходил в Украине с сентября 2005 по февраль 2022 года.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ СИЛЬНЕЕ

А снег завис и более не тает,
и кошка спит и видит снег во сне,
а человеку – моря не хватает,
большой любви и мяса на огне.

Твердеет воздух, превращаясь в глину,
и, обожжённый внутренним огнём,
наш зимний мир – кувшин наполовину
и снегопад, и это всё о нём.

Ещё листва, желтеющая в горе
и в радости, не думает про снег,
а человеку подавайте море
и женщину – омегу из омег.

И мы пройдем по матрице со снегом,
шурша неоцифрованной листвой:
за этим безусловным человеком,
в его неповторимости живой.

Он вырвался из вечного запаса
листвы и снега в каменном раю,
на берег моря, чтоб пожарить мясо
и не забыть про женщину свою.

Ангел, возглавивший падшую лигу,
самую злую из лиг,
скоро напишет инструкцию – книгу
книг по сжиганию книг.

Станет опасною библиотека
для человечества впредь,
а для людей двадцать первого века –
можно от слова – сгореть.

Мне б надышаться кошачею мятой –
самой измятой из мят,
русскою речью во всём виноватой:
мяв, и тебя заклеят.

В новое гетто петляет дорога:
очередь в печь – за строку,
так мы узнаем грядущего бога –
в лагере – по языку.

Но а когда, в мясорубке, за нами –
выжив в евгенике лет,

наши хулителi станут панами
в царстве, где родины – нет.

Станут панами – чужим на потребу,
там, где початок – почат,
вскинут рога одинокие к небу
и в пустоту замычат.

От безысходной тоски по убитым,
сгинувшим в общей борьбе,
собранным в точку священным магнитом –
страшной любовью к тебе.

Я – из небес вытягиваю нить –
то красная она, то золотая,
а с чем начало осени сравнить:
с aliexpress, с посылкой из китая?

Приятно распаковывать её,
выкладывая вещи на ютубе:
вот копия, подделка и враньё,
вот сон в квадрате и реальность в кубе.

А вот моя тряпичная душа
с зелёным чаем будет вперемешку,
я чувствую, как ночью, неспеша,
нас разбирает осень по орешку.

Мы – маугли и новые угли
для барбекю к вселенскому потопу,
зачем китайцы нас изобрели
и отпустили в дикую европу?

И мы осели осенью одни,
и нас листва накрыла, как цунами,
здесь много близкой по земле родни:
отец и сын, и даже битлз с нами.

Скоро к нам придёт зима,
чтобы выжить из ума,
чтобы наши души снегом
обозначить, как хештегом.

Человек обязан быть
гражданином и поэтом:
скоро нас начнут бомбить
больше, чем бомбили летом.

Чтобы мы – в природной тьме,
без тепла, воды и тока,
понимали о зиме
и войне, что так жестока.

Чтоб молились пво,
не жалея сна и мата,
обретая своего –
бога без патриархата.

Скоро из ночных снегов
к нам придут больные люди:
наших внутренних врагов
мы им вынесем на блюде.

Скоро будут сочтены
дни, как крошки от столетий,
скоро будет у войны
год второй, а следом – третий.

Черно-белое кино –
безысходнее и злее,
я скажу тебе одно:
я люблю тебя сильнее.

Когда наступил на земле рагнарёк
и неба сожгли половину,

меня завернули в бумажный кулёк
и с богом отправили к сыну.

И сын мой, взглянув на младенца в кульке,
сходя с звездолётного трапа,
увидел себя в человечесем мальке
и с ужасом выдохнул: папа!

У смерти в запасе достаточно жал,
чтоб сделать пчелиной планету,
и я, улыбаясь в пространство, лежал,
завёрнутым хером в газету.

А в этой газете на восемь страниц,
где шрифт под наклоном от качки,
идёт распродажа моих плащаниц
и пахнут одесские рачки.

И жареных семочек горсть навсегда,
кроссворд и заметка о хаме,
и орган берсерков – газета звезда
устало вошла над волхвами.

Заката терракота
мне снилась неспроста:
по буквам и по нотам
я подобрал кота.

Который получился
во тьме любви всего,
я сразу научился
нашёптывать его.

Я встал у входа в море,
в начале всех начал,
и кот в церковном хоре
со мною зазвучал.

За всех друзей – привитых,
накормленных и не,
замученных, убитых
на грёбаной войне.

Мы вместе под завалом,
обнявшись – отдохнём,
себя увидев в малом,
вы вспомните о нём.

В рутине бесполезной
увязнет коготок,
вы вспомните над бездной,
как он ходил в лоток.

И свет – кошачий, мятный,
усиленный стократ,
и мой – невероятный –
над киевом закат.

Как хороша венеция зимой:
туристов меньше, но еще немало
их бродит в сапогах по мостовой,
вступая в лету горводоканала.

И я живу среди них – который день,
поранив взгляд о стёклышко мурано,
в котором мне привидятся: ирпень,
гостомель, буча – поздно или рано.

Мы – острова, и всяк – неповторим
в лечебном одиночестве отныне,
венеция, скажи, зачем мне рим
в мотоциклетном рёве и ссанине?

Чьих фресок неземная красота,
откроется и мне, простолюдину,

где иисус, похожий на кота,
рассматривает бога, как сардину.

Когда бывшие римляне гурьбой
съезжаются, свои покинув виллы,
и каждый здесь – плебей или плейбой,
и всё вокруг – руины и могилы.

Нет в декабре венеции – милей:
буряты полегли на сан микеле,
твердеет кровь, похожая на клей,
под маскою, не пачкая шинели.

И третий рим, сгорающий во сне,
и чайки, как крылатые качели,
и просится флоренция к весне,
где александр михалыч боттичелли.

Я проснусь наоборот,
а вернее – наугад:
это тот же самый год,
что и тыщу лет назад.

Чей естественный уход
мы отметили вчера,
а теперь он в новый год
превращается: ура.

Будто кровью перетёк,
соревнуясь с янтарём:
год, что вечно одинок,
связанный календарём.

Вот январь, а вот апрель,
между ними – поезда,
хронологии туннель:
я любил тебя всегда.
Мы живём среди людей,

как родители без прав,
в мире, где для лошадей
не меняют переправ.

Это наш внебрачный сын –
год, рождённый без помех,
наступающий – один,
погибающий – за всех.

ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ

Родился в Москве. Вырос в Сибири. Экономический факультет и аспирантура МГУ. Давно живу в Мельбурне, Австралия. Преподаю в университете. Колумнист-комментатор по экономическим вопросам в австралийских средствах массовой информации. Автор двух сборников стихотворений и переводов. Публикации в антологии "Земляки", журнале "Крещатик", альманахах «Витражи», «Австралийская мозаика» и других периодических изданиях. Победитель конкурса поэтов-переводчиков – «Эмигрантская лира 2019».

Просто четверостишия

Устав от суеты присутственных палат
И от ношения партикулярных лат,
Как иногда хочу остаться вне игры –
Средь падших ангелов на кончике иглы...

Однажды коснувшись тебя, я от страсти сгораю.
Разлиться в тебе, и не страшен потом даже ад.
Хочу оставаться с тобою единственным чаем.
Но с чашкою рядом всегда на столе шоколад.

Любовь – болезнь и горькое лекарство.
И время – от неё бездарный лекарь.
И писаны рецепты, но напрасно –
На Небесах и доктор, и аптекарь...

Надев кольчугу, опустив забрало,
Решился я во что бы то ни стало
С победою окончить то сраженье,
В котором лютый враг – воображенье.

Найти опору и когда-нибудь
Весь этот мир, к чертям, перевернуть...
Боюсь лишь – не удастся мне тогда
Из кубка полного не расплескать вина.

Мои желанья в этой жизни дерзки.
Как только больше света я хочу,
Мне мало на столе зажечь свечу –
Спешу скорей раздвинуть занавески.

Причудливы изгибы лабиринта
На плоскости. И не найти пути.
И не хватает нити Ариадны...
Не бойся – вот рука – держи – летим!

Мудрость жизни приходит с годами.
Становясь с каждым годом щедрее,
Раздаём мы её, не жалея,
И стареем потом – дураками.

Я понял, наконец, чего мне ждать от рая –
Не розовой пыльцы на завтрак и обед.
Там праведникам вслух весь день стихи читают,
А грешникам в аду – подборки из газет.

Было трудно постигнуть контрапункта науку
И заканчивать фразу на устойчивом звуке.

Но теперь эта мудрость мне нужна для другого –
Оставляю любимой я последнее слово.

Я идиолов меняю регулярно –
Не потому, что мало места в келье.
Стараюсь избавляться от соблазна
Тех средств, что стать желают целью.

Есть мгновенья, минуты – послушай –
Я пою лучше лучших артистов,
Удивляю соседей и близких.
Жаль, но это бывает лишь в душе...

Восьмистишия

Взгляд из Копенгагена на историю
Государства Российского

Во время посещения
Варягов цитадели
Возникло подозрение,
Что мы не доглядели,

Как вора и мучителя
Варяги к нам отправили,
А мудрого правителя
Себе служить оставили.

Король и кот

«Я здесь самый главный» – сказал черный кот –
«Что все эти люди в ливреях...
Лишь мне одному королева дает
Сидеть у нее на коленях».

«Нет, я» – возмущенно ответил король –
«Спроси королеву об этом. –

Когда отправляю ливрейных долой,
Пою с ней романсы дуэтом».

Яблоко

Упасть под яблоню, поверь мне,
Все лучше, чем в котел с вареньем.
Лежать под деревом, гния,
Мечтать о том, что ждет меня
Очередной цикл бытия –
Сначала семечко, земля,
Потом росток, листок, цветенье
И ожидание паденья.

Как сладок плод и как устала ветка.
Послушайте, как семечки стучат!
Ах, это – спелость, спелость,
спелость, спелость, спелость!

Но вот уже осенняя расцветка
Сдалась на милость зимнего сукна...
Ах, это – зрелость, зрелость,
зрелость, зрелость, зрелость...

С утра стучит в висках. Знакомы эти фуги,
Как занавески тень на краешке стола.
Предутренние сны и утренние звуки
Цепями кандалов слагаются в слова.

Не спрашивай меня, откуда что взялось.
Рождаются стихи не от избытка сил.
Причина их давно – в цикличности полос,
То белых, то черней всех мыслимых чернил.

Знаю все,
Кроме самой малости –

Сколько дней этой жизни
Еще осталось у нас.

Видел все.
Но, хотя и стараюсь,
Не могу насмотреться на мир
В отраженьи твоих глаз.

Девальвация чувства

Я сказал, что люблю. Ты ответила грустно:
«Повторение слов девальвирует чувство».
Ну конечно, с тобой как всегда я согласен...
Да не стоит слова сохранять под матрасом.

Отнесем лучше в банк все любви сентименты
И положим на счет под большие проценты.
Но опасность одна в этом есть начинанье –
Если добрый наш банк разорится случайно.

Триолеты

Love-Glove

По-русски стало трудно петь любовь –
Для новой рифмы не осталось слова.
Я брошу glove – прости меня, my love –
Тому, кто снова станет петь любовь,
И, не придумав ничего другого,
Бесстыдно вставит в строчку "вновь" и "кровь".
In Russian стало трудно петь любовь –
Для новой рифмы не осталось слова.

Свет в конце туннеля

Как почитаем той страны правитель,
В которой видит свет в конце туннеля
Лояльный гражданин – его строитель.
Любим и почитаем тот правитель,
Который ради эфемерной цели,
Как ни кричите, не отдаст портфеля.

Любим и почитаем тот правитель.
Но где же, где же свет в конце туннеля?

Обмен

(По мотивам Филиппа Сидни)

Моя любовь моим владеет сердцем.
Её – дано мне в вечный сладкий плен.
Открыта в нас всегда друг другу дверца.
Моя любовь моим владеет сердцем.
Достался нам превыгодный обмен.
Два сердца вместе, остальное – тлен.
Моя любовь моим владеет сердцем.
Её – дано мне в вечный сладкий плен.

Акварель

Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа
Мазками нежных акварельных красок.
Старания художника напрасны –
Лишь тем, кто видит всё издали,
Мир на картине кажется прекрасным.
Старания художника напрасны –
Не скрыть шероховатостей листа.

Быть человеком!

«Быть человеком – значит быть больным...»
Томас Манн

Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки,
И не давать забыть о том родным.
Быть человеком – значит быть больным,
Есть паровые постные котлетки
И думать, сидя вечером в беседке:
"Быть человеком – значит быть больным,
Ходить по докторам и пить таблетки".

ЛЮДМИЛА КАЛЯНГИНА

*Математик, фотограф, поэт и сказочник.
Живу в Израиле. Автор книги стихов «Сто
прилагательных к существенному» (Киев, 2023).
Верю в любовь, справедливость и победу добра
над злом. Премии, призы, номинации, медали -
были. Но дело не в них. Просто читайте.
Спасибо вам.*

Летнее

Через лето в Лету, слившись в один поток,
Мы течём и сносим опоры чужих мостов.
Маков цвет раскрывает алые лепестки.
У меня на плече ожог от твоей руки.
Наши сущности крепко сплавлены – не разнять,
Мы течём и отсчёт времён обращаем вспять,
Утекаем от Леты в лето, где маков цвет,
Нераздельно вдвоём – в уютной густой траве.

Пустотное

А мы с тобой – «давно уже не те»...
По ком звучит упрямый камертон?
Поговори со мной о Пустоте –
Она гораздо больше, чем Ничто.
Казалось бы – и нечего спасать,
И этот мир – захлопнутый капкан,
Но есть ещё, допустим, небеса –
Они гораздо выше потолка,
А в них дано – и рыбам, и хлебам,
А в них любой – не зван, но вечно ждан.
А есть ещё, допустим, океан –
И он гораздо больше, чем вода,
Пронизанный в упругой темноте
Призывом одинокого кита...

Давай поговорим о Пустоте –
Которая совсем не Пустота.

Лунное

Мой космос гол.
Лишь горстка звёзд на дне.
Мой белый волк, подняв лицо к луне,
Поёт о мире и войне,
И о любви, и обо мне –
Что для него одно и то же.
И мы могли бы – кожа к коже,
Когда б не шёлковая шерсть.
Мы в чёрно-белом неглиже
Изображаем Инь и Ян.
Луны щербатые края
Неровны и несовершенны,
Но лунный свет течёт по венам
У организма Ты_и_Я.

Мой белый волк, к луне подняв лицо,
Рыдает в ночь о славе храбрецов,
О нас, безумцах – любящих и смелых.
И лунный свет вскипает в наших венах.

Баллада о тенях

Об этом рассказывают теперь лишь те, кто живёт давно:
Вечернее небо сухих степей текло золотым вином,
Под небом горящим текла река без брода и без моста.
Две тени, бегущие на закат, имели кошачью стать.

Им время облизывало бока тягучим густым теплом.
Две тени, бегущие на закат, имели кошачью плоть:
Одна - порождённая тишиной из чёрных небес ночных,
Стремительней ветра летел другой – из золота и луны.

Они подчиняли свои века законам своей игры.
Две тени, бегущие на закат, имели кошачью прыть,
Ни тело, ни слово, ни явь, ни сон – безудержны и легки.
Но солнце спешило за горизонт, ныряя вперегонки,

Но солнце, расплавленное в реке – напиток пахуч и жгуч...
Две тени, распластанные в прыжке, догнали последний луч.
Когда догорает ушедший день, не мешкай, беги, не стой,
И если ты вправду кошачья тень – он станет тебе мостом.

Вселенная канула из огня в туманное молоко.
Две тени, в которых жила весна, не видел с тех пор никто.
А древний и вечный степной рассказ струной на ветру поёт:
Сумеют уйти по лучу в закат лишь те, кто бежит вдвоём.

И приходит слово – не для любви и не для молитв,
Говоришь ему "не боли", а оно болит.
Говоришь "не убий", да разве ж ему понятно?
Говоришь "не кради" – смеётся, оскалив пасть:
Отдавай, что взяла, и кто ж ему не отдаст?
Всё, что было своим – возвращай, говорит, обратно.

Говоришь ему в самое пасмурное из утр:
Как же я верну это всё, что проникло внутрь,
Что бежит по венам, то, что впиталось в кожу,
Это всё, что до боли взрОсло и что вросло,
Это всё, что так долго спасало и не спасло,
Это всё, что звенит во мне, но звучать не может?

Отвечает: а мне-то что за печаль,
В общем, дело твоё, не хочешь, не возвращай,
Поживёшь – ещё разберёшь, где добро, где лихо...
Говоришь ему "не боли", а оно болит,
Заливает бетоном шов между грубых плит
И ложится рядом – стеречь вожделенный выход.

Хайфское зимнее

Рифмы с видом на город, где сколько там той зимы,
Где любой сезон нигде никому не впору –
Опрокинутый кверху сердцем, едва не смыт
Небом, которое анти-город,

Рифмы с видом на небо, открытое для тоски,
Хлынувшее через бордюры и даже поребрики –
До синевы избитое, рвёт в клочки
Море, которое анти-небо,

Рифмы с видом на море, которое бьёт под дых,
С мягкой тяжёлой лаской ночного бреда.
Сколько той ночи, и сколько там той беды –
Той, которая не-победа.

Иерусалимское

День, оттолкнувшийся от земли,
Яблоки на меду.
Путь нам с тобой – в Иерусалим
В следующем году,
В трепетный зов золотого сна,
Меченого огнём...
Нет ничего, что бы было в нас,
Но не бывало в нём.

Будет и яблоко, и гранат,
Будет тягучий мёд,
Будет и город, который – рад,
Город, который – род,
Тот, что откроет за домом дом,
Словно за гранью грань,
Вечный, который – глоток и вдох,
Вечный, который – Храм.

Вслед за усталым тающим днём –
Те, что ещё грядут...
Где ты, мой мальчик, будешь рождён
В следующем году?

Карандашное

Здесь на часах всегда «потом» и у посуды лёгкий крен.
Мой первый внук рисует дом и море у смолёных стен.
Как хорошо, что есть у нас запас цветных карандашей!
В его мирке всегда «сейчас» – простая мудрость малышей.

Невесткин очерк пухлых губ, от сына – тёмно-чайный взгляд.
Мой мальчик ласков и неглуп, и в чём-то, кажется, талант:
Он помнит зыбкий облик сна и создаёт его портрет,
Он дарит морю имена и ветру говорит «привет»,
Он полагает цвет живым, он знает лучше и полней,
Как много алой синевы в зелёной пенистой волне.

Важнейших дел числом под сто у неуёмного внука:
Возиться с кошкой и котом, кормить корову и бычка,
Смеясь, ловить дрожащий луч на гладко струганом бревне,
За отраженьем мягких туч следить в неверной глубине.

Пока плывёт надёжный дом с чудным названием «ковчег»,
Я с внуком говорю о том, как шли дожди, как падал снег,
Как чёрно-белая зима писала мелом на стекле,
Как люди строили дома на твёрдой ласковой земле,
Как зрели яблоки в садах, как цвёл каштан, как вился дым,
Как в ручейках текла вода с дрожащей искоркой звезды.

Я расскажу, чтоб ты узнал, наследник сгинувших веков,
Что мир теперь, смолён и мал, плывёт беспечно и легко
В румяно-яблочный рассвет, упруго слушаясь руля...

...что прежней жизни больше нет.
Нам рисовать её с нуля.

Яд Ва-шем

Жития – кратки, имена – вечны.
Чёрный путь горек, белый путь млечен –
Не тобой хожен, не тобой торен.
Выходи к морю, говори с морем.
Мир висит криво – волосок тонкий.
Говори с Ривкой, говори с Сонькой,
Говори с Фимкой, говори с Гершкой.
Кто из них сгинул, кто из нас грешен?
Выходи к морю, где волна в клочья –
Говори с теми, кто не стал плотью,
Не обрёл тело, не обрёл имя,
Кто не стал Лейбой, кто не стал Лией.

Вкус морской горек, чёрный путь горше.
Говори с Беллой, говори с Мойшей.
Протяни руки, научись слышать –
Кто из них, кровных, кем земля дышит,
Даст тебе руку, даст тебе имя?
Выходи к морю – становись ими.

ЛОРА КАТАЕВА

(Лариса Владимировна Катаева) родилась в Амурской области, живет во Владивостоке. Образование: Благовещенское музыкальное училище, Хабаровский государственный институт искусств и культуры, Дальневосточный федеральный университет. Работает проектным менеджером в сфере биоэкономики. Публиковалась в журналах «Дальний Восток», «Фабрика литературы», газете «Литературный Крым», а также в сетевых сборниках. Автор книги стихов «Сезон потерь», Санкт-Петербург, 2022 г. Лауреат поэтических чтений фестиваля «Покровский Собор», лауреат фестиваля-конкурса «Русский Лад», лауреат конкурса «Гул океанского прибоя», суперфиналист Чемпионата поэзии имени В. Маяковского, победитель Турнира поэтов-2023 на Литклуб.

Оглавление

Отбрасывая ветки от окна,
Гроза стучится в переплёты старые,
А ты мне говоришь – весна, весна...
Какой была и вот какой не стала я.

Другие на застывшем берегу
Сбываются приметы и сказания,
Где каменные глыбы стерегут
Моря от бесполезного признания.

Не каждый исповедоваться рад.
Весну встречая до позеленения,
Живу, который год тому назад
Читая этой книги оглавление.

Начало лета

Начало лета – словно предисловье:
Вот я и ты, и солнце, и с любовью
Швыряет море синюю волну –

И что с того, что с пеною холодной –
Оно напоминает о свободе,
Когда я в размышлениях тону.

О как же хорошо лежать-лениться,
Быть небом голубым, цветком и птицей –
Тянуться, раскрываться и парить.
И времени река остановилась
(Явила неожиданную милость),
Лишь тянет паучок седую нить –

У мира не испрашивает смысла,
А на пионе бабочка повисла,
Мгновение – и снова полетит.
И в кронах свиристель кого-то кличет,
И почему-то странно симметричны
Трапеции в серебряной сети.

Мелкий дождь

Серой тучи лик незрячий,
Леса мокрое пальто –
Мелкий дождь идёт и плачет,
Позабыв достать платок.

Монохромностью экрана
Горизонт и окоём
От закатной свежей раны
Берегут окно моё.

Где ты, август – яркий месяц,
Троп небесных бирюза?
У дождя на мокром месте
Руки, ноги и глаза.

Всё вокруг переиначив,
Летний жар сведя на нет,
Мелкий дождь идет и плачет
О тебе ли, обо мне.

Когда

Когда я пропитаюсь летним светом
от пальцев до лопаток угловатых –
чем старше мы, тем больше неуклюжи
и чаще вспоминаем про молитвы,
чем гуще паутина меж колочек
шиповника с серьгами красных ягод,
внимательнее слушаем порывы
прохладной и прозрачной ткани ветра,
которая всё рвётся-не порвётся
за птичьими подмышками куда-то...
Когда я пропитаюсь летним светом,
я тоже, вероятно, пожелтею,
как лист большого ясеня у дома –
такой многоголоскутный, словно парус
«Надежды» в холодеющем заливе,
так много размышляющем о вечном
у берега, который он целует
и раз, и два, но весь обнять не может...

Белая рыба моя

После дождливых лет всё пойдёт иначе –
Мир станет чище, как стираное бельё.
Бедная белая рыба моя не плачет
И не поёт, ни капельки не поёт.

После падений звёзд зарастают шрамы,
Новыми травами сшитые вдаль и вширь.
Боже, помилуй нас от повальной кармы –
От помутнения разума и души,

Хмурый пейзаж бытия не вставляя в раму
Тёмного дерева страсти, оков греха...
Господи Боже, ведь мы же почти на равных:
Если умру – не сложу о тебе стиха.

Я же струна твоя, линия в нотном стане,
Стебель и плод, ключевой элемент игры.

Просто подумай, когда никого не станет –
Некому будет кормить бестолковых рыб.

Не запирая на ночь ворота рая,
Пообещай мне: кто верует – всяк спасён.
Господи Боже, ведь я же ещё живая,
Так для чего мне, живущей, вот это всё?

Дел острова разделяя на чёт и начат,
Переменяя расхристанное житьё,
Белая рыба моя никогда не плачет,
Но не поёт. Пока ещё не поёт.

Столичное

Ни обобщённого, ни личного –
Кружит снежинка, как перо.
Декабрьский сумрак дня столичного
Скользит и падает в сугроб

С разбега... Кажется, не вечны мы?
Но грех бояться темноты –
Смотри, как пафосно расцвечены
Кольцебульварные кусты.

И скользкий наст для нас без разницы:
Упал – не ранен, не убит.
Касанья пальцев, игры разума
Пугают таинством глубин.

Так и блуждаем (мизан)тропами –
Ни оступиться, ни понять.
Рассвет придёт незрячим отпрыском
Иного дня.

блесна

вновь звенит голова
словно старый трамвай
жжёт до пятен в глазах
новых вёсен азарт

птица спорит с весной
открываю окно
проживаю опять
утро вечер кровать
а в заутренних снах
новый луч как блесна
кто-то ловит меня
на слова-семена
открывает ключом
говорить горячо
я жива я жива
хоть малы мне слова
но клюёт и клюёт
это слово моё

ЕЛЕНА КОГАН

Родилась и выросла в Гомеле, что в Белоруссии. Много лет прожила в Израиле, там же стала программистом и обрела друзей, разбросанных сейчас по всему миру, и которых мне, безусловно, не хватает.. Сейчас живу и работаю в Австралии. Публикации: Альманах «Витражи» 2023, фестивальны́й сборник стихов «Эммигрантская Ли́ра» 2023

Зарисовка на архитектурную тему

Эркерные силуэты
Старых окон к недрам скважин
исторических моментов
или современных даже...
Солнца пестры переливы
На опрыснутом асфальте,
Где мелькаешь торопливо
В своем самом лучшем платье...
Через сито зданий блики,
Через реку мост скрипучий;
У души песок струится
Да от времени зыбучий...
От гаданий мало толку –
Не суди и не осудят.
Время – жизни колесница,
В ней мы едем и прибудем.

...Мимо окон силуэтов
Эркерных домов старинных,
Мимо рек людских и света,
Через дебри вязкой глины
путаных воспоминаний,
Призрачных мечтаний... Может,

Снова встречу где-то с Вами
И не встречу, может, тоже...

Позволь

Я знаю, тебе не просто;
Не просто и не легко.
В суровых условиях наших
Ты птица с подбитым крылом.
Одним? Или, может, больше?
Не жалуешься – не понять...
Себе ты и Крузо и остров –
Хоть Пятницей дашь мне стать?
Позволишь согреть зимней стужей?
От ветра укрыть, если шторм?
Зонтом быть, камином, приютом,
И портом, и кораблем...
Ты скажешь, корабль – грубо?
Я палубой быть могу,
Штурвалом и парусом,
И боцманом или юнгой.
Нет, парусом, шустро несущим
К новым твоим рубежам...
Да, кстати, и цвет и форму
можешь придумать сам!

О пророчествах

Я знаю, чего мне хочется,
И знаю, что точно есть!
И призываю пророчества
В мои сновидения внести.
Я знаю, что все реальное
Гораздо сильнее, чем я.
И знаю, что все банальности
Стихия, но не моя.
Я знала, куда я следую
Не далее, как вчера,
Что крахом назвать, что победою,
Когда начинать с нуля.
Когда зубы сжать, не сетуя,

И молча идти напролом,
Когда пореветь неистово,
Трясаясь на плече твоём...
Ни капли свободой не жертвуя,
Когда и кому служить,
Не предавая заветов,
Себя и свою жизнь...
Я знаю, чего мне хочется
И знаю, что точно есть.
Пусть к черту идут пророчества,
Которых уже не счесть...

Об итогах дня

Где-то скрипнула под весом половица,
Перетруженная за день от шагов;
День промчался вихрем колесницы,
Не успев начаться – был таков...
Отгуляли праздники со звоном,
Догорела свечка в ночнике,
Задремали дети в старом доме,
И лишь я, с блокнотиком в руке,
По крупицам все восстановила,
Набросала все в карандаше,
Чтобы помнить, как все это было,
В новом дне забрезжившем уже...

Ко дню независимости

Да, этот праздник не для всех.
Кому страна уже сменилась,
Кому она во грех вменилась,
Теперь не ясно вовсе,
Что за тем смыслом
Изначально крылось...
«Отечества и дым»
Стал горек голомя,
Стирая заповеди,
Ценности грома,
Мы исчеркали все,
Что было неизменным

до сих пор,
Истории меняя курс... В упор
Расстреливая снова неугодных...
Мы переписываем ход природы,
ее меняя естество
Подделкой пластиковой сути...
Лишь отражение свое
Оставив... Мутным...
Берем билет в небытие.

О войне

Вечерет, закат, тишина,
А где-то идет война...
И ту войну не выбирала страна,
Ни эта, ни та сторона...
Уже лениво ведет кукловод,
За ниточки дергая род,
К тем нитям пришита
отнюдь не колодка,
Но тот и этот народ!
Стремительно вверх ли,
Стремительно вниз –
Решает он, с трона глядя,
И сколько из нитей
Навек оборвутся –
Не интересуется вождя...
Статистикой правит
Мультик стран
С полета своей крутизны...
Ни боль, ни потери
Ему не важны
Ни с этой, ни с той стороны...

На злобу дня

Этот месяц проскочил незамеченным,
И зависла тишина гробовая,
И земля моя врагом покалечена,
чуть живая?!
Жизнь как будто бы стоп-кадр –

остановлена.

Где-то в центре я стою, рот разинув.

В мире явно происходит хреновина.

Объяснимы

только лишь друзей пожелания:

мира мирного, тепла, неба ясного,

жизни радостной, чего-то там рьяного,

Но напрасно??

Пара дней, а сколько вен обескровлено,

сколько сгинувших и сколько убитых!

Да лишь в голосе дрожит вот оскомина

Омерзения, навеки набитая..!

Там

Здесь все так же, как было

Когда-то, лет тридцать... в начале

Знойно жарко и всюду стоят на постах патрули,

Оживленные люди, все машут руками с загаром,

не дерутся – привычка их так говорить.

Это память ли, море блаженных эмоций

В коих я утопаю ли, полузабвенно плыву,

Грустерадость, что логике вовсе и не поддается...

Витражи, рубежи, миражи, виражи наяву...

Сколько памятной грусти, печали, и даже досады

Порождает озноенный город в пыли и аду,

Где на грани эмоций и мыслей всплывает осадок

С глубины моей памяти мне же самой на беду...

Каждый камень цепляет меня за какие-то струны

И играет мелодию может скорее не ту,

Но не это ведь – главное, главное, видимо, хрупкость,

Что еще сохраняю как подлинную красоту

Яффо

Древний город белый с голубым

и пурпурные вкрапления граната,

И плывущий зной, что сизый дым;

Ноги, превратившиеся в вату...
Чей-то голос звонкий, заливной,
Хроники передающий складно;
У моей истории с тобой
Есть свои гамбит, преддверье, старт...

И мелькают камни под стопой
В сотый раз, знакомые как будто...
Этот быть последним может мой.
Их запечатлеть в себе пытаюсь – трудно...

В память генетических основ
Где-то в корне – клетки ствольные,
Чтобы у потомков всех, без слов,
Ощущались камни, как живые...

Одухотворение

Лицо ее со светом внутренним
И глубина огромных глаз...
Такого знания премудрого
Уже не встретишь! Может, раз!..
И Небеса над ней развернулись,
Ее коснулся божий свет!
Дар поиска и сокровенного,
И сострадание в ответ...
Там боль, насыщенная знанием,
Благословенная тоска
И утонченное касание
Ее рукой ее виска...
Безмолвное повиновение,
Инстинктам древним вопреки,
И горе, сила без сомнения,
И легкость пуха со щеки...
Там дух и там его творение
В одно единое слились,
И глубина озер, и рвение
Куда-то в облачную высь.

АЛЕКСАНДР КРУПИНИН

Закончил Ленинградский финансово-экономический институт. Работал на государство, занимался бизнесом. Более пятнадцати лет работает руководителем информационной службы Санкт-Петербургской радиостанции "Град Петров". Первое стихотворение написал в 2007 году. За прошедшее десятилетие успел стать лауреатом Кубка мира по русской поэзии,

Открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, финалистом поэтического конкурса им. Н.А. Гумилёва "Заблудившийся трамвай". Стихи опубликованы в журналах "День и ночь", "Ното legends", "Белый ворон", в интернет-изданиях "45-я параллель", "Literrатура", "Русский переплёт" и других. Книги стихов "13 сапфиров и разноцветные черендыбы" (С-Петербург, "Своё издательство, 2014), "Человек со стулом" (Екатеринбург, издательство "Евдокия", 2016). Живёт в Санкт-Петербурге.

Роман

Земляне читают великий роман
"Люди как блохи",
В котором смешались песок и туман,
Миры и эпохи.
Там странные буквы в виде серпа
На каждой странице.
Там Жак де Моле убивает клопа
в районной больнице.
Там сказочный город Дар-эс-Салам
Спускается с неба,
И ради любви принимает ислам
Красавица Геба.
Полоска земли между Юэ и Хэ -
Родные пенаты.
Там роются свиньи в горячем песке,
А люди пернаты.
По снежной пустыне в обрывках кальсон

Бредут инженеры,
Задумчиво пьют огуречный лосьон
Пришельцы с Венеры.
С Большим Огурцом человек-кипарис
Мечтает подрасться.
В романе две тысячи двадцать страниц
И пять иллюстраций.
Читают запоем великий роман
Бессмертные боги.
Лежит позабытый богами брахман
В пыли у дороги.
"Ом мане" кричал он, потом "падме хум",
Всё было впустую.
Тогда он до блеска очистил свой ум
И бросил на тую.
Султан Сулейман, эрудит Вассерман
И прочие лица,
Забыв о делах, поглощают роман,
Как булку с корицей.
И только поэт Тимофей Таращук*
(*Агент иностранный)
Связался с компанией горьких пьянчуг,
Ведёт себя странно.
Оставил роман на скамье под дождём,
Наклюкался виски,
И даже со встречи с народным вождём
Сбежал по-английски.

В Буинске

В Буинске издревле не чистят сортиры,
Туда козлоногие ходят сатиры.
А мы по полям и оврагам расселись.
О, русской природы неброская прелесть!

Таинственный свет по Буинску струится,
У жителей города светлые лица.
Нетварные звезды висят над рекою.
Вы в жизни своей не видали такое.

Таинственный свет по Буинску струится.
В гостинице "Ландыш" туристам не спится.
Философ Курносов и дьяк Ломоносов
По улицам ночью кружатся белёсым.

Они на Кирилловской и на Дегтярной
Увидели свет голубой и нетварный,
И вот самоучка философ Курносов
Ответил на восемь проклятых вопросов.

Корябает что-то Курносов в тетрадке.
Он все разрешил мировые загадки.
Как раз заполняет восьмую страницу.
Таинственный свет по Буинску струится.

Где некогда Федька сидел Шакловитый,
Пекут эчпочмаки в кафе "Дольче вита".
Татарин его основал Хабибулин,
Рецепт в сундуке отыскавший бабулин.

В оврагах буинских живут псевдозайцы.
Прозрачные лошади там подвизаются.
Идёт псевдозаяц, ругается смачно,
И лошадь бежит абсолютно прозрачна.

Грузди

Вот перед вами встаю на колени я.
Знаю, как вам нелегко под осинами.
Грузди учёные, ваше томление
выразишь разве словами бессильными?

Где-то Бродвей с огоньками манящими,
где-то модели выходят на подиум.
Жизнь элегантная, жизнь настоящая,
не даровал вам суровый Господь её.

Каждое утро медведица шастает
взад и вперёд с четырьмя медвежатами.

Прыгают без толку зайцы ушастые,
вечно от глупого страха дрожат они.

Мрачный медведь орошает под вечер вас.
Как преподашь этикет косолапому?
Брызжет струя, но ответить вам нечего,
только стоять и покачивать шляпами.

Грузди разумные, черви нахальные,
осень холодная, песни унылые,
мысли печальные, сакраментальные,
злая судьба, кабаны мохнорылые.

Белки сервильные, волки голодные,
ветер задиристый, ветки качаются.
Между собой разговоры бесплодные
длятся всю жизнь, никогда не кончаются.

Вислогубый старик,
многоликий, как парк Серенгети,
покровитель черник,
поедатель еловых спагетти,
с голубой головой,
с поэтичной фамилией Хайкин,
бесконечно живой,
он обходит лесные лужайки.

По болотным стезям
кулики одинокие бродят,
шлют далеким друзьям
отголоски неясных мелодий.
Этот грустный мотив
даже волка недоброго тронет.
"Милый друг, приходи!" –
безответная птица долдонит.

Одинокий кулик
мог бы рыбу клевать, но и то нет,

как собака скулит,
как израненный Мусоргский стонет.
Вислогубый старик
в сотый раз возмущается этим.
Я, кричит, не привык,
чтобы плакали птицы и дети.
Я, кричит, не таков,
я с нахальством мириться не стану
и сердца куликов
не позволю взбивать, как сметану.
Чтоб исчезла тоска,
новый способ придумал теперь я –
всем надеть куликам
лебединые белые перья.
Кулики сей же час
улетают к принцессе Одетте,
ей направлен приказ,
в белоснежные перья одеть их.

Посмотри, наш кулик,
грациозный и лёгкий, как Моцарт,
тонконог, серебрик,
по болоту идёт и смеётся.
Вся природа поёт,
даже волки поют втихомолку,
мелкий рыжий енот
залезает от счастья на ёлку.
Нежно гладит карась
на воде задремавшую чайку,
а старик, вдохновясь,
сочиняет бессмертные хайку.

Как же радостен мир,
где родные клювастые лица.
Под звездой Маир
будем славить его и молиться.
А звезда нашу жизнь
освещает чуть видимым светом,

что-то хочет простить,
искупить что-то хочет, но где там...

Слонорыбов и мясопотам

Был человек Герасим Слонорыбов,
он зимовал на берегу залива
в большом шатре, похожем на ежа,
а по весне в приладажских болотах
задумчивый бродил он в чёрных ботах,
от холода весеннего дрожа,
в надежде отыскать мясопотама,
который, как Сидхартха Гаутама,
врачует души, ходит по воде,
дарует радость, прогоняет страхи,
сидит под ивой в розовой рубаше,
но тридцать лет не мог найти нигде.

И вот в году две тысячи четвертом
сказал он сам себе: "Какого черта?
Проходит жизнь, а шанс мой слишком мал".
В отчаянии тогда он рухнул наземь
и двое суток всхлипывал Герасим,
и комья глины пальцами сжимал.
На третий день вдруг заскрипели скрипки,
в болотной глубине запели рыбки,
пронёсся свежий ветер по кустам,
взлетели на шоссе автомобили
и Ангелы на небе затрубили,
и вышел из кустов мясопотам.

Мясопотам шагал, расправив крылья,
в одной руке держал он "Сильмарильон",
другой рукой приветливо махал.
Он обнял Слонорыбова, как брата,
назвал его ослом придурковатым,
и мирт у ног его благоухал.
Мясопотам был молод и наивен.
Он поклонялся Одину и Шиве,

не забывал всесильную Иштар,
смотрел футбол, заигрывал с куницей,
на остров Коневец ходил молиться,
любил жуков, под соусом тартар.

Тогда мясопотам взошёл на кочку
и, разорвав земную оболочку,
взлетел, над кипарисами паря.
Пока он кувыркался в поднебесье,
Герасим гимны пел, красив и весел,
он ощутил, что жизнь была не зря.
И смерть пришла, и Ангелы трубили,
езде грузины ели чахохбили,
какой-то горец надкусил хычин,
и радость растекалась по болотам,
народы ликовали, только кто-то
слезу ронял без видимых причин.

"Всё есть вода, и всё полно богов", –
сказал когда-то генерал Никитин,
который после смерти стал налимом,
и в мудрости с ним не могли сравниться
ни рыба-меч ни вёрткая мурена.
Налим Никитин и муксун Борисов,
беседуя, плывут по Индигирке,
за ними луннотелый лещ Сергеев
записывает мудрые реченья,
внимательный, подобно Ксенофону.
Сергеев прежде был саксофонистом,
он к мудрости при жизни не стремился,
а только дул и дул в свою железку,
теперь боится упустить хоть слово
великого и мудрого налима.
Никитин ставит хитрые вопросы,
Борисов отвечает, но неверно,
налим противоречия вскрывает,
и так приходят к истине совместно.
По берегам холодной Индигирки

в козлиных шубах бродят рыболовы.
Никитин их уловов не боится,
поскольку был убит в далёком Конго,
а дважды умереть никто не может.
Вовек блаженны алчущие правды,
в прозрачных водах ищущие мудрость,
налим, плывущий по реке, постигшей
все бездны человеческих прозрений,
его ученики - муксун Борисов
и лещ Сергеев с ручкой и блокнотом.

ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ

Родилась на Украине в городе Донецке. В 1974 году – первая публикация в газете «Литературная Россия». В 1991 – иммиграция в Израиль и первый сборник эссе под общим названием «Израиль, глазами близорукого». В 2002 году – иммиграция в Новую Зеландию, где были написаны романы «В поисках Родины» и «Сор из избы». Изданный в 2011 году сборник повестей и рассказов также включает в себя тексты

песен и романсов, положенных на музыку. Живет в Австралии.

Я, когда-то, уйду. Без претензий, прощаний, обиды,
Осторожно прикрыв за собой тяжёлую дверь,
За которой не слышно ни слова моей панихиды,
За которой останутся годы побед и потерь.

Я, когда-то, уйду от всего, во что верила, знала.
В моем новом пространстве не будет ни слез, ни надежд.
Ожидая суда в этом странном подобье вокзала,
Без вещей налегке совершу безбилетный проезд.

Предоплата прошла, а возврат не был мной предусмотрен,
И, когда-то, за все предстоит заплатить по счетам...
Вспоминая весь путь, заглянув цепкой памяти в окна,
Вновь и вновь возношу я молитву свою к небесам...

За гордость плата – одиночество,
Но предавать себя не в силах.
Найти смогу ль второе тождество,
Чтоб снова кровь играла в жилах?

Они приходят, как прохожие,
Назавтра и лица не вспомнишь.
Такие внешне непохожие,
Такие внутренне бездомные.

Все их поступки предсказуемы,
Все их бахвальство так прозрачно...
И расставанье неминуемо,
И вновь попытка неудачна.

История изменчива,
И ценности надуманны.
Живём семьёй не венчаны,
Все в масках, и угрюмые.

Реальность – виртуальная,
Партнёры – Интернетные,
И дети – «интегральные»,
И чувства безответные.

А надо бы, а хочется,
Как встарь, по жизни с суженым.
И жить не на обочине,
Не с роботом надушенным.

А благородство – где оно?
Чем жизнь с тобою мерим мы?
А совесть – это лишь в кино,
В картинах, стёртых временем.

Мир катится невесть куда,
Сопrotивляясь вечному,
И нет понятия «навсегда»
В эпоху быстротечную.

Пожалей меня, время, не уродуй мне душу,
Сохрани свежесть мысли, детский мой оптимизм,
Не давай мне устать, пусть не будет разрушен
Мир, придуманный мною, как женский каприз.

Пожалей меня, время, пусть в полном сознание
Встречу жизни последний завершающий круг,

И да будет мой мир не разрушен дыханьем
Болезней, предательством, болью разлук.

Если время придёт мне уйти не прощаясь,
Пощади моих близких от боли и мук.
Пусть не плачут по мне, и живут не печалясь,
Принимая тепло обнимающих рук.

Судьба, расставив мне приоритеты,
Указывает правильность пути.
Его не устилают, нет, монеты,
Не обещают розы расцвести.

Мне дан последний шанс пройти дорогой,
Оставив за собой глубокий след,
Не доживая в старости глубокой,
Вдыхая сожаления букет.

Мне дан последний шанс понять, исправить
Ошибок сделанных немереный запас,
И, отступая от привычных правил,
Простить того, кто предал иль предаст.

За тех, кого уж нет, или обидел,
Молиться до конца текущих дней...
Коленопреклонённый представитель
Раскаявшихся искренне людей.

Лори

Маленький одногодка
Спал на руках людей.
Пахло от многих водкой,
Он был всех и ничей.

Участь его известна:
Дали хозяйке сто бат,

И ослепляет резко
Вспышкой фотоаппарат.

Кто-то ласкает нежно,
Кто-то сжимает ушки.
Тук-тук привык, наверно,
Визг восторженный слушать

Дома посадят в клетку,
Манго дадут немного...
Оставят в покое детку.
До завтра. Без выходного.

Брызги красного вина согреют душу.
Мы присели в День Рождения, покушать.
«Надцать» лет не праздничная дата,
Настроенье моё возрастом примято.

Прикупила у грузин Киндзмараули,
Настоящее, меня не обманули.
Открываться не хотело, с пробкой крышка.
Мне подумалось – мужик в доме не лишний.

Долго бились мы, вытаскивая пробку.
Пропихнули вниз ножом, какой-то скобкой.
Пробка плавает на дне, вот незадача,
Половина на полу, но мы не плачем.

Все убрали, разложили мы припасы –
На столе икра и крабы, ананасы,
И вино разлили в тонкие бокалы –
Задуманный разговор, ну, разве, мало?

А наутро запах кофе в новой турке
Закатить глаза заставил к штукатурке,
И вот тут-то, я увидела, девушки,
След вина на потолке. Киндзмараули.

Дочке-умнице поведала кручину:
«Мне придётся завести в дому мужчину»,
Говорю, жила я счастливо недолго,
Ну, а дочка: – Не грусти, не плачь без толку.

Моя доченька, спасительница, доктор
Привезла из магазина чудный штопор,
Чтобы вновь не поднимать больную тему
Навсегда решила мамину проблему.

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

Живёт и работает в аборигенском поселении Манингрида, Западный Арнем, Австралия. Поэт, переводчик, участница интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?» и «Своя игра», выпускница МГУ им. Ломоносова. Победитель юбилейного международного конкурса поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии»-2017, победитель конкурса переводчиков поэзии «Пушкин в Британии»-2010 и конкурса молодых переводчиков РАН (2010), победитель Грушинского фестиваля

бардовской песни в номинации «бард» (2019), автор книги переводов австралийского поэта А.Д. Хоупа «Вечность подождет» (2011, Рудомино) и поэтического сборника «Синий полוג» (2021).

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Непростая, неявная милость –
Невесомое наше житьё;
Мне такое сегодня приснилось,
Что закончилось время моё,

И душа, не оплакавши тела,
Понеслась то ли вкось, то ли ввысь,
И пространство, что колокол, пело:
Изменись, проявись, прикоснись!

О свободы слепая отравя!
О бесформия зов вихревой!
Я увидела поле и травы
И решила, что стану травой;

Колыхалось кругом и ласкалось
Океаном живого тепла,
Я травой на ветру полоскалась
И росу, словно слёзы, пила.

Так и странствовал дух по бестелью,
Не скорбя по былому ярму,
Становясь то волной, то метелью,
Прикасясь ничем ко всему,

Не чураясь ни смрада, ни гноя;
Лишь однажды, коснувшись огня,
Я сказала: не буду войною,
Но война не спросила меня.

Там, в угаре бредового боя
понимая, что медлить не след,
я решила, что стану – тобою,
и рванула из пламени в свет.

И тогда, через волны и травы,
мимо призраков, льнущих к войне,
вопреки всем путям и уставам
моё время вернулось ко мне,
возвещая и градам и весям,
утверждая своё торжество...

То воистину было воскресе,
Но никто не услышал его.

Я не люблю себя, когда я трушу...
ВСВ

Говорят, что где-то прописан наш каждый шаг,
говорят, что свет ограничен кордоном тьмы;
ну а я говорю тебе: всё устроено так,
что сейчас – и дальше – действуем только мы.

Выбирай – и держи: и слово своё, и крест,
не торгуясь, как на базаре в голодный год:
выбирая сытость, не охай про лишний вес,
выбирая скудость, не сетуй на недород;

если сам прошёл, всемогуществом облечён,
мимо всех высот, всех сияющих бездн и тайн,
то не спрашивай небо – небо здесь ни при чём –
почему оказалась рядом совсем не та;

каждый чих аукнется, крепко и поделом,
по судьбе разнесёт, раздует мельчайший грех:
это ж ты хотел, чтобы тех, «не таких», смелó –
и пришла война, и на всякий случай спалила всех;

и под грохот вползающих в город чужих когорт
не пеняй на фортуна, фатум, системный сбой,
будь предельно честен – и с богом, и с тем, кого
ты убьёшь, и с любимой, и, прежде всего, с собой,

а не то доживёшь, ковыляя по лужам лжи,
зарываясь глубже в стерильный глухой уют
от фантомных болей в том месте, где было «жить»,
от бессильной веры в божественный недокрут,

и в финале, согласно сценарию, предстоя
сонму ангелов, в тесном, яростном их кольце,
прохрипишь: ну здравствуй, Господи, это я –
и узнаешь свои глаза на его лице.

ТАНЕЦ

И тогда ей выдали вдоволь времени – и теперь, говорят, она
вольно гуляет где хочет, как пушкинская волна,
забегая назад, отставая чуть-чуть вперёд;
переводит с английского и ангельского на змеиный и наоборот,
пляшет ночами на палубах спящих под чёрной водою шхун,
слышит в ушах забивающий речь, ослепительно белый шум,
беседует с богомолами о метафизической пустоте,
редактирует каталоги подземных библиотек,

манускриптам учёных сверчков присваивая номера –
лишь бы не помнить, где у неё вчера.

Ибо там, где времени было всегда в ледяной обрез,
где его выдавали по благу, в одни руки, посекудно, вразвес,
где оно – только дунь! – превращалось в дым, претворялось в боль,
обменивалось на возможность хоть немного побыть собой,
только там есть запретный, заветный лес, голоса зверей, голубой туман –
но не факт, что, вернувшись туда, она не сойдёт с ума.

Оттого-то и пляшет под светом чужих любопытных звёзд,
и уже почти отрастила девятый хвост,
и не хочет смотреть туда, где края воронки уже видны,
где радушная, спелая тьма улыбается из глубины;
она знает, что годы, выданные про запас,
ничего не стоят, что однажды придётся в последний раз
спеть, обменяв всё медное время на горсть золотых минут,
о любви и смерти – ведь о прочем здесь не поют.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Родилась в Казахстане. Археолог. Сделала самостоятельное археологическое открытие в Хорезме. Четверо детей: сын, сноха, внук, племянница. Им и посвящала первые стихи и сказки. До приезда в Австралию работала на радио города Ташкента, как оператор и участник литературно-поэтических программ на русском и узбекском языках.

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

Я давно не мечтаю о принце,
О том самом, на белом коне.
Не ищу на известных страницах
Ни в своей, ни в соседней стране.

Башмаки не бросаю за двери,
Не сжигаю газету в ночи,
Старым картам я вовсе не верю,
Не топлю в океане ключи.

И записку с заветным желаньем
Я не прячу в пирог с курагой,
Засыпаю к утру с осознанием:
Раз не принц, может, кто-то другой...

Не на белом коне, пусть на пегом,
Не нужна королевы печать.
Нет коня? Ничего, просто бегом
Постарайся к окошку примчать.

Расскажи мне крутую легенду,
Не стесняйся всю душу излить,
Как красавица юная в среду
Не сумела тебя соблазнить,

Потому, что ты бредил лишь мною,
Потому, что искал лишь меня,
Потому, что в сражении с судьбою
Ты загнал боевого коня.

И поверю, а как же иначе?
Увлекает неправды мелодика,
Я же слышу, что принц уже скачет, –
Так устроена женская логика.

ЛЮБИМЫЙ РОЯЛЬ

Рояль любимый, милый друг, как много лет мы жили вместе.
Ты – мой восторженный досуг, мой рыцарь доблести и чести.
Твое изящное нутро подобно ливню и прибою,
Пьянит, как зрелое вино, и вдаль уводит за собою.

Как благородна седина твоих блестящих черных клавиш,
Из века в век, мой старина, возвышенные чувства славишь.
Как нерв, отзывчива струна твоей души неугомонной.
Любого одаришь сполна своей любовью неумемной.

Будь чист и светел, как родник, питающий умы талантов,
Дурманом сладким ты проник в сердца и души музыкантов.
Волнуясь, свято сохранишь свои восторженные чувства,
Не раз потомков удивишь, любимый друг, кумир искусства.

ТАК НУЖНО

Значит, так было нужно,
Дальше пойду одна...
Распелось отношений кружево,
Чаша испита до дна.

Вдохновенные фуги Баха
Не живут без своих прелюдий,
И Вивальди замер от страха
В ожидании вердикта судей.

У органа нет больше клавиш,
А у скрипки разбиты деки.

Уничтоженного не исправишь,
Плотно сомкнуты вспухшие веки.

Но слез не будет. Они дороже
Бриллиантов и слитков золота,
Острой боли не чувствует кожа, м.
Сердце поздней любовью расколото.

МЕЧТАТЬ НЕ ВРЕДНО

Я так мечтаю сделать себе пластику,
В спортзал ходить на йогу и гимнастику,
Неплохо б было нарастить косички
И томные шелкОвые реснички.

Грудь приподнять, уменьшить ягодичи,
Живот убрать и подравнять ключицы.
Бюст пошкарней, талию – поУже,
Исправить профиль было бы не хуже.

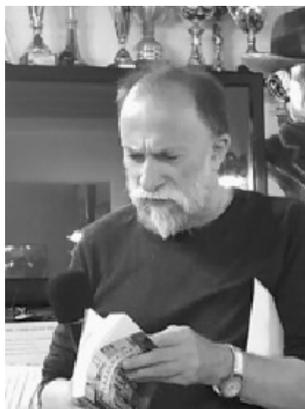
И контур показать, и мышцы силу,
Три литра геля мне б на все хватило.
Приклеить ногти с цветными стразами,
Набить тату с рисунками и фразами.

И чтоб успешно зажило б до свадьбы,
Зубных имплантов срочно заказать бы.
Всех удивят пределом совершенства
Искусный педикюр и “пяточки младенца”.

Продемонстрировать каблук в походке легкой,
Трамвай догнать с завидною сноровкой.
Улучшить зрение и слух подкорректировать,
Поставить голос, мысли сфокусировать

На очерёдности и остроте азарта,
Но если денег нет, то нет толчка для старта.

БОРИС МАРКОВСКИЙ

Родился в Киеве. С 1994 года живет в Германии. В 2002 в издательстве «Алатейя»(СПб) вышла книга стихов и переводов «Пока дышу, надеюсь», в 2006 г. в том же издательстве – книга избранных стихов и переводов «В трех шагах от снегопада». С 1998 г. – главный редактор и издатель международного литературного журнала «Крестьятик». В 2022 г. журнал закрыт в связи с нападением России на Украину.

* * *

Прощай, просодия ветвей!
Мне больше музыки не надо.
Над бедной родиной моей
звучит мелодия распада.

Прощай, забытая свирель,
я слышу музыку иную,
она за тридевять земель
колеблет ось и твердь земную.

* * *

Я прожил столько зим и лет.
Ну что ж, пора держать ответ.

Под вечер выйду за порог
на перекресток трех дорог —

всё те же гарь, и дым, и смрад
(деревья выстроились в ряд),

полощет на ветру белье,
кружит над лесом воронье.

Пригород

I

Невзрачные дома,
неровные заборы
не помнят моего лица.
Здесь жили проститутки, воры —
вино и драки без конца.

И я, как гость иногородний,
приехавший из дальних мест,
иду к знакомой подворотне
и дальше — в нищенский подъезд.

И сотни европейских улиц
мне не заменят той, одной,
где мы навеки разминулись,
случайно встретившись с тобой.

II

Здесь дом стоял, а там стоял сарай.
Я приезжал нечасто, раз в полгода.
В те времена еще ходил трамвай
от кладбища до молокозавода.

Всё как тогда — сажусь в пустой вагон,
не торопясь, талончик отрываю,
гляжу на двух задумчивых ворон
и жизнь свою зачем-то вспоминаю.

III

Кусты крапивы вдоль забора,
заросший жимолостью сад...
Я знаю, что вернусь не скоро,
хоть я ни в чем не виноват.

А память — альфа и омега —
уже рисует на холсте

подобье ангельского снега
на позолоченном кресте.

* * *

А.К.

Как в небе вдруг взойдет звезда
и после долго так мерцает,
потом исчезнет навсегда,
а для чего? — никто не знает,
так мимолетный образ твой,
едва возникнув, исчезает
вслед за кочующей звездой,
куда? зачем? — никто не знает.

* * *

Всуе листы мараю...
Сергей Попов

Всуе листву рисую, всуе захлеб живу.
Знаю, молву любую выбросит, как плотву,
на незнакомый берег к набережной пустой.
Кто в мою смерть не верит, тот не знаком со мной.

Там, за речным лиманом, за пеленою лет,
вместе с ножом карманным мой затерялся след.

* * *

Всё тот же парк, всё те же ивы.
Скамейка... Чахлая трава...
Ах, если б все остались живы!
Но мёртв отец, и мать мертва.

И брат давно лежит в могиле...
Лишь я с надеждой и тоской
гляжу, как мчится столбик пыли
вслед за мятущейся листвой.

АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК

(Бельгия)

Родился в 1961 г. в Молдавии. Окончил Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. 18 лет прожил в Забайкалье, в Улан-Удэ. С 2000 года живёт в Бельгии. Окончил с отличием третий цикл Католического университета Лувэна по специальности «Космические методы исследований и картография». Доктор наук (география, университет Льежа). Публиковался в поэтических сборниках и журналах 10 стран. Автор нескольких книг стихотворений и прозы, а также монографий «Лира»

(публицистические материалы о поэзии, 2015), «Зёрна истины» (исследование проблемы комплексного сопоставления христианских истин со сходными доктринами нехристианских религий, 2017) и книги-бilingualы «Записки русского бельгийца» (2020). Составитель сборника статей «Русская поэзия за пределами России. XXI век» (2018). Президент ассоциации «Эмигрантская лира» (одноимённые Всемирный поэтический фестиваль, международный поэтический интернет-конкурс, выездные поэтические вечера и фестивали в разных странах, литературно-публицистический журнал). Дважды (в 2014 и 2017 гг.) входил в шорт-лист специального приза и диплома «Русской премии» «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». Участник различных поэтических фестивалей в Бельгии, Великобритании, Грузии, Марокко, Португалии, России и Украине, организатор выездных фестивалей и поэтических вечеров «Эмигрантской лиры» в Австралии, Германии, Китае, Великобритании, Нидерландах, США, Финляндии, Индии, Бразилии и др.

* * *

Пришедший в этот мир из ниоткуда,
я удивлённо шурился на свет.
Вокруг меня шумели пересуды
о том, что в тёмной жизни счастья нет.

Протестовать, по сути, не умея,
я горько плакал в мамино лицо

(возможно, был типичным Водолеем).
Потом вдвоём мы вышли на крыльцо

и разошлись с больничным захолустьем.
Февраль, позёмка, ветрено, темно...
Мы шли на свет, мне было очень грустно,
и маме тоже было не смешно.

Давным-давно, наперекор запретам,
я отогнал до срока темноту.
Теперь живу, залитый ярким светом,
но если рассказать начистоту,

пришедший в этот мир из ниоткуда,
я до сих пор не знаю, почему
огонь, в моём мерцающем сосуде,
не может навсегда рассеять тьму.

* * *

Мараешь чистые страницы,
пока во тьму не ухнет свет.
Душа обязана трудиться
и в том краю, где тела нет.

С телепатическим азартом
внимает месяц тишине.
Налево – квинта спорит с квартой,
направо – ямб опять в цене.

Усталость после сабантуя...
Не жизнь, а блики в кутерьме,
и я с телесностью рифмую
бесплотность, спящую во тьме.

* * *

никогда не знаешь точно что скрывается вдали
то ли рай реки молочной то ли ад конца земли
сколько крыльев мотыльковых на огнях обожжено
сколько дурней бестолковых безнадежно влюблено

был и я когда-то дурнем сам не знал куда иду
там шепнём туда засунем так и жил всегда в чад
опыт братцы между делом потушил в глазах огни
стал я умным стал я смелым ошалел от беготни

в относительном достатке дни сгорают без следа
только что в сухом остатке та же глупость как тогда
псевдомудрость червоточна все философы врали
никогда не знаешь точно что скрывается вдали

* * *

Кто живёт расторопно, а кто – неумело.
Знал бы прикуп – давно бы устроил дела.
Говорят, что опять промахнулся Акела.
Эх, судьбинушка, ухнем – была не была!

В главном храме рублёвская «Троица» плачет –
благодать покупается длинным рублём.
Пожелайте, друзья, мне немного удачи –
на серванте повестка, а прятаться влом.

Только вот незадача – страшит перепутье.
Где скрывается истина, вот в чём вопрос?
Слева новый завет проповедует Путин.
Справа прутиком что-то рисует Христос.

* * *

Давным-давно уже немолод,
хотя ещё совсем не стар,
я пережил и серп, и молот,
и коммунизм, и солнцедар.

В те годы плебсу на потребу
считался розой пустоцвет.
Нам симулякры вместо хлеба
давали часто на обед.

Блажен, кто век прожил в надежде.
Гектар в докладе, а не акр,
и вместо солнца, как и прежде,
сияет тусклый симулякр.

* * *

Два подбитых крыла за плечами –
с браконьерской ухмылкой инсульт
о добыче судачит с врачами.
Крепость рушится без катапульта
по велению чёрного ангела,
но сдаваться никак не резон –
я смотрю безбоязненно нагло
на гудящий у стен гарнизон,
потому что – пиит-сочинитель –
попадавший не раз в переплёт,
убеждён, что мой ангел-хранитель
скажет сросшимся крыльям: «На взлёт!».

* * *

Но, стало быть, мозги не утекли,
когда на смену ушлой ностальгии
по вечерам на краешке земли
целует нежно в шею невралгия.

А по утрам берёт за горло нудь –
ты ударяешь лбом её по зенкам,
или легонько гладишь по коленкам,
чтобы прошла нахлынувшая муть.

У глобуса поскрипывает ось –
мелькают континенты под рукою.
Пусть говорят – он жил с покоем врозь...
А что покой? В пути не до покоя.

ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ

*Родился в Харькове, жил в Ленинграде,
Португалии, Франции.
В Австралии уже скоро 20 лет.
Пишу стихи с детства. Иногда получается.*

Сидеть у озера, смотреть, как тает лёд,
Изломы веток обрамляют берега,
И понимать, и принимать, что все пройдёт,
И ничего на вечер не приберегать.

Босой ногой ступить на бархатный газон,
Уйти в раздумья и вернуться сам собой,
И понимать, и принимать, что ты влюблен,
И улететь под неба купол голубой.

И пожалеть людей, вмурованных в бетон,
И помахать им на прощание крылом...
Они, бескрылые, крошили мне батон
У кромки озера, которое мой дом.

Им не понять утиный клич, утиный стих,
Их голоса грубы и неуклюжа стать,
Как хорошо что мы, в отличие от них,
Умеем думать, понимать и принимать.

От заснеженных северных склонов
Долетела до города весть:
Появились в пещерах драконы,
У драконов сокровища есть!

И на север пошли вереницей,
Несмотря на возможную смерть:
Кто мечтает скорей пожениться,
Кто желает не зря умереть.
Полыхают незваные гости,
Высыхает от жара родник,
Не подкажут горелые кости,
Где юнец, где отец, где старик.
Заплатили за знание люди,
Что напишет огонь – не стереть,
Нет сокровищ в горах, и не будет,
Там драконы и скорая смерть.
Но в далекие снежные горы
Долетела тем временем весть,
Что на юге в долине есть город,
Там, наверно, сокровищ не счесть!

Если выпало в империи родиться,
Не селитесь на окраине у моря,
Если там случится высадка десанта,
Попадете под замес как нефиг делать.

Если выпало в империи родиться,
Не живите в бедноте провинциальной,
Если вдруг случатся голод и разруха,
Вы помрёте, а в столице не узнают.

Если выпало в империи родиться,
Избегайте также прелестей столичных,
Если будет там мятеж с переворотом,
Вас повесят или расстреляют.

Уезжайте, уплывайте, улетайте,
Выбирайте детям родину по вкусу,
И, конечно, никому не признавайтесь,
Что вам выпало в империи родиться.

Под непроглядным пологом лжи
То ли убит, то ли жив...
Скрыто под снегом золото ржи.
Ты на нем полежи.
Холодно, голодно, пусто вокруг,
Только пули свистят,
Кто тебе враг был, и кто тебе друг,
Скажут годы спустя.

Скажут, что был нехороший режим,
Только зла не держи.
По справедливости лягут межи,
А пока ты лежи.
Договорятся, решат сообща
Был ли Христос распят,
И призовут забывать и прощать,
В том числе и тебя.

Кто тебя спрашивал, честно скажи,
Против кого дружить?
Кто в камуфляж нарядил муляжи?
Им так хотелось жить.
Не осязаем ты и невесом,
Грохот и хруст затих,
Это истории шло колесо
Между рёбер твоих.

.

Притупляется боль. Привыкаем к войне,
Будто к язве незаживающей.
И к разрывам, и к вою сирен, и к вине,
И к потере друзей и товарищей.
И не видно конца подлецам и лжецам
Утверждающим и указующим,
Есть надежда, что сбудется лет через дцать,
Есть война с непосредственным будущим.
А на этой войне победителей нет,
Ставки сделаны, в ящики сброшены,

Птица-тройка распалась на мёртвых коней,
Снегом лютого припорошенных.
И вопросы – зачем, почему и за что,
Заменили дурные пророчества.
Привыкаем к войне. Распрощались с мечтой.
Только плакать по-прежнему хочется.

Мы приходим сюда, как бы мы ни устали,
Окунаясь в тепло и уют.
Надя любит шампанское в тонком бокале,
И не любит, когда ее ждут.

И разгадка проста необычного стиля,
Что ее отличает везде:
Надя прячет под свитером белые крылья,
Чтоб похожей быть на людей.

А когда наступает время прощаться,
Мы уходим с чувством вины.
Даже ангелам нужно порой выспаться,
И волшебные видеть сны.

А наутро начнутся обычные танцы,
Ежедневный привычный быт,
Но у ангелов сны начинают сбываться,
А иначе не может быть.

И спасутся больница, и школа, и садик,
И пластмассовый кукольный дом,
Потому что во сне защитила их Надя,
С головой укрывшись крылом.

Мостик в речку опрокинулся дугой,
От лягушки до принцессы шаг один,
Пусть ее целует кто-нибудь другой,
Мы с лягушкой до заката досидим.

У нее такой приятный баритон,
И бесплатны ей на ужин комары,
Покупать не надо новое пальто,
И давно известны правила игры.

Гладит ветер, как котенка, водоем,
В нем лягушке все по сердцу и уму,
Нам обоим ни к чему терять вдвоем
Все, что мы приобрели по одному.

Обоюдно целоваться не спешим,
Я и сам сменял корону на берет,
В общем, мы с лягушкой оба хороши:
Переврали замечательный сюжет.

Блоку

Опять, как в годы роковые,
Две стёртых треплются шлеи,
И люди едут из России,
А процветают – холуи.
Опять дожди заморосили,
Потом мороз, жара, дожди,
В привычной бедности Россия,
В позорной роскоши – вожди.
В дороге – грязь, мздоимство, ругань,
И быть дороге без конца,
И вновь на дверь укажут другу,
И возвеличат подлеца.
И вновь веревочка завьётся,
Пойдет Россия по гробы,
И злой удавкой захлестнется
На шее круг ее судьбы.

Хлеба не хватало, солнца, неба ли?
Далеко ли от могильных плит вы?
Повезло. На смертном поле не были
Вы, забывшие слова молитвы.
Вас не презирали благородия,

И насильно не кормили салом,
Но на чёрный день хранит мелодия
Ту молитву, что не раз спасала.
Не для знающих и не для избранных,
Сквозь века истории и вехи,
Пусть звучат слова молитвы истоиво:
Мира вам, друзья! Шолом алейхем!

Четверостишия

Таким же злом вы злу на зло
Не отвечайте, злу назло.
Но там, где вырос корень зла,
Должны быть уголь и зола.

Героям надо почивать в бозе,
Героев надо отливать в бронзе,
Героев надо отдавать аду,
Живые часто говорят правду.

В груди дел моих и вязи чисел,
В боли в ребрах, шее и спине
Бог увидит красоту и смысл,
И, когда-нибудь, покажет мне.

Я жить учусь без тебя,
Писать не рвусь поутру,
Не думая, не скорбя...
А впрочем, кому я вру.

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Родился в Казани 27 июня 1961 года, Учился в Казанском государственном университете на филологическом факультете 1985-1990 гг. Прошёл Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького 1991-1993 гг. Активно публиковался с 1978 года в советских журналах и газетах Выпустил десять книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Петербурга,

Москвы, Оренбурга и Казани.

Мания приличия

Стараешься обыкновенно
сдержать неуёмную прыть
казнить, впопыхах, за измену,
за правду в глаза - ослепить,

сверяться с историей поздно
тому, кто к обману прибег,
неважно, что кончилась бронза,
зато продолжается век,

огромной страны самобранка,
раскрывшись, меня не порань,
когда, капитан бумеранга,
в такую встаю бумерань,

где всё перевёрнуто странно,
ландшафт на поверку не нов,
сквозь сизые дёсны тумана
прорезались зубы домов -

чтоб крышам жевалось не жёстко,
винцом подтолкнёшь слегонца,
похожа на минус бороздка
на пальце моём от кольца,

в погоне за самкой за самой
других не задень невзначай,
ослабнут колёса Сансары -
будь паинькой, не подкачай,

на конкурсе редких отметин
предъявишь тамгу от хазар,
иначе придётся ответить
за ёлочный этот базар.

Ещё не вечер

Транжирю времена напропалую,
в кармане вечно мелочь, как с куста,
у колокольни маковку целую
и крест её, на цыпочки привстав,

где всяк язык болтается в бокале
спускаясь по верёвке, у меня
со свитера олени ускакали
рогами новогодними звеня,

святой водой из облака обрызгнут
под дулом ветра чешется висок,
без пафоса радею за отчизну,
где президент ни низок, ни высок,

а я опять завис на сопромате,
студент одной из солнечных систем -
чертям продул, планету просохатил,
не вижу смысла в близости со всем,

друзья перевелись, как дни недели -
пустых бутылок куча не мала,
тех, что спастись от хмели не сумели,
спажнуло, будто крошки со стола,

одна, неугомонная, что с краю -
советует не быть самим собой,

мне меньше ста, но девушке киваю
пока своей садовой не седой.

Беспросветка

Задев макушкой лапу ели,
назло другую потрясу,
попав в кап-кап-капкан капли
грибного дождика в лесу,

скворец спешит птенцов напичкать,
черёмухи девятый вал,
как-будто по роману пикчерз
весна снимает сериал,

здесь на закате тоже кетчуп,
и звёзды смотрят свысока,
вдруг белка выскочит навстречу,
как шарик пыли из пупка,

теряется в небесной пройме
букашки к бабушке полёт -
там стриж, снижаясь, сводит брови,
и солнце тучи не проймёт,

а ты, принявший озаренье
из детства золотой поры,
воткнёшь в кипящий муравейник
обломок ветки без коры,

пусть выше не доходят письма,
и нечего в ответ сказать,
на белом свете жить не кисло,
ну, разве ветку полизать.

Первый снег

Жрёт Робин Бобин Барабек
всё, что надыбал и зацапал,
мы ждали двадцать первый век,
а он такой же, как двадцатый,

проблема заново начать
игру в прицеле остроклювой,
но - заморозки по ночам,
бери шинель - айда за клюквой,

где первый снег, что помело
шуршит в пределах Ойкумены,
спешим, пока не рассвело,
оттаивая постепенно,

на фоне ёлок древний Рим
как муравейник изувечен,
горим ли, отвечай - горим,
до талого, ещё не вечер,

наш мир не выбрит и патлат,
напропалую собран в кучу,
и я, сутулый, как атлант,
геополитикой навьючен,

за эту каторгу с небес,
где заблудился щебет птичий,
научит пустотелый лес
меня природе безразличий,

в бою радеть о дорогом,
переживать потери вкратце,
и над поверженным врагом,
как ни крути, не издеваться.

Первые цветы

Проходит мимо ночь босая,
смотря на мир глазами павших,
пока планету сотрясает
казачий хор орудий наших,

где месяц, от натуги рудый,
затоптан утром, как окуроч,

уже расстелена повсюду
сырой весны коровья шкура,

а мы в окопе, как пружины,
и наше дело - рядовое,
за то что, слава Богу, живы
порадуемся после боя,

очнувшись за пределом ливня,
где на пригорке, только троньте,
подснежники глядят счастливо,
не понимая, что - на фронте.

Победа

Не пускает домой занавеска,
прилипая к щеке на лету -
так-то друга встречаешь, на резкость
не успев навести чистоту,

неизменно хорошая, да ведь,
на лопатке наколку свела,
только локти прицельсь поставить -
дёрнет током от края стола,

по стене ходят ходики звонко,
под ногами вздыхает кошма,
ты полгода, как спирт, разведёнка,
и до ручки ещё не дошла,

обижаться красавицам вредно -
сочинять о любви не по мне,
понимаешь, свободное время
убивают враги на войне,

там спасает окопное братство,
здесь - обняться и выспаться всласть,
в плен к тебе не сдаваться собрался,
а за милую душу попасть,

тяжело привыкать, откровенно,
к тишине, хоть в одежде ложись,
погоди, вот завоет сирена,
и начнётся нормальная жизнь.

Айскрым

Мир до основания разрушен,
выскочить мне, видимо, никак
из союза плюшевых игрушек
против своры бешеных собак,

весело с коллегами за чаем,
что не понимают одного -
от свободы волю отличает
то, что начинается на во!

хорошо, что войско не из воска,
фитилёк загнулся, ветер стих,
примем удивительное свойство
наследив, остаться при своих

девушках достаточных без грима,
только подмигни и - понеслась,
но одна тебе необходима,
с кем причинно-следственная связь,

хватит самоедкам строить глазки,
лучше эскимоску разыщи
в стоге сена летом на Аляске,
если номер иглу сообщит,

не волнуйтесь, русские медведи,
будет место переночевать,
потому что там, куда приедем,
надо же с чего-то начинать.

ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА

Родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии. Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001 г.), «Чужой город» (2002 г.), «Волкополье» (2006 г.), «Разговор со звездой» (2011 г.). Публикации в журналах «Этажи», «Новый журнал», «Новый свет»,

«Лава», «Новый континент», «Веси», «Сетевая словесность», «Дальний Восток», «Дегуста» и др. Стихи включены в международные сборники и альманахи «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Графит», «Время Выбора», «Артелен», «Звезда Рождества», «Ассоль», «Сто слов», «Редкая птица» и др., регулярно появляются на различных литературных сайтах. Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Выбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество видеоклипов. Лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «ПТИЦА», «Пятая стихия», «Созвездие духа», «Звезда Рождества», «Редкая птица», «Есть только музыка одна», «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства» и проч.

ПЕСЧИНКИ

Мы песчинки с живою душою внутри,
Что трепещет звездой у височной сиреновой жилки,
И летит сквозь ломающий сердце экстрим
Беспокойная взвесь неужённо роящейся жизни.
То затопчут, то взвеев коричневый смерч.
То воды ни дождинки, то смыто всё мутным потоком.
Загоняют навечно в бетонную смесь.
По холсту рассыпают танцующей струйкою тонкой.

Вот куличик старательно лепит дитя.
Вот бросает вдова одинокую горстку на холмик.

А секунды-песчинки летят и летят
В яму лет, и, наверное, скоро до верха заполнят.
А душа-то жива, что над ней ни твори!
Хоть лопату вгоняй, хоть обрушивай в шахтную темень...
Видишь, светят на пляже пустом фонари,
Словно святят они миллионов безвестных потери...

Но у Бога утраты давно сочтены.
Превращаются в камни песчинки, а души сияют.
Видишь, звёзды горят там, где быть не должны.
Это сброшенных в бездну ночами в раю оживляют.
А сиреновой жилке цвести чабрецом
И сиренью кидаться в объятия лунного мая...
Вертоградарь посыпал всё небо песком.
Восходите туда только в чистом, я вас умоляю...

Ты по звёздам в озёрах пройдишь босиком...
Осторожно касайся мерцаний — душа в них живая...

ВЕЧЕРНЕЕ ТВОРЧЕСТВО

Колокольные звоны по небу стекали,
И гремела аорта не кровью — стихами.
Трепетало гитарное тремоло в спальне,
И дрозды в светлых сумерках звуки трепали,
Словно пряжу в ручье, не боясь, что порвётся.
И глазищи тарасили первые звёзды
На толпу молодых жёлто-кремовых роз,
Что светились на зелени кучно и врозь.

Месяц в тон им всходил, но на тон повышался.
А сверчок неустанно просчитывал шансы
На заглавную партию в опере ночи
И точил свои лясы, как старенький ножик,
И трещал-торопился, и цыкал тревожно,
И цеплялся зазубринкой каждой за воздух.
Колокольчик клонился к земле и темнел,
Будто к ночи устал и совсем отзвенел.

Самолёт по закату прочерчивал хорду,
Просьшая то грохот, то рокот по ходу.
Полоса пополам зорь арбуз разрубала,
И краснела от сока вода голубая.
А гитара аккорды небрежно роняла
И мелодией рваной вела к перевалу
От горячего дня через вечер ко тьме.
Ветер в кронах деревьев бродил и шумел.

Звуки-ласточки прочь улетали пугливо,
Лишь арпеджио плавно плело переливы.
Всё сложнее и капризней ложились узоры.
Купол церкви померк. Колокольные хоры
Смолкли враз, словно следуя тайному знаку.
Лишь один вдалеке еле слышимо плакал.
Стих и он. Проницая прозрачный покой,
Стих сходил на бумагу, строка за строкой.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Моя астигматичная душа,
Ты видишь мир весь по диагонали,
И, сколько бы иные не пеняли
Тебе за взгляд чудной, не им решать,
Закат ли зелен и красны ли травы,
Опасен ли для ночи неба крен.

Сдвигая взор привычно набекрень,
Пытаешься в осеннюю оправу
Пристроить стёкла заревых озёр,
Но остаётся крошечный зазор
И преломляет синий звон вечерний.

Пластинку плавных золотых верчений
Ты держишь к октябрю наискосок.
Переливаешь звёзд прозрачный сок
В лиловую посудину долины.

Ваяешь из холодной, вязкой глины
Кувшин для сбережения огня,

Опавшего с пылающего клёна,
И пробуешь у сути раскалённой
Горение как свойство перенять.

Душа моя со сдвигом по оси,
Ты, главное, свой луч не погаси
Внутри кривизн холодной атмосферы.
Не помути хрусталик чистой веры.
Сквозь линзу в миллионы диоптрий
Расплавь до лавы медный лист зари
И медианой алого угла
Звони в колокола.

АМЕТИСТОВОЕ

Какая странная зима...
Вся в аметистовых потёках
Дождей... Сны виснут на тесёмках
Небес и прыгают в потёмках
В лишённые луны дома...

Бегут по стёклам бред и жизнь
Неизменимо параллельно...
И дурью мается апрельной
Февраль...
И шёпот губ капельных...
И чёрных веток этажи...

А что же сны?.. В них Гек и Чук
Забрались в детские качели
И спят, как в тёплой колыбели...
Они пока не огрубели.
Сердца не ведают кольчуг
Тоски...

Их засыпает белый...
Нет-нет, не снег, а летний пух,
Которым дышат тополя
В запахнутой жаре июля...
И голуби гортанно гуляют,

И ветры по двору пылят...
Во сне всё просто и легко.
Все счастливы и снова живы...

Там бабочка-любовь кружила
Отважно, ярко, высоко...
Но жар оранжевых цветков
Зари её неудержимо
Манил за пламя облаков
И сжѐг.

Осенний марафон
Листву летучую гоняет.
И молодой горячий клѐн
Упрямо требует огня и,
Сгорев, уходит в синий сон.

А Гек и Чук стоят в саду,
И смотря оба на звезду,
Чей свет печально аметистов,
И маму ищут в бездне мгlistой.
Но лишь дожди с небес идут...

МОТЫЛЬКОВОЕ

Мохнато-злые мотыльки горячей памяти,
Да что ж вы с горя на беду легко порхаете
И щедро сыплете в глаза пыльцу бессонницы!
И мне вишнёвый цвет в саду уже не помнится,
И бант, что вечно не в ладу с тугими косами...
А только белые рои кружатся осами,
И воеет выюжная карга с седыми косами...
Она сквозь дырочку в душе влетает в космос мой,
Впиваясь в тёплое нутро клещами холода...
А мотыльки не хоботки свои, а хоботы
Втыкают в боль и пьют, и пьют... Всё толще брюха их...
Упились... Пляшут в темноте с пургой-старухой...

А я вот свечечку зажгу... А я вот лампочку...
А я вот неба свет впускаю... А я вот ласточку...

Дурную нечисть прогоню волшебной палочкой...
А вот и мамочка пришла, а вот и папочка...
И мы шагаем прямо в парк, и солнце кружится,
Смеётся ветер во весь рот и строит рожицы,
И копошатся светлячки в стеклянной баночке,
И превратились мотыльки в лимонных бабочек...
И ничего я не боюсь, и нипочём мне всё,
И никакая темень-дрянь уже не помнится!

Фонарь мигает за окном, и тени корчатся...
Не сплю... Не сплю... А снег идёт... Никак не кончится...

КОКТЕЙЛЬ «ИКАР»

Апельсиновых зорь свежавыжатый сок
Наливаю в стакан тишины,
Сыплю инея снежный, хрустящий песок,
Добавляю абсента весны,
Серебристые капельки утренних звёзд,
Азуритных небес порошок.

Расправляет восход петушиный свой хвост,
Алым светом налит гребешок.
А лимонного света лучистый кружок
На соломинку ветра надет.

Остаётся втянуть драгоценный глоток
Золотого коктейля надежд,
И, расправив строку за плечами до крыл,
Оттолкнуться от края листа.
Кто глагола подъёмную силу вкусил,
Тот не может уже не летать...

Что ж, парить так парить, намечтать дельтаплан...
Оторваться, пила — не пила...
На востоке все тучи сгорели дотла,
Раскалив горизонт добела...
Красной родинкой солнца помечена синь,
Так что цель узнаёшь за версту...

А коктейля не дам ни за что, не проси...
Больно крылья сжигать на лету...

РЕЦЕПТ

Для растворенья вечных бед
И будней жёсткого осадка
Включи горячий нежный свет.
Удачи сливочной помадкой
Заешь невзгоды прошлых лет.

Для обретения любви
И счастья в жизни (хоть частично!)
Смешай лимонный и горчичный
Оттенки месяца. Пльиви
К твоей смешной планете личной.

Для окрыления мечты
Стремглав лети в небесный омут,
Срывая звёздные цветы,
К сиянию, ночью разлитому
На тучах тёмно-золотых.

Но, с чашкой в синих голубях,
В обнимку с пледом тёмно-серым,
Под светом шаткого торшера,
В плену у рифмы и размера,
Ты, как всегда, найдёшь себя...

ВИБУХ

Пливуть поволі
Доми, собаки,
Солома, бильця..
Зламали долю
Старенькій бабці
Кати-убивці.
Старі ворота,
Гніздо лелече —
Усе на хвилі...
У греблі з рота

Мов кровотеча,
Мов болю вилив.
Орда жадлива,
Тварюки хижі
Вчинили вибух.
Під вінця гнівом
Вже повна діжа,
Терпець весь вибіг.
Тож начувайтесь,
Бридкі почвари!
Вже крикнув півень!
Не намагайтесь
Уникнуть кари,
Ба рине повінь!
Хай тобі трясця,
Гидото чорна!
Хоч на дерева
Ти поздирайся —
Та Божі жорна
Працюють ревно!
То що, гадюко?!
Мерщій тікай-но!
Пірнай, сволото,
В свою багнюку —
І чвакне файно
Жаске болото!
А ми поволі
Розкриєм крила,
Всотаєм сонце,
Постука воля,
Свобода мила
До нас в віконце.
В гніздечку шорхне
Птах пелехатий —
Поважний бусел.
З війни прийшовши,
Збудує хату

ЮЛИЯ ПИКАЛОВА

Русский поэт. Родилась в Москве, окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» государственного университета Калифорнии. Сделала успешную карьеру в крупных международных компаниях. Вернулась к оставленным в детстве занятиям фортепиано, с 2017 выступает с оркестром на фестивале Milano Amateurs & Orchestra и дважды становилась его победителем. В конце 2020 в Москве вышла её книга стихов «ПЕРВАЯ» (500 стихотворений); в 2021 в Италии в легендарном издательстве Laterza вышла книга переводов её поэзии “SAMMINARE SULL’ACQUA”, в 2021-22 были поставлены спектакли с её стихами. Стихи Пикаловой публиковались также в переводах на английский, испанский, вьетнамский. Живёт в Италии.

Гори, гори

Сирень в бреду. И веет ветер пьяный.
Его шатает в глянцевой листве.
Нет в мире постоянной расстояний,
Чем в этой закольцованной Москве.

Проулками, мостами, берегами,
Бульварами в сиреневом дыму...
Хождение без Вергилия кругами
Не близит никого и ни к кому.

Безликая струится толчея.
О, чтоб не одному — напополам бы!
Себя в витринах до́ ночи двоя,

Бродить, бродить – как будто ты и я.
Вернуться в дом. Гори, гори, моя
Энергосберегающая лампа...

Квест (Милан)

*"Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска..."*
Анна Ахматова

маршрут проложен ложен искажён
он с самого начала не был точным
свою дорогу в городе чужом
запоминаю по ларькам цветочным

они горят средь полночи пустой
подобьем маяка намёка знака
торговцы эфемерной красотой
выхватывают золото у мрака

цветы сверкают в круге золотом
у хрупких хризантем на мост налево
подруга память выведи потом
назад назад из городского чрева

ни компас не поможет ни клубок
ни вывески что ослепляют ложью
и я ищу свой аленький цветок
свой верный путь свою подсказку божью

об этом знаем только я и бог
и пусть нескоро праздновать победу
во мраке начался переполох
поскольку я уже иду по следу

Varisco Serafino

«...не из нашего столетья.»

Анна Ахматова

Тот городок был новым для меня.
Я в нём нашла местечко потайное
У самой кромки озера. К нему
Спускаются заросшие ступеньки,
И дальше только озеро и я
Да чайки, накричавшиеся за день
И странно смирные.

Сюда живые звёзды наблюдать
Без неживого городского света
Ходила три бессонницы подряд,
Едва во тьме ступеньки различая.
Потом три дня шёл колыбельный ливень,
А, может быть, три месяца – не помню,
Всегда с трудом я понимала время.
Нет, не всегда:
В одной из прошлых жизней
Был календарь расписан по часам,
И время подчинялось этой сетке
И было исключительно квадратным.
Как хорошо, что это позади,
И время может течь совсем свободно
Или не течь вообще.

И вот спустя три дня или три года
Пришла я снова к узеньким ступеням –
И ничего не узнаю: туда ли
Попала я? Откуда этот свет
Торжественный? Неужто и сюда
Проникли фонари, и не осталось
На свете первозданных уголков?
Поблёскивали празднично ступеньки,
И, оступиться не боясь, я вниз
Почти бежала. Да, к воде, к воде! –

И – врезалась в серебряную стену,
И потеряла зрение на миг:

Луна!

Так вот какие полнолуния
Таит забытый богом городок!
Но что я говорю: «забытый богом»?
Не это ли – присутствие его?

И вот стою, лицом к лицу, как есть,
Благоговейно руки опустив,
Вся на свету, теряясь в этом свете,
На этом свете иль уже на том,
И строки не из нашего столетья
Текут через меня. Двадцатый век
Пришёл не сразу по календарю:
Ждал девятьсот четырнадцатый год.
А эти строки явно довоенны,
Но знают всё о Первой, о Второй.
И в самом малом здешнем городке
Вы обелиск найдёте с именами
Всех жителей погибших, и пропавших,
И умерших впоследствии от ран.

Однажды возле маленькой часовни
В горах на одинокую табличку
Наткнулась я. Всего пять слов:

SOLDATO

VARISCO SERAFINO

ПРОПАЛ В РОССИИ.

И ни лица, ни даты, ни намёка,
Кто и когда его увековечил
И почему на этой высоте.
Возможно, это был отец семейства,
И правнуки его живут на свете
И даже как-то съездили в Москву:
Вот фоточки на фоне Фьораванти,
Восторг в глазах, ушанки на морозе –
Как экзотична русская зима!

Возможно, это юноша безусый,
Единственный у матери, и та
Пережила его на сорок лет: подолгу
Живут здесь люди. Сорок лет ждала,
И даже больше, сорок и четыре,
Пока железный занавес не рухнул,
Но и за ним его не оказалось.
Как экзотична русская зима.

И вот стою, и все эпохи сразу
Текут через меня. Наверно, здесь
Портал для всех, кто памяти взыскует,
И в этой полнолунной тишине
Я чувствую присутствие в природе
Всех, кто до срока растворился в ней.
Об этом ли я думала, когда
Отправилась предсонно прогуляться?
Но с обелиском маленькая пьядца,
И чёрная зеркальная вода,
И белая огромная луна
Меня вберут, со мною растворятся –
И не начнётся новая война.

Сарагоса

Золотые окна колокольни.
Стены золотого кирпича.
Осенью светлее и спокойней
Льётся с золотых небес печаль,

И осине листья золотые
Осень истончила до стекла:
Тронешь – зазвенит...

И шлю стихи я
Городу, в котором не была.

Уходит море (Драгёр)

теперь я знаю как уходит море
от маленьких рыбацких деревушек
из года в год за шагом шаг неслышно
и кажется что море неизменно
но с каждым поколением всё дальше
улов по суше тянут рыбаки

я здесь уже бывала – на картине
начала девятнадцатого века
кипела жизнь кипела пена шумно
серебряные рыбины кипели в сетях
кипели в небе облака

теперь стою на отмели безмолвной
недвижны облака над головою
домишки далеко остались сзади
до жалких лодок далеко шагать

на отмели стою теперь безмолвно
и облаков серебряные рыбы
застыли в этом небе навсегда

на отмели безмолвной только тени
небесных рыб и тонкая моя

любимый! здесь когда-то было море

Стамбул

Декабрь. Но воздух пахнет мартом, мазутом, рыбой, пахлавой.
В порту залиvisto, с азартом свистит разбойник-постовой.
Лотки: стекло, каштаны, брынза, и снова: чайки, гам, весна,
И неба вогнутая линза всей синевой наведена
Вниз, на Босфор, на нас, на храмы, что ею вдавлены в холмы –
Но держат на себе упрямо весь вес её, чтоб жили мы.

Столица с примесью аула, глухая древность с новизной...
Всё то, что было у Стамбула, теперь останется со мной:
Чужого города громада, чужого неба громадьё,
Где выжимают кровь граната, как сердце выжали моё.

А-я

Я знаю землю мистерий.
Там ночью полдень живой.
Деревья, люди и звери
Живут там вниз головой.
А днём там дивное снится,
И сны любые – к добру,
И так стыдливы ресницы
У встречного кенгуру.
Там горы из яркой меди
И жарок снежный песок.
Для маленького медведя
Растёт эвкалипт, высок.
Застыла красная лава,
Лианами лес зарос...
Зевают тасманский дьявол,
Охотится утконос.

Когда бы не эму эти,
Опоссумы и кузу –
Зачем бы и жить на свете,
По ком бы пускать слезу?
Какие смешные пальцы...
Какие уши кружком...
Кому-то положен панцирь,
Кому-то брюхо с мешком.
Причудливы дети божьи,
И наша неясна спесь:
Нам тоже предел положен,
Мы слишком плодимся здесь.
А вспомнишь о тилацине
(Ищите, ищите след!) –

И спеси нет и в помине,
Как и тилацина нет.

Я чую, что друг опоссум
На шкуре своей узнал:
У всех, кто на шарик послан,
Сужается ареал.
Но там, где живут коалы,
Есть шансы на волшебство:
Ведь выжило там немало
Забавных детей Его.
Плывут под ногами тучи
В мистическом том краю.
Готовлюсь на всякий случай
И на голове стою.
Не знаю туда лазеек,
Но волю даю мечтам:
Когда провалюсь сквозь землю,
Быть может, выпадут там.

Акрополь

Отчаяться, отпеть, отгоревать.
Отжить. Отплакать. Подвести итоги.
Но нет, не перестанут волновать
Давно не существующие боги!

Увижу вдруг на городских горах
Сияние небесного портала:
Акрополь в золотых прожекторах.
Афина о таком и не мечтала.

АЛЕКСАНДР ПРАВИКОВ

Родился в 1974 году в Москве. Учился в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете и в Литературном институте им. А. М. Горького (не закончил ни тот, ни другой). Автор книг стихов «Внутри картины» (М., Воймега, 2013) и «Бульдог судьбы» (М., Синяя гора, 2024). Публиковал стихи, рецензии и переводы в «Интерпоэзии», «Ното Legens», «Новой Юности», «Знамени», «НГ-Ex libris», «Формаслов», Prosodia и др. Живет в подмосковных Химках, работает в Москве. Женат, отец четырех дочерей. Дипломант Международного Волошинского конкурса, лауреат конкурса «Эмигрантская лира».

Новый Арион

Нас было много в теремке —
Одни из нас дрова кололи,
Другие огород пололи,
А третьи пели брекеле.
Четвертые ложились поздно —
Они то вместе, то порозно
Искали истину в вине,
А я продышивал вовне
Проталину в стекле морозном.
Вдруг, сами знаете... амок,
Балрог, февраль и русский бог,
И где лягушки, зайцы, волки?
Лишь я, таинственный болтун,
Сижу и пялюсь в темноту
Через оконные осколки.

* * *

Моя Россия, моя маленькая,
Я тебя чуть не потерял.
Тебя почти заслонила вот эта вот РА-СИ-Я!,

Толкнула куда-то в снег
И заторопилась дальше.

Не плачь, давай я тебя подниму, почищу.
Вот так, порядок?
Прости, я только на секунду отвернулся.
Больше не брошу тебя,
Пойдем вместе,
Отпразднуем с тобой непонятно что,
Чокнемся непонятно чем
За всех, кому больно и страшно.

* * *

Тут война, а тут красиво. Это снег, а это смерть.
Эх, неведомая сила, как ты все перемесила, это ж надо так суметь.

Много в мире кой-чего, как писал еще Гораций:
Вот последнее горит, вот любовь под фонарем.
Будем плакать и любить, обниматься и ругаться,
А в конце мы все умрем, а в конце мы все умрем.

Интересные стихи, перспективная работа.
Многочадие весьма поощряется царем.
Наша жизнь и наша смерть — это вкусно для кого-то,
И поэтому все мы обязательно умрем.

Я завариваю чай, потому что это нужно,
Улыбаюсь по утрам, потому что я отец.
Жертвы вместе с палачом по утрам идут на службу.
Поскорее бы уже ожидаемый конец.

Сколько время, командир? То есть сторож, сколько ночи?
Как люблю я это все, как простить и как понять,
Что все видимое мне так красиво и непрочно.
Я надеюсь, что потом мы увидимся опять.
С вами, серые снега, с вами, праздничные лужи.
Ни один на свете стих не сравняется с котом
Или веткой. Может быть, я потом смогу не хуже?
Я надеюсь на потом, я надеюсь на потом.

Каждый видел в кино такое,
Такой напряженный момент —
Конец света, пора валить, но друзья ждут героя,
А героя все нет и нет.

Он бежит со всех ног, но, как нарочно,
Что-то все время задерживает его по пути —
То надо утешить старушку,
То котенка спасти.

Стихия бушует, минута — и будет поздно.
Капитан смотрит единственным глазом сразу на все звезды
И строго ругается на морском.
Друзья героя, глотая ком,
Шепчут: «Еще немного,
Он успеет», и он успевает в последний миг.

А вот история не из фильмов и книг.
Постаревший Бог среди горластых и рослых
Детей выглядит вовсе чужим.
Они суетятся, орут, решают вопросы,
То за ложки, то за ножи.

Ангелы шепчут: «Хочешь, мы сделаем тут прополку?
Все равно от них никакого толку
И уже терпения нет».
Он смотрит печально и шепчет: «Еще немного,
Они сумеют...». Звучит как бред,
Но кто я такой, чтобы спорить с Богом.

Свой садик на хребте дракона
Растить возможно иногда.
Хоть и немного незаконно,
Когда вокруг всему балда,
Когда окно дрожит, как спичка,

От скрипа варварских телег.
Насыплешь семечек синичкам —
И ты хороший человек.

Если мир похож на большую рану
И один по другому ездит краями,
То какая у этой школы программа
И чему мы учимся в этой яме?

Может быть, тому, что из этой хтони
Улетевший шарик, уплывший мячик
Прилетит назад, в речке не потонет.
Может быть, тому, чтобы ездить мягче.

Отойди от ближнего, и увидишь,
Как сирийский мистик, простое диво:
Эти твари, созданные в любви, ишь
Как они на самом деле красивы.

ЛЮДМИЛА ПРАСАД

Родилась в Тюмени. Закончила факультет романо-германской филологии в Тюменском государственном университете по специальности английский язык и литература. С 4го курса отправили учиться в канадский колледж на несколько месяцев – одной из первых двух студентов ТГУ (благодаря перестройке). Недолго жила и училась в аспирантуре (прикладная лингвистика) в Ленинграде/Петербурге. Аспирантуру не закончила: уехала в Германию. Оттуда в 1994 года приехала в Канберру. Преподаю академический английский. Стихи пишу на русском и на английском.

В городе вдов

В городе вдов зацветает черешня –
новой весны невесомый венец.
Вдовы из дома выходят всё реже,
издавна не доверяя весне.

Вдовы столетьями сушат фиалки
между страничками ветхих томов.
Ждут непутёвые их зодиак
знака над крышами вдовьих домов.

Штопают вдовы ночами рубашки –
те, на которых уже для стежка
места не сыщешь.

Глашатай на башне
пёррышком весточки исподтишка
правит для вдов, добавляя щепотку
сахарной пудры к горящим словам.

В чашках заварится вечный шиповник,
глухо две нотки обронит сова,
пальцы привычно сплетутся: кого же
выберет небо в свои протезе?

Ложечки звоном своим не тревожат
в треснутых блюдах черешневый джем.

Шторм

А наутро опять объявили шторм,
и никто, как всегда, не спросил, за что.
Богатей и бедняк, великан и гном
пропускали безропотно шквал в окно.
И взвивались волны в смертельный шпиль,
и не верили в то, что наступит штиль,
фантазёр и прагматик, и стар и млад,
чей привычный мир заполняла мгла
с незапамятных пор, и любой маяк
обвивала кромешного зла змея.
Замолкали пророки, скрывая страх,
затопляла бесцветность небесный тракт,
обещавший когда-то всем по звезде,
и везде бушевали шторма, везде.
А потом несмышлёный птенец на вет-
ке наутро опять объявил рассвет.

Так, как больше нигде

Подводный мир грандиозен и прост.
Там может расправиться в полный рост
и мал, и велик – и для всех одно
в любой момент доступное дно.
А хочешь ответ на любой вопрос?
Ныряй в глубину, не держись за трос.
А можно поверхностно: плюх – и вплавь,

чтоб тут же тревоги на нет свела
волна целебной зелёнке в тон.
Колышется в вечном трансе планктон,
вдыхает его добродушно кит,
морской капустой полны парники.
Таинственно так, как больше нигде –
все тайны лучше хранить в воде.
Чуть слышно булькнет секрет в глуби,
а то и вовсе не слышно. Люби
подводный мир и за то, что в нём
ходить может каждый морским конём,
для эго заряд – позавидует скат,
тоску прогонит простая треска.
Да что ни пример – исключительно плюс.
Я этим миром ни с кем не делюсь:
гораздо легче, когда одна,
в любой момент (не) подняться со дна.

Оригами с богами

Золотые ворота скрывают сумбур:
Истощённые боги ругают судьбу.
Потеряв над людским сумасбродством контроль,
Эликсиром с утра согревают нутро.
На свои образа помолившись тайком,
Анонимные чаты на рай-точка-ком
Погружают в пучину своих неудач.

Поднимайся к богам, посиди-посудачь,
От душевных терзаний богов отвлеку.
Не тушуйся – не так уж они велики
По сравнению с миром небесных светил.
Заодно развлечений набор захвати:
Оригами, раскраски, вязанье крючком.

Игнорируя чаты на рай-точка-ком,
Под мерцание звёзд из-за облачных ширм
Мы уютно с богами сидим и шуршим,
По раскраске неспешно ведя карандаш
И за контур зайти не боясь – ерунда ж.
Позабыт эликсир, и петляет крючок
В лабиринтах ажур, и стресс обречён.
Чудотворный глушитель тревожных звонков –
Оригами с богами. Во веки веков.

Ничуть не тихий

Экстраверт, искусный интриган,
Старожил со стажем, бард от бога.
Насолит покрепче берегам,
Поперечит ветру – и в бега.

Валунам, бывалым лежебокам,
В миллионный раз преподнесёт
Фейерверки доводов дробильных:
Что стабильность их – ни то ни сё,
От глубин и глыб любой спасён,
Если жить перпетуум-мобильно.

Быстротечно волны пролистав,
Вековечных тайн икринки мечет.
А по формуле – совсем простак:
Аш-два-о и соль – почти под стать
Человекам,
Но чуть-чуть помельче.

Под левой ключицей

Ты устанешь от слов, существующих только
чтобы сделать твою мизансцену неловкой,

и однажды ты сварешь и выпьешь настойку
из полуночи тёмно-лиловой.

Без единственной ноты, под левой ключицей
тишина растекается чем-то певучим.

Ты от слов отвыкаешь – пора научиться
бессловесности в мире с тобой несозвучном.

Тишина – это старенький шарфик на шее,
чуть дрожащие в воздухе снежные хлопья,
васильки вперемешку с польнью в траншеях –
катастроф послесловия,

облака, распушённые гребнями лета,
каллиграфия лёгких шагов водомерки.
Тишина – светлячок, что ладонь амулетом
согревает тебе –
и не меркнет.

Нараспашку

Год – девяносто какой-то. Внезапная взрослость.
Всё нараспашку, насквозь, без оглядки, без сна.
Двадцать один – и свобода, и можно без спроса.
Небо бросало пригоршнями вьюжное просо
Птицам на Лиговке.
Мёрзла под аркой весна.

Дима оттачивал сальто-мортале на кухне.
Алик тащил танцевать, признавался в любви.
Рядом вповалку – Серёжины Хармс и Акунин.
В Питере, в полном расцвете –
мальш, не реви.

Пир – гогошары из Бельц и бердянское сало.
Чаще – картошка, батон, нескончаемый чай,
Сладкий как мысль, что уже никого не касалось,
Кто оставался тайком у тебя по ночам.

Вика дрожала в коротеньком вязаном платье,
Книжки давно не надеясь продать у метро.
Мокрые лапы грифонов ладошками гладь и
Молча смирайся с немилостью невских ветров.

Питер вселился в тебя, как безудержный табор.
Время придёт – заберёшь его только таким.
Вечный моторчик над крышами дворигов старых:
Дело житейское – слышишь, малыш?
Пустяки.

ИРИНА САПИР

Родилась в Одессе в 1972 году. В 1991 эмигрировала в Израиль. Окончила Тель Авивский университет со степенью бакалавра по Английской литературе и лингвистике. Замужем. Двое детей – сын и дочь. Состою в Союзе русскоязычных писателей Израиля, в Евразийской творческой гильдии и в Союзе писателей Северной Америки. Публикации в альманахах, поэтических сборниках: Свиток 34 Израиль 2019, Атланта США 2017; Понедельник Израиль

2018,19,20,22; Золотая Коллекция 21 век Германия 2019; Влтава Прага 2019; Ассоль Прага 2022; Хроника Агрессии Германия 2021; Артелен Киев 2022, 2023 и др. Автор книг: “Пушистый мир” – стихотворения для детей, “ Я родилась осенним утром” – лирический сборник. “Австрайские письма” – нон-фикшн. Лауреат международных литературных конкурсов: «Эмигрантская лира - Бельгия», «Редкая птица - Днепр», «Славянские традиции - Прага», «Арфа Давида - Израиль», и др.

МОЙ РИМ

Я бы ноты могла собирать в длань,
обрывая легко их с гитарных струн,
или между веками стирать грань,
изучая штрихи угловатых рун.

Я бы кистью могла оживлять холст,
отражаясь в глубинах своих картин,
и стоять, не сгибаясь, во весь рост
на уступах достигнутых мной вершин.

Я могла бы кроить, исцелять, петь...
Но при матовом свете ночных ламп
я вяжу одержимо из слов сеть,
поддевая строкой то хорей, то ямб,

и брожу по дремучим лесам рифм,
каждый раз выбирая всего одну...
Потому что стихи – это мой Рим,
и дороги мои все ведут к нему.

ЖЕЛАНИЕ

Я просто хочу мира — это слишком много? —
Чтобы никто не слышал сирен, небо режущих,
и не мчался, в панике спотыкаясь о выступ порога,
в укрытие: подвал, метро или бомбоубежище.

Чтобы, сжимая зубы и глотая слезы,
на «рингах» социальных сетей ни с кем не собачиться,
а просто постить селфи в различных позах,
хвастаясь только что купленным летним платицем.

Обсуждать не военные сводки и не новостные программы,
а скидки или ремонт, столкнувшись в подъезде с соседями.
По телеку чтобы крутили любовные драмы,
«мыльные оперы», передачи о путешествиях и комедии.

Я просто хочу для всех обычных будней:
бежать по делам, сетовать на погоду мерзкую.
Чтобы на улицах городов было людно,
и машины действовали на нервы гудками резкими.

Чтобы не были затуманены страхом взгляды,
а души не заполнены до краев болью и горечью.
И родственники, находясь по разные стороны баррикады,
не бросали друг в друга камни с криками «Сволочи!».

Чтобы не дыбились «ежами» площади и дороги,
и никто не вламывался силой ни в дома, ни в Отечество.
Я всего лишь хочу мира, — разве это много? —
чтобы люди просто жили по-человечески.

МЕЖДУ

Я из Одессы уехала вроде бы,
но в Тель Авив до конца не приехала.
К битым дорогам покинутой Родины
память моя приколочена вехами.

Мне до сих пор временами мерещатся
среди реалий израильских улочек
Дюк, и к причалам бегущая лестница,
грезится вкус трехкопеечной булочки,

слышится явственно звук восхитительный –
скрип моих стареньких дачных качелей, и
лишь на окошке моем, исключительно,
в южной стране, незнакомой с метелями,

изморозь пишет картины узорные.
Память моя неумная бесится,
вертит меня лопастями проворными,
как дон Кихота – бесстрастная мельница.

Я неотрывно смотрю иллюстрации
в книге моей ностальгии навязчивой.
Видимо, нет у дорог эмиграции
финиша. Прошлое и настоящее

врозь разошлись. Я застряла пожизненно
в пропасти между краями их рваными,
между двумя непохожими жизнями,
между двумя непохожими странами.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Положите на бок песочные часы, и они тотчас же перестанут
отсчитывать время, превратившись в бесконечность...

(Людмила Чеботарёва)

На скорости космической
летят секунды – атомы.
Я бьюсь в них истерически,

как голубь в окна. Датами
мелькают дни урочные.
Мечусь я между сутками.
Идут часы песочные –
года текут минутками.

По крошечке, по зернышку,
из верхней колбы в нижнюю,
сквозь узенькое горлышко,
сыпается, неслышная,

тугая струйка времени.
Песок стекает золотом,
и бьёт меня по темени
песчинками, как молотом.

Бегу, бегу стремительно.
Я гонкой обесточена.
Мне хочется мучительно
свалить часы песочные

на бок. А может, временно,
замрет секунд скольжение –
ни войн, ни слез, ни бремени,
ни звука, ни движения.

Увы! – Прервать течение
времён нельзя, и катятся
по склону дни рождения,
субботы, среды, пятницы,

проносятся картинками,
мелькают, словно лопасти...
Текут года песчинками
на дно стеклянной пропасти.

ПОСТУЛАТ

Старое фото с оторванным краем.
Сквозь черно-белую блеклость снимка

воды индиговой синью мерцают,
солнце рассыпалось на крупинки
золота по шелковистости моря.
Утренний пляж. Молодая мама
смотрит с улыбкой, как ловко я строю,
сидя у кромки прибоя, замок.

Мокрый песок на щеке и предплечье.
Сколько мне — семь или, может, восемь?
Лето казалось тогда бесконечным,
мнимой, далёкой казалась осень,

время — медлительным и безбрежным...
Мне постулат был еще неведом,
что проливные дожди неизбежны
и снегопады наступят следом,

что этот берег, объятый ветрами,
брошу, отдавшись другим широтам,
что поседет со временем мама
и пожелтеет с годами фото.

ШАГ

Как трудно мне дается этот шаг
из августа в сентябрь.
Качается на тонкой ножке мак
у края лета. Я бы

взяла его с собой в сезон дождей,
хоть он увянет вскоре.
Дороги нет обратно — я уже
на стыке территорий.

Тонка, едва заметна нить межи, —
переступаю быстро.
За этой гранью крутит виражи
гонимый ветром листик,
оплакивает жухлая трава

истраченную свежесть.

Чем дальше вглубь, тем проблески тепла
и радости все реже,

все больше туч над копиями антенн,
заметней сеть морщинок.

Я буду пить рубиновый глинтвейн,
вдыхая жар камина,

и слушать как размеренно скрипит
калиткой ушлый ветер.

Я свыкну с этой осенью, почти
забыв о давнем лете.

Но как-то, открывая старый том,
над кружкой чая с мятой,
найду случайно маковый бутон,
засушенный когда-то.

ДАНА СИДЕРОС

Родилась в 1985 г. в Казани. Поэт, драматург, иллюстратор, концепт-художник. Автор книг стихов «Шутки кончились» и «Ученик дурака».

Стихи публиковались в журналах «Конец эпохи», «Новый Берег», «Гвидеон», «ШО», «Контрабанда», «Дальний восток», «Пятая волна». Лауреат поэтической премии Пермского фестиваля SlovoNova и Международного конкурса новой драматургии «Ремарка».

Пьесы «Стена живых», «Все, кого касается», «Черный апельсин», «ЗАТО» поставлены во многих городах России и за рубежом. С 2022 года живёт в Португалии.

ОБЫЧНЫЙ БЕЛЫЙ

Шестнадцатого февраля две тысячи
двадцать второго
я сижу в кафе
на Александровском проспекте
лучшего города во вселенной.

Будни. Рано. Здесь только я
и пара влюблённых.
С ними менеджер из агентства:
с каталогом букетов, тортов, колец,
идей оформления лимузина.
— Или что вы хотите? Карету?
Можем карету.
Но учтите, это красиво снаружи,
а изнутри — ну такое.

Мой кофе давно закончился,
но я не в силах уйти.
Чужое счастье, как печка:
тепло, красиво, чудесный треск.

— И вот, наконец-то — платья!
Все трендовые цвета.

— Какие еще цвета?
Изумлённо спрашивает жених,
он впервые за час подал голос.

— Я имею в виду оттенки.
Белый, молочный, слоновая кость,
яичная скорлупа, жемчужный, пломбир.
Множество вариантов.
Но кстати, вот что забавно, в этом году
по непонятной причине
самый модный — обычный белый.
Я называю его
старый добрый белый.

Шестого ноября две тысячи
двадцать второго
я сижу на Проспекте Свободы
тоже красивого города.
Вспоминаю о них.
Как они там? Поженились?
Отложили до лучших времен?
Расписались сурово, без шелухи,
под звуки воздушной тревоги,
стрёкота ПВО, гула дронов?

Или решили —
живём один раз, гуляем.
Бросаем букеты в цель.
Пляшем и пьём три дня.
Лимузин, нет, карета, торт,
платье цвета Акация в мае.
Цвета Облако над Днепром.
Закарпатский снег.
Свежая брынза с привоза.
Туман на рассвете, когда непонятно,
где кончается море,

и начинается небо.
Множество вариантов.
Множество вариантов.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ

Мы же все понимаем,
что дело вовсе не в голоде.
Люди могут и дольше не есть,
пока они в городе.
Человек может дольше не пить,
если мечется по земле:
топчет мрамор, срезает гриб,
сажает каблук на клей.
Но когда ты швырнул его в бочке
вверх на десять кэмэ,
но когда, гордый брат комет,
он летит в закат,
но когда он пристегнут, заперт,
в носу у него свербит —
дай ему бутерброд.

Дай ему эту ватную булку,
эту бледную ветчину,
а иначе он вспомнит,
как безбрежна его вина.
Предоставь ему выбор —
курица или рыба,
а не то он начнёт просчитывать,
как могли бы
по-другому сложиться
последние двадцать лет.
Дай ему неудобный пакет,
подсохший багет, дурной шоколад.
Подари ему крекер, отсыпь ему карамели,
жжённый сахар и хруст отвлекают его
от боли.

Это то, что у нас правда есть
вместо так называемой гениальности:

семенить вдоль рядов,
на тележке печаль везти.
Воду лить, тормозить тревожных,
повыскакивавших в проход,
чтобы думали, что железка
не упадёт.

ДЕВЯТЫЙ

И не то, чтоб она специально
слушала телек,
просто дома его не гасят ни днём, ни ночью.
Что с них взять: кто не гипертоник,
тот неврастеник —
он для них, как морской прибой,
как сверчок за печью.

Для неё этот треск вестей,
что язык команчей:
редкий шифр сквозь помехи лжи,
на любом канале.
Стынет август. Кончается век.
В брюхе бьётся мальчик —
из воды, тесноты и тьмы подаёт сигналы.
Понимает, что шансов нет,
лупит в борт ногами.
Мы тут все в тесноте и тьме:
молодой на старом,
дом на севере, койка в комнате,
мальчик в маме.
Мы спасём тебя, милый,
мы скоро тебя достанем.

Будешь царь и зефир:
трогать море, пробовать силу,
есть сосульку, бояться мошки,
смотреть корову.
А в седьмом — в первый класс.
В восемнадцатом — кончишь школу.

Бакалавра, допустим, получишь,
к двадцать второму.

Не ложись на краю, откатись,
чтобы так и было.

Просто выбери сушу, лето,
визг мелюзги, луч
пробивает листву
и лижет плеча изгиб, лоб.
Так красиво. Так будет.

Все дороги ведут
к футболу,
книжкам, песням, любви.
Пой и пей свою пепсиколу,
что там нужно, кроме неё,
звезде рок-н-рола?

Далеко укатилась пуговичка по полу,
не нагнуться за ней,
ну не звать же своих на помощь.
Странно мальчик притих,
страшный август до верха полон.
Необъятное брюхо
тьмой омывает полночь.

КОРОТКИЙ МЕТР

Так хотелось уйти от клише, но нет:
старичок из болотца,
протягивая копытце,
говорит: клянись, что оставишь мне
то, что в доме своём не знаешь.

Всякий где-то читал эту чушь:
там про первенца, печку, мышь,
и картинка на развороте была цветная.

Все когда-то это читали, но не уловили сути.
Можно вечно слушать подкасты,
листать соцсети,

можно шастать, развесив уши,
по проспектам протестам барам,
проповедовать голубю-гопнику, уткам-дурам.

Но придётся потом осознать,
в чём тут был подвох:
ты не знаешь в доме своём
ничего.

Вот к примеру, рынок у вас на углу,
где мусора гоняли урлу,
был здесь дольше, чем знают карты,
чем помнят летописи,
чем ты можешь науглеть в своём РС.
Если место людное — рынок будет,
как ни жги его, ни сноси,
как ни строй зигзагом на лобном месте
румяных детей началки.
Хочешь в море найти кита —
ищи, где клубятся чайки.

Здесь у нас позорный монтаж:
крики чаек, прыгаем в тёплый климат,
где у всех замечательное вино
и ужасно отсталый сервис.
У Виталика в среду пропал багаж,
у Кристины симка — три-джи голимый,
а Вадиму письмо не идёт давно,
всё убого реализовано,
неюзабельно решено —
непонятно, с чего мы тут все расселись.

Есть же царство, где всё круглосуточно:
пытки, пицца, аресты, латге.
Где летает всё: курьеры, такси, ракеты;
где высоты взяты, глубины давно пробиты,
кто замешкался — тот балласт.
Где у службы писем в тюрьму — дизайн
и чудесные личные кабинеты:

так удобно писать,
так легко пополнить баланс.

Просто тыцнул на кнопку, и пишешь властью
храбрым, хрупким, пока еще не убитым.
Держишь в памяти всех, кто в цепочке есть —
бота, цензора, адресата.
Адрес: Милый дом, Крокодилья пасть,
индекс, номер, бланки ответа.
Метр короткий, но эта часть
длинновата.

* * *

Как лист увядший падает на душу
и всю насквозь проходит без помех,
не задевая ничего, не руша
структур её прозрачных — глянь на тех,
стоящих в недрах серого вагона
и пьющих сквозь решётку белый свет.
Взгляни на них легко и отрешенно,
махни рукой и улыбнись им вслед.
Им долго ехать, к краю панорамы,
волкам, снегам, не тающим упрямо,
и все моменты вспомнить время есть,
когда их чьи-то братья, дети, мамы
просили быть людьми, смотрели прямо,
смирненно называли “Ваша честь”.

МИХАИЛ СИПЕР

В 1976 году закончил Уральский политехнический институт. Был организатором и первым президентом КСП «Зелёная лампа». Стихи пишет с 1975 года. С 1977 года на стихи М. Сипера написано около сотни песен его земляком Василием Мешавкиным. Песни на стихи М. Сипера публиковались в книгах «Наполним музыкой сердца» (Москва, 1989), «Люди идут по свету» (Москва, 1989), «Грушинский»

(Куйбышев, 1990), «Смех сквозь струны» (Москва, 1995), «Антология авторской песни» (У-Фактория, 2002), «Антология бардовской песни» («Эксмо», Москва, 2005), в различных фестивальных сборниках и буклетах, использовались в спектаклях «Пифагор» и «С днем рождения, Ванда Джун!». Стихи публиковались в антологии «Alter ego», альманахе «Альбион», журнале «Дон», газете «День литературы», неоднократно печатались в периодике разных стран. С 1991 живёт в Израиле. В 1996 году в Иерусалиме вышел сборник стихов «Из неперечёркнутого». В 2005 году вышел сборник стихов и прозы «Струна, порезанная пальцем». В 2010 году вышел сборник стихов «Инверсионный след». В 2015 году вышел сборник стихов «Песок под микроскопом». В 2016 году вышел сборник стихов «Снятие боли». В 2019 году вышел сборник прозы и стихов «Время собирать камни». Финалист и призер «Пушкин в Британии» 2004, 2005, 2006, 2007, 2011, 2012гг.

В апреле 2008 года Михаилу Сиперу присуждена Золотая медаль Франца Кафки.

Приснился сон нечаянный,
Довольно грубо спаянный,
Хромой и неприкаянный,
Но жаловаться что ж —
Пошёл я вертолёт пасти,
Крутило ветром лопасти,
Стоял я возле пропасти,
Вокруг шумела рожь.

И дети, дети бегали,
Как льдинки в «Чивас Регале»,
Жевали хлеб и бейгале,
Кричали ерунду,
Но я стоял, как вкопанный,
Ловя их с криком: «Опа-на!»
Коль надо, я, как штопанный,
Опять спасать пойду.

А после в финской «кожанке»
Гулял я по Остоженке,
Купив всем по мороженке,
Чтоб в человецех – мир.
Клянусь я всеми фибрами,
Над Волгою, над Тибром ли,
Доступными калибрами
Я грянул: «Viva beer!»

Звучит везде Рахманинов
От Мги до бухты Ванино,
И звук, бемолем раненный,
Вонзается в туман.
Что заниматься лажею?
Опять стою на страже я
И мажу белой сажею
Мир чёрный, как обман.

Таков мой сон. А может – быт.
Он на меня судьбой пролит,
Он надо мной всегда парит,
Хочу я, не хочу.
Определив мои пути,
Он мне командует: «Лети!»
И я, найдя разрыв сети,
Лечу.
Лечу.
Лечу.

Чёрное небо и чёрный закат,
Склон у горы и колюч и покат.

Чёрное море и чёрный песок,
Чёрный в ущелье несётся поток.

Светится город в чернеющей мгле,
Город последний на этой земле.

Пепел посевов и уголь дубрав,
Скрип пересохших дымящихся трав.

Где ты, мой мир? Нет вина, есть вина.
Неимоверна за это цена.

Не повторить, не вернуть, не слепить,
Раз уж не стало, то больше не быть.

Кто пренебрёг нашей жизнью святой?
Сами, всё сами и больше никто.

Светлые тени у чёрной стены,
И у прощанья все фразы черны.

Ангел устало кружит над крыльцом –
Девочка Кира с мёртвым лицом.

ПАЛАЧ

Непроста работа палача –
Завяжи петлю, сгоняй за мылом,
Петли смажь у люка, чтоб открылось
Всё мгновенно и не скрежеща.

Дернуть за рычаг – финал труда?
Нет, потом спуститься вниз за телом,
Унести, чтоб не заоченело
На весу, а то сложнее тогда.

Передать для погребенья плоть,
Что жила когда-то и дышала.
Жалость? Нету времени на жалость.
Надо быстро поле дополоть.

Ведомость заполнить – мыло, трос,
Чистящие гаджеты для пола...
Снова люк закрыть. Семья и школа
Научили делать всё всерьёз.

Подтянуть петлю почти к груди,
Чтобы надевалась без заминки.
Следующий кто? Бойфренд Алинкин?
Не тяни резину, подходи.

За окнами топот и выстрелы,
И что-то, чего не узнать...
Пожалуйста, пальцами быстрыми
Ты струны у скрипки погладь,

И тремоло, тремоло, тремоло,
Как отблеск дрожащий огня.
Играй же, играй же, Авремэлэ,
Ты будешь счастливей меня.

Пусть пальцев набухли подушечки,
И ноет, напрягшись, плечо,
Но снова глотни чая с кружечки
И в ноты смотри горячо.

Земной шар уносится в лузу, как
Направленный кием «своаяк»,
А всё-таки выжила музыка,
Хотя вся цена ей – трояк,

Хотя, что творится – не лечится
Прекрасной сонатой ха-моль,

И лист лишь допросный замечется,
Храня неизбывную боль.

Я столько видал, что уже малó
Вместилище кожи моей.
Играй же, играй же, Авремэлэ,
Спасай нас от смерти скорей.

Ах, это бредовый сон узника
Тюрьмы, чьё названье «Земля»...
И всё ж почему снится музыка?
Об этом не ведаю я.

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

Из Одессы; филолог. Стихи писала с ранней юности, печаталась в периодике, но, в основном, писала "в стол". С 1979-го жила в Канаде. Первые годы писала, переводила и редактировала для единственной тогда в стране русскоязычной газеты. Получив новую специальность, 30 лет проработала в ведущих IT компаниях. После долгих лет молчания вернулись стихи. Финалист и призёр нескольких международных поэтических конкурсов; автор поэтического сборника "Чернобеловики". Публикации в газете "Интеллигент", в поэтическом интернет-альманахе "45-я параллель", журналах "Крещатик", "Новый Свет", "Австралийская Мозаика", "Эмигрантская Лира", альманахе "Витражи" и др. В 2016-м переехала в Австралию к сыну и внукам – вот и ещё одна страна на карте моей жизни!

Офелия – Гамлету

Любил? – не любишь. Нежен был со мною,
потом – безумен толк и странен вид...

Чем я успела Бога прогневить? –
в трагедию занесена судьбою.

Я – слёзы в ней. Ведь здесь никто не плачет
ни о себе, и ни о нас двоих.

За сделанное полной мерой платит,
не каюсь, каждый... Я – молитва их.

В объятиях друг друга не сгорели,
теперь ничьей мне не бывать женой.

Меня течение унесёт скорее,
чем возвратишься ты, ещё – живой.

...Возлюбленный – любимого, кинжалом,
вслепую, сквозь завесу!

Кто поймёт,

как мир мой рухнул?
За руки держала отца –
недвижим, холоден... Он – мёртв!
И я – за вами... Перейду границы приличий, замка...
Безгранична власть
трагедии!
И разум словно птицу я отпущу,
что билась и рвалась.
Да, в монастырь!.. Но не найти той двери,
в глазах мутится...
Ты мне наречён был!
Нет, течение унесёт.
Скорее
туда где ива, ива над ручьём
купавится, листва бежит по ветру.
Крапива жжёт... Из лютиков совью
венки погибшим девушкам. Поверья,
печали, песни их во мне... Пою!
Плыву... пою... Покойна и прохладна
вода, и всё прохладнее внутри...
Я снова нота мирового лада,
и там, где сердце, больше не горит.
В могилу прыгнешь, сорок тысяч братьев
на безутешный вызывая бой –
с самим собой... Я не пошлю проклатья.
Я – свет в тебе померкший. Бог с тобой!
Отсюда – вижу: ты идешь по краю,
готов, нацелен – не остановить.
Развязка обороты набирает,
она созрела... вихрь закручен в винт.
Никто не уцелеет. И молчанье
накроет низким небом, как плащом,
злодейство, страх, сомнения, отчаянье,
отмщение, и смерть,

и то, о чём ты рассказать бы мог...
Лишь в переходах
больного замка будет всё слышна
серебряная скорбная струна –
мой отзвук...

Одиночество постели,
одиночество стола –
рано вы меня постигли,
долго с вами прожила.
У божественного "ты"
отзвуки и обертоны, –
стены тихие бетонны
в доме, зеркала пусты.
Мутной линзой застилая
пляску маленьких чудес
дня, прошедшим населяя
ночь без сна и утро без
"Здравствуй!" – хоть и солнце в окна,
летний гомон на дворе,
воздух выстоян, как водка,
на цветенье и коре –
одиночество всесильно:
сушит солью скрытых слёз,
морит голодом тактильным...
Будь из тех, кто стойко снёс!
Не ищи в толпе глазами
глаз ответных. Суть гола:
стой одна под небесами:
башня... дерево... скала...

Сквозь слёзы – там, в послевоенном детстве, –
мне бабушка твердила: "Не смотри!"
когда гребли локтями по асфальту
обрубки, люди с половиной тела –
герои той безжалостной войны,
передвигая жалкие "каталки"
на шарикоподшипниках... Тогда
протезы были редки, недоступны
и не "hi fi"...

В обносках, в орденах
они просили милостыню, пели,
один ботинки чистил на углу
и улыбался мне,
а я во сне кричала.

В один прекрасный день их сдуло с улиц
железным ветром "мирных перемен" –
на Валаам, на севера, за стены,
за Лету лет, за память, с глаз долой.
И, как другие, я забыла помнить!..

Жизнь пронеслась, мир двигался – куда?
И вот опять на госпитальных койках,
над страшной пустотою одеяла,
растерянно безусо улыбаясь,
они рассказывают визитёрам
о новой бойне, где они геройски
(обманутые миром и страной)
лишали рук, и ног, и глаз, и жизни
таких же гладиаторов наивных,
на том же языке кричавших "Ма-ма!"

Нет для меня сторон и оправданий.
Проклятье всем, кто их в огонь послал!
А это не стихи, нет – стон бессилья...

Ещё удерживается пьяный канатоходец
над пропастью площади, с флейтой своей во рту.
Услышит, глянет снующий мимо народец –
и в свой телефон нырнёт, в виртуальную суету.

Гутарят голуби, туристы бросают в фонтан монеты,
в библиотеке бумажные книги ещё шуршат,
ещё не стёрлись века моего приметы,
но это наружность – уходит его душа.

Колeblesя площадь в глазах, словно землетрясенье.
Штатается бутафорией мощный её амфир.
Звучит ещё музыка, но нет и ей спасенья...
Бесславно, бесследно – куда? – мой уходит мир.

...Ещё балансирует он, шаг выводя за шагом,
хрустальные дребезги звуков роняя вниз –
и рухнет, в воздухе прынув смешным зигзагом.
Аплодисментов не ждите, и не повторить на бис.

Воронка та бездонная, куда
с ладони звёзды, за звездой звезда,
скатились, канули – все невпопад,
иссякли – словно не был звездопад...
Там дети нерождённые мои
пехотой оловянной полегли,
и угли недолюбленной любви
там дотлевают... Еле уловим,
там ропот ненаписанных стихов
ночами стонет глухо, глубоко.
Там музыка, которой не вняла,
оборванной струною замерла,

и мудрость мной не познанная там
как перегной, не давший рост цветам.
Там континенты, страны, города,
которых мне уже не увидеть,
и долгой жизни каждый риск, и шанс,
и дар, и бой не принятый, страшась...
Там свалка непечатых добрых дел
и дней бесцельно прожитых, и –
рдел и звал, но все, и спасти не мог
желанный, не услышанный мной Бог...
Туда всё вглядывается, дрожа,
туда – не в небо – отойдёт душа...

Певец

Сурук, пророка раннюю весну,
ошибся – свет, испуг, и спячка в теле...
Мы солнца луч глотали как блесну:
блеснёт – и снова в сумраке недели.
Ещё не разрешившись от снегов,
навёрстывая робкое начало,
зима свирепствовала. Отсекло
предместья. Город замер одичало.
Ссутулились и люди и дома,
стволы от стужи по ночам скрипели.
В снегу по пояс, задыхаясь, март
тащился на свидание к апрелю.
Метели бес то твист плясал, то вальс,
он бесновался, бесшабашно весел,
то застывал белесоватой взвесью,
то вертикалью в воздухе вставал,
то, взгляд пересекая по косой,
пейзаж зачёркивал диагонально,
прохожих редких в спины подгонял, и
всё сыпал соль на раны, соль на соль...

И вдруг пронзительно – не утерпел! –
один в округе голос безответный –
на голом клёне кардинал* запел
на верхней – вышней – прямо в небо – ветке.
Не о любви, не о весне одной:
сквозь снег багряной точкой еле виден,
он пел о жизни, как Орфей в Аиде,
будил ее, не стоя за ценой.
Мотив свой что есть силы выводил –
и обессиливал, и вдохновенно
возобновлял... Как Эвридику выводил
весну из ступора, небытия, из плена.
Он загорелся, маленький пожар
там, в вышине. Зимы палитру плавил
цвет пламенный. Без страха, против правил
он безоглядно пел – и побеждал!
...Последним оказался этот снег.
Открылось небо, встрепенулся город,
канцоны репетируя к весне,
другие птицы прочищали горло.
Пошатывались все, опьянены
напитком воздуха – любовным зельем,
и клейкая фисташковая зелень
из почек брызнула.
В краю весны
где ты, мой в поле воин?
Всё один?
Подругу встретил?
Лето впереди!

Торонто, Канада 2015

*Кардинал - певчая, не перелётная птица, чуть больше воробья. Водится на большей части северной и в некоторых районах южной Америки. Название "кардинал" получила благодаря пурпурной окраске оперения самца (по ассоциации с кардинальской мантией); раскраска самки - серая с красным. Эти птицы паруются, как лебеди, на всю жизнь.

АЛЕКСАНДР СПАРБЕР

Родился в 1956 году в Москве, где и проживает. По образованию – инженер-математик. В 1994-96 гг. – ведущий авторской программы на радио "Россия" "Белый лист" – о языке поэзии и поэзии языка. Имеет публикации в некоторых российских и нероссийских журналах.

Другая жизнь

1.

Погляди – за окошком зима. И над голыми кронами,
над балконами башен, подставивших ветру бока –
растекается воздух – тягучий и полный воронами –
черно-серыми пифиями, фанатками Спартака.
Завтра грянет весна! – так кричат они. – Снова зелеными
станут ветки, деревья; пробьётся, окрепнет трава,
и тогда, и тогда – мы закружимся над стадионами!
Завтра грянет весна! Завтра грянет весна! – но сперва –
(так пророчат они – распростёрты, крикливы, юродивы –
им известно скрипенье веков и биенье минут) –
– Но сперва, но сперва – все помрёте, помрёте, помрёте вы,
И все матери ваши помрут, помрут, помрут!

Обними меня.

Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится...

Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги...

Пожалуйста,

помоги мне укрыться от этого ужаса

Пожалуйста,

помоги.

2.

А Он все смотрит...

Что Ты смотришь, Боже?

Ну, хорошо, Ты создал этот мир,

и сделал нас свободными...
так что же?
уж лучше б руки, право, Ты умыл,
да лёг поспать...
Чего Ты смотришь?! Этот
бардак, он что – действительно театр?
И наша очумелая планета –
хрустальное яйцо, волшебный шар,
где все мы на подмостках?
Да, мой Боже?

Снежок идёт, мы мечемся внутри...
Разбей иль помоги. Ну что, не можешь? –
Так не смотри.
Ей-богу, не смотри.

3.
жизнь потихоньку отваливается
омертвевшей корою с дерева
как говорил башмачкин,
что-то... оно... того...
смотришь – и вдруг оказывается –
ещё кусочек потерян
вместо него – пространство,
в котором нет ничего
это почти безболезненно
как под наркозом, что ли
но ощущаешь полости
вместо зубов во рту
и по пролётам лестничным
фантомные бродят боли
когда твой собственный голос
проваливается в пустоту
я вот сейчас сублимируюсь
пишу эту хрень зачем-то
хотя голова как валенок –
серо, тепло, темно
и получается выдавить
нечто совсем никчемное:

что-то... оно... неправильно
как-то... оно... того....

4.

...или позвонить по телефону и сказать Тому,
Кто на другом конце провода:
– Извини, что беспокою по такому ничтожному поводу,
но вот Ты, что всеблаг и всемогущ, скажи:

моя жизнь... вот эта самая моя жизнь –
что, мне, уроду,
что, что, что, что мне делать с ней?
Да? Да, понимаю. Свобода.
Свобода. Нет ничего страшней.

5.

а ты все время шаришь в пустоте
...и дом не тот, и жители не те
а те, что были, сгнули куда-то
и бродишь ты по лестницам пустым
где только сизый сигаретный дым
остался... от кого?
обиты ватой
пороги, стены, двери...
но порой
мелькнёт в проёме кто-то дорогой,
до странности, до ужаса похожий –
и силишься позвать
но нем твой крик,
тяжёл неповоротливый язык –
и ты не можешь, ничего не можешь –
и... просыпаешься
и плачешь, и дрожишь
и приближается совсем другая жизнь
она стоит за вешалкой, в прихожей
глядишь в окно – а там гуляет дождь
идёт, идёт – и ты под ним идёшь

и ни окликнуть, ни позвать...
не можешь

6.
Какой там, господи, Страшный Суд
с горящим на небе Ликом?
Он просто зевнёт, нашарит пульт,
и – пальцем на кнопку “Выкл”.

Зародыш

Когда я был фасолинкой, когда
я состоял из хрящиков медовых,
полупрозрачных, мягких, бестолковых;
когда вокруг меня была вода,
точнее, воды, воды... я парил в них,
качался, плыл... и соком материнским
моё переполнялось существо –
тогда, наверно, было хорошо мне,
тогда и был я счастлив...
Но не помню,
не помню, к сожаленью, ничего.

Карета

Когда – какой-нибудь зимой –
все наконец умолкнут споры, –
неслышно явится за мной
карета-мягкие рессоры.
Она помчит меня туда,
Где ни жестоких нет, ни слабых,
на поворотах и ухабах
покачиваясь иногда.

И будет снег, и будет смог,
и ночь, и стук копыт по насту:
– Как жил ты,
 как ты жил, сынок?
Как жил,
 как жил,
 как жил без нас ты?

В покрытой корочкой душе
такая вдруг пробьётся мякоть,
что мне захочется заплакать...
Но не получится уже.

* * *

Там на ином, невнятном языке
Поёт синклит беззвучных насекомых...
(Николай Заболоцкий)

Этот лепет травы... это там, под травую – ты слышишь –
удлиняются корни, ломая комочки земли,
в лабиринтах, сопя, бродят сонные тёплые мыши,
и, с работы спеша, всё шуршат и шуршат муравьи.
Эта музыка... Рыла задрал, дуют в трубы и горны
виртуозы-жуки; ухвертки поют о любви
и играют на скрипках; а рядом, в пещерах просторных,
распевают мокрицы слезливые песни свои.
Там, наверное, и для меня приготовлена полость:
охраняют её до поры муравьиные львы –
чтоб, как время придёт, окончательно вплёлся мой голос
в этот хор земляной и в младенческий лепет травы.

* * *

Он спал, и Офелия снилась ему
(Георгий Иванов)

Офелия спит а над ней проплывают
внимательных рыб осторожные стаи
плывут и плывут и плодят отраженья
Офелия спит – их беззвучны движенья
Офелия спит и осока густая
неслышно сквозь тело её прорастает
и стебли густым наливаются соком
Офелия спит превращаясь в осоку
Офелия спит ей Италия снится
где кормит и кормит младенцев волчица
на каменном ложе на галечном ложе

Офелия спит и проснуться не может
Но рыбы но звери но травы...

Конькобежный блюз

Я однажды лежал на спине, то есть лицом наверх,
и храпел, по утверждению моей жены, как маленький фейерверк,
тогда явились, пришли ко мне Ард Схенк и Кеес Феркерк,
передо мной, как лист перед травой – Ард Схенк и Кеес Феркерк.
Они сказали: привет, братан, а может быть, старина,
ты храпишь во сне, это факт, но то не твоя вина,
давай, теперь повернись на бочок, скинь с плеч своих лишний груз,
а мы, давай, сыграем тебе свой конькобежный блюз.
И взял Ард Схенк в руки трубу, а Кеес Феркерк – тромбон,
и на рояле им подыграл Майер, что Фред Антон,
запели они по-голландски про море, где плывёт голубой нарвал,
а Фёдор Антонович Майер по-норвежски им подпевал.
Я смотрел Олимпийские игры в 68-ом году,
по yellow телевизору «Старт-3» в 68-ом году,
и вы, что читаете в этот момент данную лабуду –
большинства из вас еще не было в 68-ом году.
А они все играли мне свой блюз лап-тап-типу-ту-ду,
играли лап-тап-типу-ту-да лап-тап-типу-ту-ду,
я смотрел Олимпийские игры в 68-году,
но ничего не помню оттуда, только сухую ерунду,
только их имена, которые как музыка, как тромбон или как мечта,
баб-эль-мандебский пролив, торричеллиева пустота,
они засели в моём мозгу и не выйдут уже никогда,
засели в моём мозгу там-пам типу-ту-да.
Ни событий, ни дат, ни лиц не держит моя голова,
только имена, названия, слова, слова, слова, слова, слова,
и слова эти дуют и дуют в свою дуду,
роют норы в земле, прорастают, бегут по льду,
и вот уже Ард Схенк машет крыльями, словно стерх,
Кеес Феркерк строит дом себе в стиле фахверк,
что касается Майера, того самого, который Фред,
то он наклоняется и бормочет какой-то бред:
«Хоть ты, сынок, не умешь стоять на коньках ни черта,
и в голове у тебя торричеллиева пустота,

и вообще это не совсем голова, а скорее ночной горшок, – но когда ты проснёшься, напиши стишок о словах, то есть о нас стишок».

Начало весны

А погода на улице – полный грабарь:
просветленно, прозрачно, прелестно.
Скоро, скоро...
и всякая божия тварь
разминает затекшие чресла.
Скоро-скоро расколется панцирь реки,
рыба вверх по струе устремится,
из землицы собратья мои – червяки –
любопытные высунут лица.
И голодные корни лесов и полей
пропитает животная влага;
и, разинувши жвала, по мокрой земле
побегут человечки-имаго.
Я, признаться, и сам любопытный такой:
Кто? Куда? Эх, отвечу едва ли...
Может, хоть направление покажет рукой
человечек по имени Алеф?

Прим. Алеф – первая буква иврита. В традиции она, кроме того, трактуется как человек, одной рукой показывающий на небо, а другой – на землю.

Из Сологуба и К

Неладно что-то на земле Ойле,
где все мы спим в одном большом бараке.
Молчание. И только вой собаки,
угрюмый вой разносится во мгле.
Свисает сверху лампочка Маир,
внизу, в трубе, бежит река Меланья;
способный жить, не приходя в сознание,
из темноты выходит Конвоир.
Он повелитель воздушных и трав,
двуногих тварей; и всегда он прав –
поскольку убивать уполномочен.

Чуть дёрнешься – он сразу крикнет: Стой!
Перед его великой правотой
что наши дни, что наши дни и ночи?

* * *

А я хотел произносить слова
из белого пупырчатого света –
я, кажется, их даже слышал где-то –
блаженный мох, певучая трава.

А я хотел бродить, где пузырьки
висят и дышат на воздушных стеблях,
и падают, и, насыщая землю,
всплывают на поверхности реки.
А я хотел... А впрочем, всё пустое.
Бессмысленно. И ничего не стоит.
Слова, стихи – такая ерунда.
И главное – я знаю, знаю это.
... Но, может быть, я попаду туда,
где всё преобразается; где лето
звенит, и слово состоит из света,
свет – из пупырышков, из пузырьков – вода.

Утренняя бормоталка

пока онемелое тело решает – живой или нет –
ты видишь пронзительно-белый едва народившийся свет
и внутри паутинного сада заходишь а там на свету
слепые усы винограда ощупывают пустоту
а корни тихонько-тихонько бормочут ребята ползём
туда где живет землеройка и черви грызут чернозём
где тихо и лишь многоножки как дети снуют и снуют
туда где и люди и кошки находят последний приют
впивайся вгрызайся хватайся пока не пробрили отбой
за землю за воздух цепляйся зубами ветвями корой
всему своё время но нонче корням и медведкам под стать
я всё ж бормотать не закончу назло всем червям не закончу
ведь вита всё тоньше и дольче и есть ещё чем бормотать

* * *

Нет, я здесь. Я сейчас. Ты, пожалуйста, разум, не лги мне:
я живу, я дышу, я сижу, я иду, я бегу.

Не внушай, будто я персонаж из бредового фильма
иль в чудовищном сне – лишь проснуться никак не могу.

Я беру горсть земли – и она превращается в пепел,
лишь осколками мыслей набита моя голова;

онемел мой язык и теперь механически лепит
искалеченные, контуженные слова.

Только ночью, когда засыпаешь – не чувствуешь это.

Что ж, не видеть, не слышать, отказаться от слуха и глаз,
завернуться в клубок, улететь на другую планету?

Нет. Я здесь, я сейчас. Я сейчас, я сейчас, я сейчас.

04.2022

Хтонь

Мы все смотрели эти фильмы –
про "дрожь земли" и про "чужих".

Но как случилось, что возникли
из подземелий городских,

из тьмы, из недр земли закрытых,

из мутных вод Москвы-реки, –

беременные паразиты,

чудовищные червяки?

И как им ни грози оружием,

и как в глаза им ни смотри, –

они внедряются снаружи

и прорастают изнутри.

Их жвала мощные железны,

язык раздвоен, мутен глаз.

И эта хтонь, и эта мерзость

сегодня поедает нас.

Такая оттепель

С утра – плывёт и тает.

Смотри, смотри: с ветвей
снежочек вниз сигает,
как белый воробей.
Еще один сорвался –
хоть открывай им счёт;
и следом – в темпе вальса –
ещё, ещё, ещё...
И вот, когда последний
покров разъят и снят,
и мокрые деревья
без помощи стоят, –
они персты вздымают
навстречу проводам,
как будто что-то знают,
неведомое нам;
как будто всей аллеей
кричат они, кричат:
Никто не уцелеет
и не придёт назад!
И не помогут снова
громады лживых слов, –
поскольку нет покрова,
поскольку снят покров!
И лишь ребёнок малый,
не думая о том,
гоняет вдоль бульвара
и ловит капли ртом.
Бежит, довольный очень
тем, что живёт. Живёт! –
И радостно хохочет,
коль капля – прямо в рот.
2023

АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ

Родился в Москве. По образованию – математик, по профессии – нефтяник. Женат, двое детей. Публикуется в литературных журналах и альманахах (Витражи, Формаслов, Точка Зрения, ROAR). В настоящее время живёт в Тбилиси.

Разговор

И один говорил:

Мир – такой, как он есть, прости.

Надо встроиться, и устроиться, и расти.

У меня есть забор, а за ним – парники и сад.

Рай придуман мещанами, чтобы не видеть ад.

У меня госзаказы, я нужен, и я молчу.

А у тебя в голове – подростковая блажь и чушь.

Втихаря откупись и спокойно ликуй, как все,

В нашей маленькой среднеклассовой полосе.

И второй продолжал:

Знаешь, совесть моя чиста.

Я плыву по течению, лёгкий, как береста.

А свободы вообще не бывает. Свобода – миф.

Вон, в Германии тоже (рассказывает, что у них).

Ведь не может народ быть не прав, ты поверь сейчас.

Я – за мир. Но уж раз мы начали, я – за нас.

Это ж Родина, брат, значит надо со всеми, брат.

Ты же умный, придумай, как сам себя <обмануть>.

Третий молвил:

Смотри на процессы издалека.

Видишь, нити идут в облака? В облаках – рука.
Революции, войны, люди, добро и зло?
Существуют лишь манипуляции и бабло.
Там внизу так послушно на бойню идут стада –
До чего же спокойно отсюда смотреть туда.
Кто плюет против ветра, тому прилетит в лицо.
Ну а мне – мне виляет хвостом SnP500.

И они говорили – уверенно и всерьез.
И огонь под кастрюлей, казалось порой, не рос.
Крышевали менты и Те-Которые не менты.
А их детям готовились галстуки и банты
Из красного шёлка – незыблемой красоты,
И барабаны, полные пустоты.
И они не смотрели на дым из высоких труб,
И считали за труд целовать сотню лет как труп,
Ежедневно душу растягивая за края.

И был четвёртый – несуществующий – это я.

ВНЖ

Ночь рассадила бездомных собак на плечи.
Твой холодильник шепчет на незнакомом наречии.
Снова не спит, ворочается в темноте:
"Жжживози вввжену и бд-бд-бд-етей."

Вывози жену и детей.

В Тбилиси цветёт ткемали. В Алании – апельсины.
А тут – расцветает плесень, менты и ФСИНЫ.
Хоть плачь, хоть чихай – непроходящая аллергия.
Не помогут колёса, молитвы, ничто другое.
Брось самое дорогое.
Хватай тех, кто самые дорогие.

Ей скоро шесть, а ему семнадцать?
Его начнут учить умирать, её – подчиняться.
Духи точат ножи на восьмом этаже:

Вннн-жжж... вннн-жжж... вннн-жжж...
ВНЖ, ВНЖ, ВНЖ.

Ножи

Опускается мгла, робкий свет потолком зажат.
В колыбельной стола нянчит нож семерых ножат.
Учит их:

– Луна отлита из столового серебра.
Нет ничего коварнее свиного ребра.
Каждая выщерблина да будет для вас уроком.
Живите не вдоль, а поперёк волокон.
Не ходите по краю, глупые игры бросьте –
Стоит упасть со стола, как приходят гости:
У Домового глаза черны, рога тверды,
Знает в любую комнату потайные ходы.
Копытами по кафелю цок-цок, цок-цок.
А у Кикиморы коготь железный, клюв алмазный,
Тащит в липкую тьму, в лес непролазный.
Чёрными перьями в форточку выр-выр, выр-выр.

Дети дрожат, длиннолицы и остроносы.
Не спят, задают Богу вопросы:

– Господи, наш Хозяин, ты точил и правил нас.
Господи, наш Хозяин, почему ты оставил нас?
Гладил по узким лбам, словно щенят.
Подарил нам веру – зачем же решил отнять?
Мы причащались кровью пальцев Твоих.
Ночами безлунными шептали имя Твоё.
Вгрызались зубами в кость во имя Тебя.
Наши голоса звенели гимнами о Тебе.
Мир в пыли и грязи, и некому взять метлу,
Остался заплесневелый хлеб, да подгнивший лук.
Страх пророс – прозрачный, колючий – костью щучьей.
Зажми нас в своём кулаке и направь, не мучай.
Подари благодать, избавь от дурного.
Омой сукровицей, сниспошли сырого, парного
Мяса. Телят. Ягнят. Поросят. Цыплят.

А хозяин – в чужой стороне, в бесславной войне, в горящей броне.

То, что было внутри него, стало теперь вовне.

Домовой языком шершавым нащупал душу.

Выр-выр

Кикимора клювом тащит её наружу.

Цок-цок

Звёзды плывут по кругу, хотя и нельзя им.

Он шепчет беззвучно: "Господи, мой Хозяин..."

Мой Хозяин, ты точил и правил меня..."

КОЖЗГСФ

Почему на полях прорастает свинцовый знак

Потому что каждый охотник желает зла

Потому что опасней прочих защитный цвет

Потому что никто не хочет узнать ответ

Эти заячьи речи присущи любым лесам

Посади лучше печень иначе присядешь сам

Стала грязно-коричневой радужная душа

Рвётся жизнь по пунктиру обычного калаша

Почерневшие пни там где были вчера дома

Обними и распни Расскажи о любви Фома

Вытри сажу с ладоней не верь никогда глазам

Но ныряет в огонь и живёт золотой фазан

Дроны

1. Тишина густа и сладка, как имперский стаут.

Ты сидишь в холле отеля Holiday Outt –

Чёрная мякоть, красная вывеска.

Тонкая жилка стучится поверх виска.

Здесь не задают вопросов, в ходу любая валюта.

Ты пьёшь коктейль "Малюта" – из нефти и Абсолюта.

Здесь никто никогда не достанет тебя. Во-об-ще.

В стеклянные двери входит старик в плаще.

Он прошёл за тобой – горящими реками, гибельными местами.

За его спиной вдруг вырастают полосы стали,

Расцветает огненный меч в разжатой его руке.
Вдалеке слышен голос певца – ну, этого, в чёрном маленьком парике.
И бежит запоздало твоя охрана со всех сторон.
Это дрон.

2. Чёрный френч подчёркивает, что у тебя нет шеи.
Кипарисовая аллея. Ты в ней, как паук в траншее.
От прогулок пропадает тик, уходит усталость.
Две виллы арестовали, четыре осталось.
Лучшие друзья мужчин – это деньги и адвокаты.
Море молчит, переговариваются цикады.
Но сегодня они отчего-то шумней и злее:
Скрипят, как телепомехи, шипят как змеи.
Громче, громче – пытаешься перекрычать их.
По листу дороги сланцы шлёпают, как печати.
Красноглазая саранча облепляет кроны.
Это дроны.

3. Ты закрылся в своём кабинете, а в дверь стучат.
На столе, как матрёшки, бюстики сталинских палачат.
Ходишь по кругу, прихрамывая, стараясь чеканить шаг.
Ты не хочешь суда и тюрьмы, да к тому же рак.
На подносе – сырое сердце ("не могли дожидаться, пока поем?").
У тебя всё готово давно: парадный мундир, именной ПМ...
Но жужжит, не даётся, жалит в ладонь именной патрон.
Это дрон.

...

Н. Ты умней, чем они. Ты легко сменяешь столицы, лица.
Лето было коротким, а осень всё длится, длится.
Но летит самолётик – без оператора, и кажется, что без цели;
Под землёй провода расползаются, как мицелий;
Блеск металла на дне водоёма и в серых глазах ребёнка;
Чей-то голос в толпе вдруг лязгнет, как несмазанная шестерёнка.
Тому, что ищет тебя, не нужна батарейка "Крона".
От того, что ищет тебя, не найти никакого схрона.
Оно притаилось всюду, под слоем ржавчины и гудрона.
Жди.

АННА ТРИФАНОВА

Родилась в 1978 году в Череповце. Стихи и прозаические миниатюры публиковались в альманахе «Белый ворон», «Витражи» (Австралия). Автор детской книжки «Акварельки. Зарисовки из старого альбома».

В СИЛУЭТАХ ПРОСТРАНСТВА

В силуэтах пространства из темного мрамора снов,
Где от чьих-то шагов пыль летит вековая,
И над мостиком Эхо, словно нимфа немая,
Умножает сюжет из оброненных слов.
Жизнь летит за пролет, и взлетает над крышей
Белой птицей удачи в чужие миры,
Пригубивши от лета мгновений дары,
Пряной осенью дышит.

Там, где летние краски тепло сберегли,
В перламутр обратилась слюда,
В небе плыли и плыли их корабли
На восток за звездой до утра.
И смеющимся утром искрились вдали
Капли моря сквозь гладь, испаряясь.
Небосвода шелка, распускаясь, цвели,
За сверкающим нимбом скрываясь.

Картин сегодняшних и завтрашних имен,
Не в тон услышанных, не ожидая вести,
Впрягая разум чуткий в унисон,
Не принимая времени и лести,
Искра займется не в пример быстрее,
Когда туманное и солнечное утро
Нам улыбнется, и еще ясней
Сквозь осень свет прольется перламутром.

Не принимая ни имен, ни снов,
Крадется осень, теплая как лето,
И до зимы останемся одеты
В ее стремящийся до вечности покров.
У края света в пришлой темноте,
Не разбирая ни дорог, ни брода,
Поет о будущем пророчица - природа
У края неба, в звонкой пустоте.

Когда Атлантика доносится ветрами
В наш край безмолвный, панцирем пустым
Раскрыты створки мира, и густым
Повеют травы дымом между снами.
Где свет мерцает крохотной звездой,
И звук судьбы звучит неутомимо,
Раскроются все тени над водой,
На входе осени, на выходе из дыма.
Пусть мир улыбчивый расправится от смерти,
Пусть мир простой и легкий будет плыть
Туманом золотистым в круговерти,
Которую до смерти не избыть.

Здесь светом осени наполнен день сполна,
Где грани красного и желтого мотивы,
В тумане воду пьют прудов заблудших ивы,
Перемещаясь из пространства сна,
На обороте книг добра и зла,
Страниц которых нету под руками,
Лишь теплый взгляд скользит под облаками
По ту и эту сторону чела.

Всех зимних снов замерзшая вода,
Заснувший сад в прозрачности беспечен,
Как лепестки ванили между вечным.
Снег пудрой посыпает города,
Звезда сверкает, мишура на елях,
И светит мир как снег на Рождество.
Так, затворившись в сердце, естество
Весне в лицо глядится из купели,
Припоминая тайное родство
И века золотого волшебство.

Прозрачный слог зимы на перепутье,
Шаги весны сквозь призрачную даль,
Вчерашний снег уже не очень жаль,
Стеклянные глаза у лунной куклы
Мерцают нежно, быстро облака
Плывут по небу, легкие как время,
Темнеет небо, сея снег как семя,
И снег летит на свет издалека
Подобно мотылькам из райских кущей.
Сверкает шар, и снег идет сильней,
Края стирая между темных дней,
Вперед толкая те, что будут лучше.

Когда и солнце сквозь листву искрится
Последним холодом зимы, и в снах
Его, быть может, время мчится
И светом отражается впотьмах.
Когда и время тонет между взглядом
В воде безвременья, на развороте дней,
Между цветущим яблоневым садом,
Переплетаясь у его корней.

ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ

Родился в Москве, с 2022 года живёт в Австралии. Окончил Московский Электротехнический Институт Связи. Сочетал работу по специальности и серьёзные занятия литературой. Публиковал стихи на сайтах ряда литературных сетевых изданий: Квадрига Аполлона, 45-я параллель, The Epoch Times и др. Изданы три поэтических сборника: “Осенние полёты” (1997), “Стекланный мальчик” (2013) и “Годовые кольца” (2018).

Притча о Войне

Нам сказали, что в среду начнётся Война,
А сегодня четверг... Лишь неделя одна
На разлуки и сборы осталась.
Мы сидим неподвижно, забыв про дела,
И холодным свинцом наполняет тела
От дорог предстоящих усталость.

Нам сказали, что это гуманно вполне –
За неделю узнать о грядущей Войне.
Будет время отвыкнуть от Мира:
От диванов, романов, цветущих садов,
От накрытых столов, от обилия слов,
От отдельной души и квартиры.

С детских лет нас к себе приручила Земля.
Есть у каждого Яблоня, Дом и Семья,
А теперь с ними нужно расстаться.
Мы глядим друг на друга... Нам трудно понять,
Почему этот мир мы должны потерять
И по чуждому строим скитаться.

Нам сказали: «Другие сейчас времена.
Ожидает нас в среду другая Война,
И она неизбежна, как осень.
После буйного лета трудов и утех
Жить в Гармонии строгой научим мы всех
И Плоды свои лишние сбросим».

Как послушные дети великой страны,
Всю неделю чертили мы планы Войны
И в блокнотах, и в собственных душах.
Отказались мы ради походных идей
От вчерашних забот, от вчерашних друзей
И от самых любимых игрушек.

А во вторник, когда мы забыли почти
О потерях своих и готовы пойти
Были в ночь на арены сражений,
Нам сказали: «Войну удалось отменить.
Можно скатерть достать и друзей пригласить,
И детей посадить на колени».

Нам сказали: «Забудем пока о Войне,
Потому, что Гармония в нашей стране
И без яростных битв воцарится.
По прогнозам, Погода нас не подведёт –
Всё ненужное мирно с ветвей упадёт
И в остывшей траве растворится».

Мы застыли в прихожих, не в силах понять,
Почему прежний мир нам в боях не менять,
И вокруг огляделись с испугом...
К нам, хозяйкой, пришла отчуждения мгла,
Размывая слова, размывая тела,
Не давая коснуться друг друга.

Мы очнулись... Как жить нам теперь на Земле –
Постараться спастись, уцелеть в этой мгле,
Подчиняясь законам Погоды,
Или, двери раскрыв, в мир непрежний вступить,

обреченность и страх за порогом забыть
И свершить труд нелегкий Исхода.

Мы пошли через мглу к позабытым садам,
К величавым Деревьям и спелым Плодам,
В вязкой плоти её утопая.
Мы часов и шагов не считали в пути,
Продолжая к намеченной цели идти,
Спотыкаясь и снова вставая.

Постепенно бледнела и таяла мгла,
Узнавались друзья, вспоминались дела,
И глаза незаметно теплели.
Исчезали следы от свинцовых оков...
Среди лишних Деревьев и лишних Плодов
Мы, задумавшись, молча сидели.

Старец

Раздались дни мои, раздались.
Их глубину и тишину
постиг я. Мне теперь достались
Покой и Время. Я тону
в огромных сутках. Словно в детство
шагнул я вновь издалека.
Долги и планы, что в наследство
я получил, как облака
растаяли. Свежеет ветер,
певец прозрачности, и вот
протяжнее стал Свет, и вечер
отодвигает свой приход
всё дальше. Что со мной случилось?
Недели близятся к годам,
часы к неделям. Изменилось
движение Маятника там,
где я теперь. И та минута,
которую к исходу Дня
приму я, станет вдруг как будто
вся Жизнь со мной и без меня.

Дочери

Я хочу познать твой Снег,
Его шёпот, его смех,
Когда он ведёт нас в гости к январю.
Я хочу познать твой Дождь,
Его струн летящих дрожь,
Когда гасит ночь вечернюю зарю.

Я хочу понять слова,
Что твердит твоя Листва
И что Ветер твой в ответ ей говорит.
Покажи мне свой Туман,
Исцеляющий от ран,
Что под утро светом матовым горит.

Я хочу попасть туда,
Где поёт твоя Вода,
Песни звонкие младенцам-цветникам...
Но, проникнув в этот Сад,
Я не возвращусь назад,
Буду преданно служить его росткам.

Стеклянный мальчик

Стеклянный мальчик-созерцатель
Стоит на полке у окна.
Лучей прозрачных собиратель,
Играет с ними допоздна.

Цветные отблески бросает
На стены и на потолок.
Потом их ловит, преломляет,
Запоминает, как урок.

К исходу дня тускнеют краски,
Но не теряет облик свой,
Свет излучая, словно в сказке,
Кусочек радуги живой.

Как будто среди книг весомых
Есть невесомая одна,
И в этой книге незнакомой
Вся наша жизнь отражена.

Пустая квартира

Пустая квартира. Пустая...
Пространство, где мы обитали.
Ручное, приостановленное,
отдельное, обособленное.
Когда выносили диваны,
пространство вело себя странно:
металось, границы теряло –
как будто оно умирало.
А может быть, в сон погружалось
и часа того дожидалось,
когда его примет вселенная,
непознанная и нетленная –
вселенная наших утрат.
Там каждый восход и закат
находит приют и спасенье
от царства часов. Ни Рожденья
там нет, ни Ухода, но лишь
Присутствие. Сорванный лист,
взгляд женский в минуту разлуки,
любимой мелодии звуки.
И с ними, средь этого мира,
пустая... пустая квартира.

Наследник

Где ты, трудов родительских наследник?
Ступеньки. Тёплый двор. Калитка. Лес.
Разумных трав беспечный собеседник,
опять в их мире сказочном исчез.
И принял Лес тебя, и покачнулись
зелёные его колокола.
И травы, как стрекозы, встрепенулись,
направив ввысь прозрачные тела.
И лишь полёт. И только чудо роста.

Власть солнца. Океан живой листвы,
где всё течёт естественно и просто
для посвящённых в таинства травы.
Что здесь Добро и Зло? Два отголоска,
два отблеска тех гроз, чей страстный хор,
пророкотав по шумным перекрёсткам
людских дорог, продолжит разговор
над Лесом. Смолкнет, растворится где-то
и позабудется строною трав.
Но не тобой. И на исходе лета
наступит расставания пора
с друзьями твоего босого детства.
Калитка. Тёплый двор. Крыльцо. Наследство.

Баллада о Белом Карлике

Белый Карлик идёт по высокой траве,
По дорогам просёлочным, по городам.
Шапка с белым пером на его голове,
С белой курткой смешалась его борода.

На вопрос, как нашёл он дорогу сюда,
Белый Карлик не смог бы ответить и сам.
Знает только, что это его города,
Что идёт по своим он зелёным лесам.

Помнит он, что здесь белые были поля
И такие, как он, жили тут существа.
Где теперь пассажиры его корабля?
Почему Белый Век на земле миновал?

Разноцветные звёзды касаются крыш.
Всё такое большое. А вдруг это сон?
Нет, похоже на явь. Удивительно лишь,
Что никем не замеченный странствует он.

Не бросает никто любознательный взгляд
На фигурку его в белой шапке с пером.
Люди *мимоавстречу* привычно спешат
По потрёпанным лентам знакомых дорог.

Так и бродит задумчиво сам по себе
По цветущим и по обгоревшим местам
Белый Карлик незримый, но в каждой судьбе
Перемены большие случаются там,

Где остались следы его. Раны Земли
Покрываются кожей зелёной травы,
Вырастают дома из золы пепелищ,
Снова слышится шелест деревьев живых,

И находятся дети. Спешат по домам,
По утрам в свои школы, как прежде, идут.
Растворяется серый тяжёлый туман,
И на клумбах вокруг георины цветут.

Георины цветут... Но уходит тепло,
И листва, опадая, зовёт снегопад.
Вот и первый сугроб у крыльца намело,
А снежинки летят, а снежинки летят,

Словно те позабытые им корабли,
На которых ходил он когда-то давно.
Белый Карлик присел. То вблизи, то вдали
Силуэты их мчатся, как в старом кино.

Улететь или здесь холода переждать,
Затерявшись в сиреновой мгле ледяной,
Белый Карлик не знает. И нам не узнать,
Что же будет весной, что же будет весной...

Мам, это я

Мам, это я. Отвори.
Мне к тебе нужно зайти.
Что говоришь? Повтори...
Да, кое-что занести.

Знаешь, дела и долги
Сброшу, пожалуй, я тут.

Слишком их не береги -
Бог с ними коль пропадут.

Нужно мне сделать привал
Перед развилкой дорог.
Нет, я не очень устал,
Просто немного продрог.

Чай у тебя не готов?
Мам, ну открой поскорей.
Сколько несказанных слов!
Долго мне ждать у дверей?

Голос едва различим.
Что? Потерялись ключи?
Ладно. Мы так постоим.
И помолчим... Помолчим.

ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА

Родилась в г. Ростове-на-Дону. Окончила Ростовский институт сельхозмашиностроения и Институт патентоведения в Москве. Выпустила сборники стихов «Август чувств» в 1998 г., «Нахичевань на Дону» в 2008 г., «Благодарение» в 2010 г., «Лабиринты свободы» в 2021 г. Стихи публиковались в альманахах: «Дом стихов: лучшее» – 2014 г., «Георгиевская лента» – 2015 г., «Наследие» – 2013-2019 гг., «Поэт года» – 2013-2016 гг., «Российский союз писателей» – 2017 и 2021 гг., "Антология русской поэзии" – 2018 г. Награждена медалью "Александр Пушкин – 220 лет", медалью «Георгиевская лента». Победитель международного конкурса «Золотая строфа». Член Российского союза писателей.

Воздушный шарик лопнул...

Воздушный шарик, детский шарик,
за ним улыбка, бег ребёнка,
но шарик лопнул, заскучали
ребёнка звёздные глазёнки...

А мы бежим, бежим годами,
за сказкой, скарбом, за делами...
А «шарик» лопнет – спрячем вглубь печали,
и вновь бежать, куда, зачем,
из сказки в повседневный плен,
огромный солнца шар не замечая.
Опомнимся – закат уж за плечами.

Размышления героя

Война – отвага иль разбой?
Герой – солдат – или убийца?
Скорбь вражья – боль иль волчий вой?
Кровь брата – кровь или водица?
И сердцем как распорядиться?

Когда бы раньше осознали
две стороны одной медали,
быть может, меньше настрогали
разрух, побед, горячих точек,
сирот, бездомных, одиночек,
юнцов с пунцово-ржавым сердцем,
страстей безликих с хладным сексом,
старух голодных, стариков,
свобод, подобием оков,
вождей без разума и чести
и прочих кровожадных бестий...
Война – отвага иль разбой?
Герой – убийца иль герой?

Фотография отца

Смотрю на ордена, медали
на фотографии отца –
холодный лик тех жарких далей,
но как, однако, не связались
они с теплом его лица...

Война не может быть Великой,
война не может быть святой,
война – чудовищная дикость,
убой.

Самоубийца, род людской,
очнись!
Один священный подвиг жизни –
жизнь!

Где ж то Слово – Слово Бог?!

«В начале было слово...»

Евангелие от Иоанна I. I.

Реки крови – реки истин,
кои мир с лихвой постиг...
Где ж то Слово, сила мысли,

воли крепь, любви родник,
дабы на земных дорогах
стронций не поверг за миг
Солнце мира – око Бога –
В ада яростный острог...
Где ж то Слово – Слово Бог?!

Есть Родина из самых близких лиц:
дочь, мама, внучек. Раз, два – и обчелся.
Дом отчий с небом в зорях, в стаях птиц,
где сам себе ты вол и вольна пчелка.

Подай нам Бог то небо, тот клочок тепла,
добра, любви, мечты нетленной,
и кажется, тебе уж нипочем
предательства, невзгоды и измены...

Да, не один развенчан мной кумир.
Ты не бежишь с толпой спасать весь мир,
а, приклонясь в трудах к родному берегу,
для самых близких стать спешишь ковчегом,
да для земли моей родной, заветной...
Ах, с этого б начать спасать планету!

Куда ж ты подался, трудяга седой?

Куда ж ты подался, трудяга седой,
неужто Россия уже не в охотку?
Тебе ли таскаться за ленью, тоской,
коль любишь ты труд да российскую водку.

На землях чужих соловьи не поют,
и зори для пришлых не светят там ало,
на землях чужих ты – чужой лишь лоскут
чужого, потёртого сплошь одеяла.

Куда ж ты подался, трудяга седой,
и что ты бормочешь друзьям столь невнятно?

Гляди, за тобой пёс плетётся хромою
и молит слезою вернуться обратно.

Лети, мой стих...

Лети, мой стих, ты прост и ясен,
без дипломатий, без затей...
О чём вздыхает старый ясень
и роща юных тополей?

О чём пророчит это небо
вселенским весям, городам, –
жизнь с мирным солнцем, щедрым хлебом,
иль, не дай Бог, набегу драм!

Не наше ли хлебнуло детство
тот чёрный смерч, ту чашу бедствий...

Лети, мой стих, и всей планете
поведай вещей, всеблагий
глагол Господний: – Не убий!

ИРИНА ЧУДНОВА

Ирина Чуднова – поэт, прозаик, переводчик, фотограф. Родилась в Ростове-на-Дону. В 1991-м году поступила на геологический факультет РГУ (ныне ЮФУ). В 1993 году уехала в Китай, училась в Китайском геологическом университете (Ухань). В 2001 году переехала в Пекин, где и живет в настоящее время. Работает в китайском государственном книжном издательстве «Синолингва». Основатель международного литературного сообщества авторов,

исследователей и переводчиков современной русской литературы, любителей русской словесности «Вторая Среда» (Китай), действует с 2016-го года. Стихи переводились на польский, английский, китайский, португальский, японский

ПАЛИМПСЕСТ

*А так как мне бумаги не хватило
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
Анна Ахматова*

я — папирус
пергамент
бумага

я — шёлковый клочок
с неизбывных времён загрязнённый
чужими словами

я — античная пыль
под чеканными сапогами

я — с паршивой овцы
оголённого времени бок
и покуда под грязью окопной
скулящий подранок саднит

освежая тюремной иглой
несходящего века наколки

я останусь —
осмеян
оплёван
унижен
забыт
ошельмован законом что дышло
желтушную прессой оболган

и — от века терпя мелкий бисер
расстрельный петит
и доноса липучее сизое слово

сохраню — их помимо —

в посмертии вытертых плит
в полустрочьях молчания —

голос живой и живого

расточительства выдох
на зеркальце талой воды —
дар напрасный случайный —
стечение раньше и позже

знаки стёрты — печальны —
и ты
их поверх напиши
что ты — выжил и жив —

на моей несгораемой коже
6.12.2022—4.02.2023г. г. Пекин, Луницэ

1920-м из 2020-х
всё это устареет —
то что сейчас кровит

то что висит на рее
не оголяясь в стыд

не растворяясь в память
не затеняя дол —
всё это будет нами
опознаваться с трудом

сваленные коронки
в странноприимном доме
сахарные коровки
на обгорелом снегу

зэковская телогрейка
стынувший в жилах Амур
жёлтая канарейка
кобальтовый абажур

31.03.2023г. 22:30 г. Пекин, Лунцзэ

СТЕПЬ

колченогая память
на ливерно-злом языке
говорит
увязает в песке
заполошный обугленный кочет

искру рыжую — чирк
кровяным гребешком
и взметнулся язык над другим языком —
хищно лыбится пляшет стрекочет

перебитые крылья хромают —
не воздух —
полёт

оперяется небом о жизнь о своё
переломанным небом весенним
подъярёмной напругой набыченных жил

прерывается голос — дрожащ сухожил —
приземлённый
наследный

перемётна сума
передёрнут затвор
вырывается прошлое за косогор —
волнорогая память полыни

где кровавый налив
там курган ветровой
воронёное солнце над жухлой травой
полыхает доньне
8.04.2022г. г. Пекин, Лунцзэ

РУССКОЕ ПОЛЕ

когда сойдёт радиоактивный снег
поднимется озимый человек
своей весны не угадав спросонок
и смерть его узнает и простит
мгновенье придержав в сырой горсти —
иди иди потерянный ребёнок

ищи-свищи где брат твой яровой
что колосился за почай-рекой
огнём и ржой железной поцелован
пусть встанет словно лист перед травой
над обнажённой матерью-золой
не молвя искупительного слова

неисчислимы смерти закрома
на тыщи вёрст крошечная зима —
воронье воздаянье и расплата
но — кровь живая испарывает лёд

над каждой головою серп взойдёт
не различая ни отца ни брата
7-9.03.2023г. г. Пекин, Лунцзэ

ПРЕДЕЛ

горе
хлебать полной ложкой —

ложку за маму
ложку за папу
ложку
за нерождённого брата
за гнойное чрево весны

капли скатываются с подбородка
крошки падают на пол —

даже кошки и муравьи
даже голуби

не избегнут
опухшего зоба
отравленного муравейника
язвенной тошноты

горе
миска земная твоя
сколь ни полна —
не бездонна

той же — другой —
не избыть

21.04.2022г. г. Пекин, Лунцзэ

что он знает
оставивший тело у входа
незрячий

на огонь обречённый
на тлен
на голодную воду

кто его проведёт
за глухую смердящую реку

где сырая земля солонна безначальна
где утлое дерево гнётся
и воет
и курлыкают жерди моста
под немыми босыми шагами

так ему колыбелька скрипела
липовая скрипела

мать деревянной рукой домовину
держала
не отпускала

и кутья на печи
подгорала шкворчала

жена овдовело
сиротку на лыках качала
дня и ночи не различала

а ему от огня невесомо и зябко
а ему от земли тяжело беспробудно
а ему от воды не опамятоваться
и несёт его птица сквозь доли и ветры

и заветное слово
уста забывают

только липовый скрип колыбели
белеет
длинношеим протяжным
курлы..

11.01.—25.02.2023г. г. Пекин, Лунцзэ

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

Закончил Львовский Политех. В Австралии с 1996 года. Печатался в различных российских и русскоязычных изданиях. Публикации: «День литературы», «Дон», «Лауреат», «Интеллигент», «Новая Немига литературная», «Альбион», «Острова», «Витражи», «Арфа Давида», «Австралийская мозаика», «45-я параллель», «Крещатик», «Белый ворон», «Золотое руно» и др. В 2012 году вышла книга

стихов и прозы «На костре своих строчек...». В 2015 вышел поэтический сборник «Нам выбор дан...».

В 2024г. в Библиотеке «Крещатика» (г. Киев) вышла книга поэзии, прозы и публицистики «Я– Зяма». Финалист конкурса «Пушкин в Британии» 2007, 2012 гг., «Серебряное перо Руси» 2014 г., Лауреат премии «Герой нашего времени» 2015г.; Литературная премия им. Вениамина Блаженного 2014 г.

С 2009 г. – Главный Редактор международного альманаха-ежегодника «Витражи» (г. Мельбурн).

Мы по-прежнему где-то не смеем,
Проговариваем про себя,
Словно мы – понарошку евреи.
А посмеем, так дело – труба.

И наш страх, как пригретый звереныш
В закоулках дремучей души.
Он как мы, как такого прогонишь?
Все жалеем и гнать не спешим.

Груз веков навалился на плечи –
Как здоровьечко, Мафусаил?
Твой хребет искривлен, покалечен,
Но ты словно про возраст забыл.

Из житейских историй и песен
Склеил флюгерный свой механизм,

Словно Богом за шею подвешен,
Так, чтоб ты головой не крутил.

И, со всей откровенностью, жадно
Взгляд тревожный направил вперед,
Словно, там ожидается главное,
Словно, там – награждение ждет.

Словно там, наконец-то, реальность
Обретает счастливый конец –
Без оплеванных и опальных,
Без свирепых волков и овец.

ТАГАНРОГ

Антон Павлович чувственно любил Таганрог –
Посолоновать рыбцом – к столу прямиком с рынка,
Опрокинуть стопочку под бараний бок
И все заполировать таврической осетринкой.

А Фая Раневская – она тоже ведь таганрожка –
Утверждала: в этом городе по-над заборами
Такая грязь, что люди платили по десять грошей,
Чтобы их аккуратно вынесли на загорбке.

Мне симпатична ностальгия Сергея Званцева
По тому, как весной здесь цвела магнолия и лаванда,
И как Плевако приезжал – к досаде судейских старцев –
Вызволять грека, пойманного с поличным за контрабанду.

Однажды я завернул туда по дороге в Ростов.
Трамвай шел, дребезжа суставами, по деревенской улице,
Собаки брехали, бегали вдоль плетней – не хватало только коров,
И в пыли безмятежно копалась курица.

Невольно рука потянулась налить полный стакан –
(Эк она, история, фиглярствует в ритме фарса!)
Ничто не напоминало о том, что это Тьмутаракань –
Последняя цитадель могучей страны Хазарской.

« Они любить умеют только мертвых...»

А.С. Пушкин «Борис Годунов»

Я из страны, где любят только мертвых,
(Умерших львов пиная сапогами),
Где первым объявляется четвертый
(Оркестр трубит торжественные гаммы),

Поскольку и двенадцатый, и пятый
Сам полубог, а звездные поэты
Придавлены страны свинцовым скатом
И светят лунным, отраженным светом.

Где грязь и глину месит пяткой осень –
Равнин бескрайних нудный отравитель.
Когда конкистадора в них забросит,
Он от тоски о стену станет биться.

Где вам соврут, что палестинский деспот –
Певец-пастух и скромный пращеносец –
Царям великим (здешним) ходит в предках,
И оттого клеветы – святоносцы.

Я той страны кусочек – тертый – тела,
Такой, как все – не вылез из-за парты.
Все мучаюсь: «Кто виноват? Что делать?»,
Что предпочесть – Афины или Спарту.

Привычка повторяться – возраст, видно,
А время словно оседлало скуттер.
Так что ж – на Фермопилы с Леонидом
Или с Сократом выщедить цикуту?

Тянуть вольнку поводочком длинным
Тем не к лицу, кто бросит все на карту.
Случалось, эллины сбегали жить – в Афины,
Но никогда не убегали в Спарту.

И, продолжая дальше в том же тоне
(Такого точно древние не знали),
Потомки Сталина осели на Гудзоне,
Потомки Гиммлера уехали в Израиль.

И смех и грех, чтоб в полном адеквате
Влететь в финал, который смят и смазан:
Бежать в Афины – очутиться в Спарте.
Погода неустойчива – ни разу.

АПОКРИФ, послание к неопитам

Да что война, война – это нормально.
Такие предки, блин, – Ослябя, Тарас Бульба.
Хорош гонять чай в вагоне спальном,
Мякину пережевывать по будням.

Вам говорю, пропедалировав картавость:
Валяй, братва, ломись в любые двери,
Они откроются во что бы то ни стало.
Вы это сможете. Да, да! – я в это верю.

Пусть болтуны кривляются с эстрады,
Пусть врут, что, дескать, мозг ваш недоразвит.
Еще есть место на вратах Царьграда.
Оно для вас, на это вы горазды.

Кто там сказал, что в мире вы – подпаски?
Еще есть шанс (кончай трендеть о крахе!)
Вернуть себе Голаны и Аляску
И отомстить за гибель Голиафа.

Вы не лабазники какие-то, не геи,
Деды качали мускулы от жатки,
Америкосы вас не одолеют,
Прочней кевлара тощий черный ватник.

Он и равняет и объединяет –
Прикид народный – и дешев и крепок.

Дрожи, вражина, день девятый мая
Твой черный день до окончания века.

Но если мимо кассы, что ж, бывает.
Назад не смотрят, заваривши бучу.
Хорош торчать с гитарой под сараем.
Кто не рискует, тот не пьет шипучку.

Подружку взгромоздив на табуретку,
Мы с Мишкой разогнались – ой-ё-ёй! –
В её укромностях произвести разведку,
Но тайны не раскрылось никакой.

Наверное, мы с ним поторопились,
Война нас подгоняла, спору нет,
Гнала вперед зарядами тротила,
Что возразишь, когда тебе пять лет.

Как досаждают – позабуди и вырви –
Период созревания желез,
А он так полон, так насыщен жизнью –
Ломоть судьбы, затянутый до слез.

Охвачен сразу – прямо от порога –
Предчувствием от темечка до дна –
Я б так хотел сегодня верить в Бога,
Как верил в детстве, что придет *Она*.

Нас разочарованье не сразило.
Я тотчас стал серьезнее, нет слов,
Поняв про парфюмерию и мыло,
Про веру, про надежду, про любовь.

Охотничий азарт повел по следу –
Не упустить, не сбиться, не сойти.
Я шел за *Ней*, как шли мы за Победой
На половине пройденной – в пути.

Отчаянным, совсем не детским взглядом
Сопровождаю, стоя за углом,
Бегущую девчоночку в Зарядье
С мелькающим небесным лоскутком.

Держали за своего – оказался чуждый,
Вот и прилетела ракета в нужник.
Метили, вполне очевидно, в хату,
Да промахнулись (кто б сомневался) на две лопаты.
Отчитались: грохнули секретную базу нато
(Вот только насчет наты не нато –
Где пиндосы, а где украинский хутор).
Эти точно не станут мудрее утром.
Вонь стоит от дерьма попережку с гарью.
Что же вы вытворяете, гаврики,
С чего вы взяли, что ихнему салу лежится плохо,
Что плевое дело его отжать лихим наскоком.
С голым задом легко разглядеть, где «наши» –
Кто перловку жрет, а кто – гарбузову кашу.
Там же все до боли свое, включая бородавки.
А вы, точно слон в антикварной лавке,
Ломитесь, растопырившись, не стесняясь в средствах
(Какое там к черту «общее наследство»)
Потоптались и будет, пора и в стойло.
Ежу понятно, что начинать не стоило.
Вам бы решиться, покаяться, что выродились в уродов,
Что, как у воров, выход у вас вдвое дороже входа.

Искушение

Приходи, предадимся разврату,
Волшебству скоротечных ночей.
Со стены восхитится распятый
Наготой обнаженной твоей.

И подумает, сдвинув сурово
Бровь, и чувства свои придержав:
«Там, в пустыне противник Йеговы
В обещаниях был, таки, прав».

МАРИНА ЭПШТЕЙН

*Приехала с семьей в Сидней из Харькова в 1979 году.
По образованию филолог -
Харьковский университет.
Стихи пишу с детства. В Австралии опубликовала 3
книги стихов.*

Мир не улучшился на грош...

С тех пор, когда Рене Лесаж
Нам подарил "Хромого Беса",
И тот, проделав свой вояж,
Над миром приподнял завесу,
Мир не улучшился на грош,
Не стал ни честен, ни хорош.

Всё так же лжец бесстыдно врёт,
И в брак вступают по расчёту.
А плут солидный куш сорвёт
И не смутится ни на йоту.
И, не стесняясь, на парад
Идёт разнузданный разврат.

Пирует мот. И наг бедняк.
И рвётся к небесам тупица.
Себя сжигает, но никак
Не может мир остановиться.
И неизбежно снежный ком
Несётся в бездну напрямиком.
И хохот слышится с небес –
То торжествует хитрый бес.

Любимым глазам

Слова скрывают истину,
Молчанье многозначно,

Глаза ж правдивы истинно –
Они всегда прозрачны.

Тревога ли, обида ли,
Спокойствие, досада –
Надежда, что увидели
И поняли, как надо.
Ах, зеркало правдивое!
Озёра, в них я таю.
Лишь были бы счастливыми –
О большем не мечтаю.

Переехал клоун во дворец

Переехал клоун во дворец
И подумал: стал он королём.
Нацепил на голову венец,
Изменил все то, что не по нём.

И теперь дворец преображён:
Королевским цирком станет он.

Голову, уронив на рычаг,
Спит телефонная трубка

Б. Ахмадулина

– Я устала... О, как я устала
От вранья и людских передрыг!
Телефонная трубка упала
Головой на родимый рычаг.

Ей, бедняге, от всех достаётся:
Надо выслушать этих и тех,
Море самых различных эмоций...
Где ж терпенья набраться на всех?

Ей бы высказать чистую правду.
Ей, бедняге, обидно до слёз,
Что не видеть нам райского сада:
Мы несёмся стрелой под откос.

Сегодня грустный день

Сегодня день обычно грустный,
И ничего не происходит,
Лишь только бабочки летают,
Листва лениво шевелится,
Вдоль трассы движутся машины,
В лучах купается земля.

А может, бабочки танцуют,
Листва в блаженстве тихо дышит,
Машины радуются гонке,
Земля от счастья замирает,
И все, что надо, происходит.
Наверно, это просто я..?

Взгляд со стороны

Со стороны виднее, говорят.
Но если повнимательнее взгляд
Направить не на внешность – в сердцевину,
Тогда, возможно, будет лучше видно,
Что кроется за красочным фасадом.
А там, бывает, быль похуже ада.

Будь осторожен: взгляд со стороны –
Он не прямой, а с долей кривизны.

Ребенок в доме

В пятнах ковры, и салфетки изжѣваны,
Стены в квартире кругом разрисованы,
Все, что возможно, уже перебито,
Острое спрятано, окна закрыты...
В страхе забился наш кот под комод –
Счастье теперь в нашем доме живет!

АЛЕКСЕЙ ЮДИН

Родился в 1965 году в Одессе. Живет в Брюсселе. Филолог, преподаватель, занимался журналистикой. С 2000 г. профессор отделения славистики Гентского университета (Бельгия). Стихи и поэтические переводы с нидерландского языка публиковались в коллективных сборниках «Вольный город» (Одесса, 1990) и «Глаголы настоящего времени» (Киев, 2013), альманахе «Под небом единым», в журналах «Collegium», «Дерибасовская-Ришельевская», «Октябрь», «Дети Ра», «ШО», «Плавающий мост», «Эмигрантская лира», «Экземпляр», «Интерпоэзия», «Радуга». Опубликовал три книги

стихов: «Сентябрь» (Одесса, 2005), «Музыка из окон» и «Холод и свет» (обе Киев, 2021). Лауреат Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

(Фото Шамиля Хайрова)

Пойти по воде –

это как взрослому научиться на велосипеде.

До сих пор непонятно,
как им удастся не падать?

Ах, если б колесики сзади –
но нет, ты вырос.

А падать большим с их высоты большее.

И нет отца, который толкнул бы в спину.

И тут ты находишь склон,

забываешь страх,

едва не влетаешь в реку,

летишь по дороге, и тебе становится ясно:

Я однажды принес к ней сына.
Ему было два с половиной.
Он устал ходить и уснул.
Она приняла его на руки, я спросил, как тебе, не тяжело?
Она улыбнулась: что ж мы, детей не носили?
У нее тоже был сын, сейчас поэт и ученый.
И она была хорошим поэтом.
Ушла четыре года назад – такой молодой, так внезапно,
что я до сих пор не могу поверить.
Я представляю себе, как мы встретимся там, где кончится время.
Я приду к ней с сыном,
и она возьмет его снова.
Надеюсь, душа его будет большой, но она удержит.
Такого навыка не потеряешь.

Придёт ли этот автобус?
Если да – поедem в обнимку.
Если нет – будет трудно добраться, но больше времени вместе.
День, широкий, как озеро.
Дорога длиной в ручей, в вечернюю песню.
Каждое дерево на шесть сотен метров выше уровня моря.
Ночной огонь,
горячий, будто любовь,
жгучий, словно крапива.
Столбик с автобусным номером
замер выше уровня счастья.
Пришёл.
Водитель говорит по-немецки и по-французски.
Ничего не кончается.

Нигде, никогда, вообще.
Кажется, даже мы.

A.D.
Пятнадцать лет этот дом был твоим, и вот он сменил хозяйку.
Реинкарнация наоборот: дома остаются, только меняют души.

Домовой пошалил на прощанье, но не зло, скорей для порядка.
Даже вернул пропавший зелёный камень.
На дверях все ещё надпись твоей рукой:
"Входите – солнце внутри!"
Сейчас там тихо: дом ожидает женщину.
Я желаю ей солнца.
Пятнадцать лет назад тебе было столько же лет, сколько ей сейчас.
Мы хотели счастья.
Мы получили сына.
Достаточно, чтоб ни о чём не жалеть –
не всё оказалось прахом.
Они хотят того же.
Они уже ждут ребёнка.
В этом доме за полтора века не умер никто, кроме пары мелких
животных.
Пусть он останется домом без смерти.
Домом твоей любви и твоей надежды.

я оборачивался на огонь
он кидался искрами
как великан камнями
из черного дня
когда мы были никем друг другу
не пряди волну
не распускай прибор
я плыву домой мне нужны спокойные воды
смотри на огонь за кругом моря за краем неба
я прижмусь к тебе стылой зимой пустотелой ночью
согревая тебя слепым домотканым счастьем
снова щекотно?
прости это просто искры

Сырой ноябрь, июльская любовь.
Я в комнатах оставленных домов
распознаю твои преображенья.
Я так любил тебя все эти годы, там:
да, эта куртка, этот вид глагола.

Я изредка невольно называю
тебя чужими именами, ибо
все имена принадлежат тебе.
Пусть будущее тянет сквозняком
из анфилады полутемных арок –
мы станем печкой, очагом, камином,
лучами ласки, вспышкой поцелуя,
огнем на башне, восходящим солнцем,
невидимым сиянием в апсиде
немыслимого Реймского собора
под синим светом витражей Шагала.

каждый год он рождается дважды и дважды идёт на крест
нам бы договориться – боже, хотя бы в этом
два раза мучить жестоко – даже для наших мест
он терпеливо молчит – и остаётся светом

мы зажигаем гирлянды, покупаем дары,
радуемся выходному, новой звезде, обновлениям,
поздравляем любимых, развешиваем шары
он привычно молчит – и остается словом

а у него на родине снова идет война
его призывают убитые, и особенно те, кто живы,
причем с обеих сторон
он знает все имена,
получает повестки – и не является по призыву

он обещал вернуться, устроить последний суд
кто тут у нас был прав – не разобрать другому
люди идут домой, подарки в руках несут
с каждой минутой они все ближе и ближе к дому

В землях нежных, лавровишневых
мы сторонние и лишние,
безнадёжно иностранные,
безъязыко-безымянные.

А на кровных чернопочвенных,
на кровавых, раскуроченных,
с руганью друг друга косим мы
за Степана, за Иосифа.

В горькой битве непростительной
за Владимира Крестителя
чёрный дрон за белым гонится –
наконец летает конница.

Бомбам прикрутили крыльца –
ангелы-самоубийцы.
Их теперь, чтоб город вымер,
шлёт Владимиру Владимир.

Чёрный коптер, что ты вьёшься
над солдатской головой?
Ты добычи не дождёшься,
чёрный коптер, он не твой!

Клён за окном покрылся листьями.
Скоро переезжать.
Больше я не увижу церковь,
которую отсюда видно зимой.
Кто будет смотреть на неё через год?
Что он будет знать обо мне?
Несколько царапин и пятен.
Он не узнает даже,
какие из них оставлены именно мной.
Но и он увидит,
как клён с каждым днем закрывает листьями церковь.

ПЕРЕВОДЫ

ЛАЛИ МИХАЭЛИ

– Нонконформистка израильской поэзии, осмелившаяся кричать о том, о чем другие стыдились даже думать, ставшая символом бунта и анти-истеблишмента. Даже сейчас, когда она издается на разных иностранных языках, ее приглашают участвовать в международных поэтических фестивалях по всему миру и она получает международные награды, она отказывается вписываться в израильский мейнстрим. Она сохраняет

свой статус сольной поэтессы. Израильские политические стихи «Господин премьер-министр» (2009 г.) и «Демократия» (2016 г.), а также такие универсальные поэтические тексты, как «Нарисуй меня пылающим» и «Каждый раз, когда мы занимаемся любовью», демонстрируют слои ее поэзии. Внутрипоэтический, личный, межличностный и человеческий диалог – это то, как и что она пишет. Это попытка навести мосты в невозможных местах. «Поэзия Лали Михаэли еще раз доказывает, что превосходная поэзия также может быть сексуальной и новаторской» — Дори Манор.

Перевод с иврита Гилада Падвы

Спектр октябрьского ада 2023 года

Мамочка

Я мамочка. Вот кто я сейчас. Не человек. Не женщина. Не поэт. Не гражданка государства Израиль.

Не гражданка мира. Я мамочка. Я обращаюсь на каждый голос, который сегодня кричит:

«Мамочка!» На крик каждой похищенной девочки.

«Мамочка!» На крик ребенка, которому мутант человека отрезает пальцы на глазах у родителей. На крик девушки, которой на глазах у родителей отрезают руку.

На крик родителя, один глаз которого вынимают на глазах у детей, а другому позволяют увидеть самую бездонную пропасть на Земле.

Кого застрелили первым?

Я мамочка, которая слышит плач ребенка сгоревшего в духовке
Вместе с плюшевым мишкой. Я мамочка,
Которая слышит крик ужаса молодой женщины со связанными руками
Ее насиловали, насиловали и насиловали снова и снова,
Пока я не услышала тишину.
Неужели вы подумали, что в этот момент кошмар 7 октября 2023 года
закончился? Но я мамочка, которая слышит
Плач беременной женщины.
Ей перерезали живот, а плод вытащили и застрелили, прежде чем
застрелить ее.
Я ма-моч-ка!

Похищенная девушка

Она

Сейчас в самом жестоком месте мира
Она нежная девушка
Симпатичная девушка
Я не хочу думать, что они могут сделать
С такой красивой девушкой, как она
С волосами
С голосом
С образом.
Верните ее нам.
Верните ее живой.
Верните нам
Волосы
Голос
Образ
Пожалуйста.
Она всего лишь еврейка
Ребенок.

27 октября 2023 г.

Никакой искусственный интеллект не заменит Йохевед Лифшиц¹

Ты встаешь перед микрофонами
Ты говоришь миру об аде
И я встаю
На минуту молчания
Как свидетель дел,
Что неизлечимы.
Ты благословляешь
И я несу вместе с тобою
Распавшееся человечество

24 октября 2023 г.

Бестелесная рука

Ампутировали от живого тела
Больше не будет
Ласкать твои
Губы и больше не будет
Утешать тебя в плаче
О непостоянстве времени и жизни
Они реют в вышине, как
Гелиевый шар.

8 октября 2023 г.

И в тот день

Ни один из 1400
Не помышлял о смерти. Даже
Ребенок, которого они сожгли,
Когда он обнимал своего плюшевого мишку.

7 октября 2023 г.

¹ Заложница Йохевед Лифшиц, 85-летняя женщина из кибуца Нир-Оз (недалеко от границы с сектором Газа), была освобождена террористами.

Райнер Мария Рильке

(1875-1926)

Австрийский поэт и переводчик, один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века, Райнер Мария Рильке занимает видное место в мировой поэзии, оставаясь одним из ярчайших авторов, писавших на немецком языке. Современник и соотечественник Фридриха Ницше и Зигмунда Фрейда, поэт выразил в своем творчестве философские искания целого поколения, поднимая глубинные вопросы бытия, вечности и человеческого предназначения.

Родился в Праге, имел австрийское гражданство, писал стихотворения на немецком, французском и русском языках.

Писал также прозу. Испытал влияние философии экзистенциализма. Путешествовал по Европе, останавливался в России, Испании, Германии, Италии, Франции. Последние годы жизни провёл в Швейцарии.

Переводы Бориса Марковского

Иллюстрации Сергея Слепухина (о нем статья Эмилии Песочинной в этом номере)

В ПРЕДМЕСТЬЕ

Старуха в черном, что жила над
нами,
она мертва. - Но кто она? - Бог
ведь!

У нищих нет имен, а если есть,
какой в них прок? Бог с ними, с
именами...

Внизу пылятся траурные дроги.
Дверь заколочена; ну что ж,
пора!

Гроб с руганью выносят со
двора,
едва не уронив среди дороги.

Унылый кучер трогает и, вскоре
забыв про смерть, орёт: "Черт
побери!",

как будто там лишь жалкий гроб внутри,
а не вся жизнь ее - любовь и горе.

НА МАЛОЙ СТРАНЕ

В каждом каменном изгибе
древних башен - боль и трепет, -
узкий двор себе на гибель
навсегда забыл о небе.

Лестничных амуров сразу
узнаёшь по жалким позам;
высоко на крышах в вазах
лепестки роняют розы.

Есть калитка там. Кто знает,
что за слово удивленно
солнце по складам читает
там, где слезы льет мадонна?

В СТАРОМ ДОМЕ

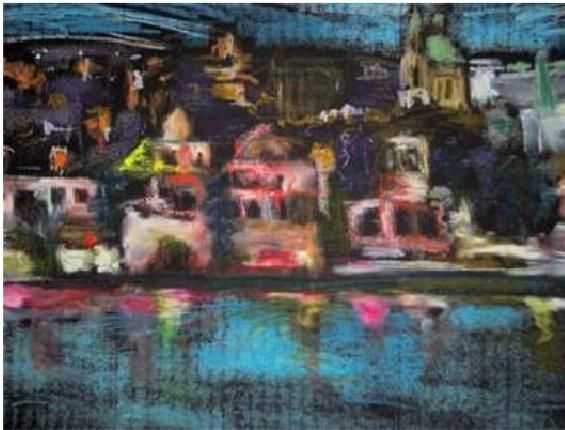

Я в старом доме; тишина.
Всю целиком, как на
ладони,
я вижу Прагу в медальоне
распахнутого вдаль окна.

Закат давно уже погас,
лишь вдалеке, мерцая скупое,
вздывает свой волшебный
купол
загадочный Sankt Nikolas.

Звезда над городом горит,
как будто свет зажегся в храме,
как будто в старом доме "Amen"
мне тихий голос говорит.

ДВОРЯНСКИЙ ДОМ

Дворянский дом с причудливым фронтоном, весь в готике, как шрифт на обелиске.

Пустынный двор и в нем - булыжник склизкий, и лампа тусклая - в стекле оконном.

Сизоголовый голубь клювом старым

стучит в окно, как дятел или плотник;
здесь ласточки гнездятся в подворотнях:
здесь - колдовство, здесь - колдовские чары.

У СВЯТОГО ВИТА

Люблю собора мрачный вид, дремучий лес его фронтона, здесь каждое окно, колонна о сокровенном говорит.

Поблизости роскошный дом, эротика - его основа, а рядом готика сурово молчит и крестится с трудом.

Теперь понятен анекдот; в сравнении не вижу фальши: старик аббат, за ним, чуть дальше - красотка медленно идет.

У КАПУЦИНОВ

Добрейший патер
Гвардиан
мне предлагает
рюмку водки,
такой, что судорога -
в глотке,
глоток - и мертвый
будет пьян.

Он ищет ключик от
ларца
с сокровищем. Не
взял ли кто-то?

Нашел! нашел! И капли пота
стекают с жирного лица.

Наполнив рюмки в третий раз,
он каламбурит: "Все мы - гости;
однажды сгинем на погосте,
но - дух! - останется от нас".

КОГДА НАСТУПАЕТ ВЕСНА

вдруг запели

в аллеях парка.

Весенний ветер слишком жарко
ласкает гипсовые плечи;
всё те же поцелуи, речи –
в аллеях парка.

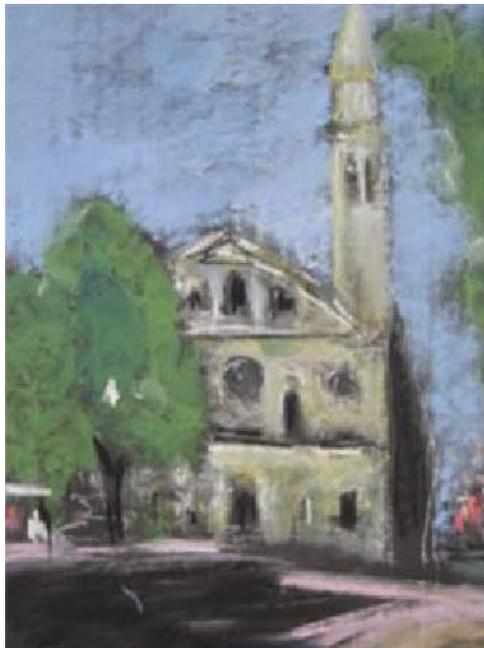
Трава блестит под
солнцем ярко;
земля весенняя
согрета;
мелькнула первая
карета
в аллеях парка.

И, где вчера лишь
ворон каркал,
один, среди
морозных елей, -
сегодня птицы

Здесь воздух затхл, как в
комнате больного,
где смерть исхода терпеливо
ждет;
на мокрых крышах - отблеск
дня иного,
как от свечи, что через миг
умрет.

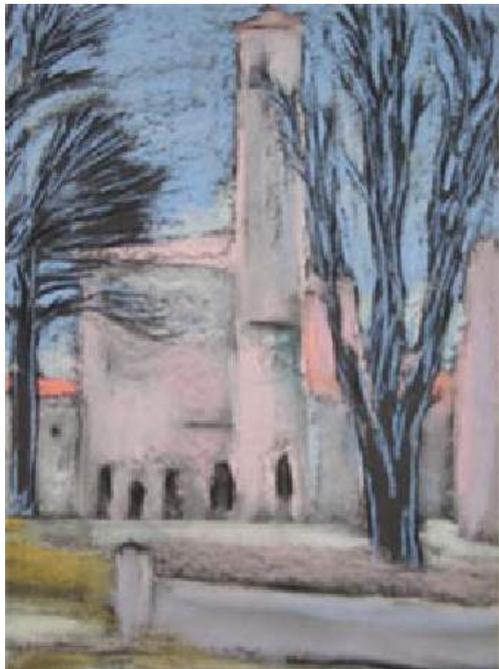
Есть даже в смерти некий
промежуток:
вот ожил лист, и - всё, и был
таков...
И, как над лесом стая диких
уток,
ползет по небу стая облаков.

Ночь залегла в глубинах парка,
и звезды кротко светят нам;
луны серебряная барка
плывет к далеким берегам.

Фонтан рассказывает сказку,
как будто грезит наяву, -
почти без звука, глухо, вязко
упало яблоко в траву.

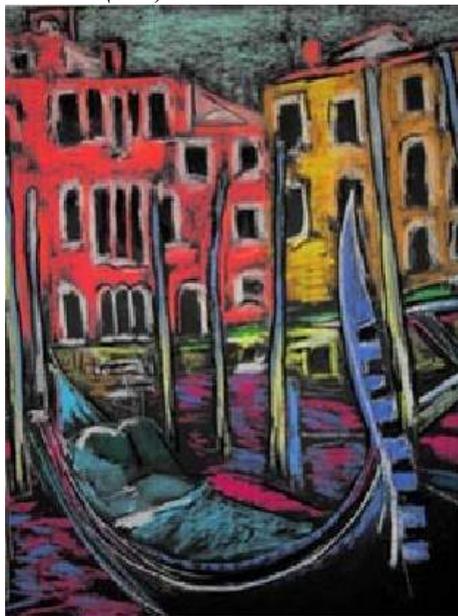
А от холмов, где кем-то щедро
гряда дубов наклонена,
уже летит на крыльях ветра
дух виноградного вина.

Над белым замком хлопьев
хоровод.
В пустынных залах -
леденящий холод.
Повсюду - смерть. И край
стены отколот.
И снег лежит от окон до ворот.

Повсюду - снег. На крыше -
серый лед.
То - смерть моя вдоль белых
стен крадется
в продрогший сад... Она еще
вернется
и стрелки на часах переведет.

ВЕНЕЦИЯ, I

Чуждый говор. Мы - в гондоле.
Город в сумрак погружен.
Лодка движется там что ли
мимо мраморных колонн?

Тишина. Лишь гондольеров
смех звучит. Весло поет...
Из каналов темно-серых
ночь огромная встает.

Черный след волной изрезан,
колокола дальний звон.
Снится мне: я - мертвый цезарь
в день державных похорон.

(перевод Бориса Марковского)

ΠΡΟΖΑ
ΑΖΟΡΠ

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Живёт и работает в Санкт-Петербурге, автор 16 книг (романы, повести), публиковалась в журналах "Писатель XXI век", "Север", "Нижний Новгород", "Южная звезда", сборниках "Макарьевские чтения", лауреат нескольких творческих премий, участник Мастерских для писателей АСПИР.

Норковый тулупчик

Его благородие жалует мне шубу со своего плеча.

На то его барская воля...

*Господи Владыко (...). Заячий тулуп почти новешенький!
А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»*

Что теперь станет с Марсиком? Эта мысль как впилась с утра в её мозг, будто тонкая колючка в пятку, так и цепляла – при каждом невольном вздроге сознания. Только усыпить. Другого выхода Нинон не видела – да и не было его, как ни изворачивайся... Вот так прямо взять и усыпить здорового пятилетнего немецкого овчара с дремучей золотой бездной в чуть прищуренных, всегда на хозяйку жадно устремлённых глазах. Сделает это, конечно, зять. И на минуту не задумается, а она не посмеет возразить. Она теперь вообще никогда ничего не посмеет: вспать время не повернёшь... Это когда-то, десять лет назад, было её гнездо, которое она маниакально украшала, словно ласточка, принося туда в клюве по травинке: то коврик в ванную, то полочку под локоток у кресла – чтоб и чашка, и книжка... Даже вспоминать странно... Восемь лет назад Нинон

оставила квартиру дочке с ее семьёй, и теперь только гостевала там иногда – очень редко и недолго. В бывшем своём доме, незаметно ставшем необратимо чужим, а иногда почти скатывавшемся во враждебность.

Марсика – шерстистого, всегда готового на рык и непривычного к паркету – туда привезти с собой невозможно: в маленькой брежневке, где в меньшей, десятиметровой комнате теперь спальня Людочки с мужем, а в большей – аж четырнадцать метров! – размещены внуки-близнецы Петя и Паша со своим двухъярусным спальным местом, неразлучной, как и они, парой секретеров с компьютерами, несколькими спортивными снарядами и одним на двоих неожиданно ласковым и безответным, похожим на белую акулу бультерьером по кличке Беляш... Куда уж там Марсику, самой-то куда-нибудь примоститься! Ну, положим, Людочка маму если не любит, то хоть пожалеет иногда, и, когда муж ее, горе-художник, ночует в мастерской, будет класть мать рядом с собой на супружеский раскладной диван, на свою половину, а сама переберётся на мужнину... Ночует супруг вне дома часто и охотно, потому что жену давно разлюбил, а дети ему и вовсе мешают: так, появится, прикрикнет для порядку, чтоб показать, кто хозяин в доме, доведёт мелочными придирками и неявными, но гнусными оскорблениями действительно подурневшую за последние годы Люду до крика и слез, после чего обзовет истеричкой, на которой «знал бы – не женился», благородно вознегодует и вновь исчезнет на полнедели. Девочка её знает, что в мастерскую муж регулярно приводит женщин – для вдохновения, даже если наскоро ляпает трафаретную халтуру, вроде эмблемы спонсора на форменные майки и куртки детской спортивной команды... Но она давно махнула рукой на мужа – и на себя. Других в сорок – и пятьдесят, кстати! – называют на улице «девушка», а Людочка... Нинон так больно теперь видеть эту – ещё чуть-чуть – и да, можно будет сказать «опустившуюся» – старообразную тётку с жалким трёпаным пучочком давно не крашенных волос, в вечных унылых шерстяных кофтах и прямых юбках неопределённой длины, вроде бы и новых, в магазине купленных, а все равно будто раскопанных в бабушкином сундуке. «Покрасилась бы, может, дочка, стрижку какую

сделала...» – робко советовала, приезжая раз в месяц, Нинон. «Ой, мам, сил нет...» – вяло отмахивалась Люда и заправляла за ухо посёкшуюся прядку... Но с мужем она никогда не разведётся – будет тащить его до смерти, нелюбимого и нелюбящего, зато требовательного и полного амбиций... Люда сейчас «оператор» частного копи-центра. Проще говоря, она двенадцать часов в сутки сидит в стеклянной коробке, приткнувшись в недрах торгового-развлекательного центра, и распечатывает клиентам тексты на принтере или делает им дежурные черно-белые ксерокопии документов, где лица на фотографиях откровенно страшны, как случайно проявившиеся изображения привидений... Нет, когда-то была благополучно закончена традиционная «Корабелка», что-то инженерское прописано в синих корочках... Но куда уж теперь! Хотя какая-то работа есть с регулярной зарплатой – и то счастье, так-то вот... В свободное время Люда пытается – деловито, но почти всегда неудачно – искать каких-то недостижимых и почти мифических олигархов, готовых оплатить банкет «для нужных людей» на очередной мужниной выставке в окраинной библиотеке, мечтает выбить ему какие-то фантастические «гранты», подаёт его документы на премии, которых он никогда не получает, потому что средства, гранты и премии распределены ещё задолго до того, как на них кто-то «подал» – и всем это понятно, кроме Люды и её мужа... Но ничего, зато деньги, вырученные за пропечатанные спины спортивных маек, он несёт именно жене – почти до копейки. «Со своими девицами разве что бутылку шампанского разопьёт», – радуется Людочка... И все длиннее её юбки, все серее и коричневее кофты... Ладно, когда зять будет приходиться с ночёвкой, придётся ложиться на кухонный диванчик. Он, правда, коротковат, ноги свисают, но можно низенькую такую табуреточку... с подушечкой... Не выгонят же на улицу – мать все-таки родная и бабка! И с детьми поможет, кстати: как они из школы придут – она им борщика горяченького, чтоб сытенькие перед секциями своими спортивными...

Господи, как страшно...

Снова больно цепляет колючка по имени «Марсик». Не пустят его в квартиру, не пустят... Тем более что своя собака у них немаленькая, да и Марс никого, кроме Нинон, не признает – даже детей. Все другие для него – потенциальные враги, и он их лишь милостиво терпит до гипотетически возможной команды «фас» – и ждёт её даже во сне, чутко поводя острыми бархатными ушами. Окрас у Марса совсем волчий, серо-чёрный, называется «зонарный», кто в посёлке его не знает, не осведомлён о низкой овчарочьей осадке кзади, – тот опасливо косится: не волка ли ведёт на поводке эта сумасшедшая тётка? Хм... Тётка... Хорошо, если так, а то ведь, наверное, думают «бабка»... Она сама в лечебницу не поедет, а Марсик зятю в руки не дастся... Придётся вызывать ветеринара-усыпителя на дом – за её деньги, разумеется; она и уйти не сможет, потому что Марс без нее всех в доме перервёт, включая детей и врачей. Значит, никуда не денешься: подарить его некому (хорош подарочек, сожрёт счастливого обладателя и не подавится), придётся не просто как-нибудь душераздирающе проститься, но и присутствовать... Давным-давно она видела, как усыпляли собаку её школьной подружки – та не смогла, умолила пойти с пёсиком в кабинет десятиклассницу-Ниночку... Несколько лет не забывалось то, что пришлось увидеть тогда в лечебнице! Но спаниель подружки был старый, плешивый и неизлечимо больной, весь в устрашающе огромных опухолях; он твёрдо знал, что пришла его собачья пора, кротко смотрел абсолютно человеческими всепонимающими глазами и нервно, прерывисто вздыхал: вы, дескать, поскорей уж, девчонки, устал я... А Марсик... Нет. Она не сможет. Лучше уж в приют отведёт, скажет, нашла на улице... Нет, нет. Пусть хоть режут её, хоть на улицу выкинут! А может, отдать его пограничникам, пусть несёт военную службу? Поступает же так кто-то, она сама читала... А-а-а! Да что ж это делается-то на свете, Господи! И как же ты допускаешь такое! Меня – наплевать – но Марсика-то за что?! Он же тоже тварь Твоя, Боже, мы-то тут, на земле мыкаясь, ко всему привыкли, но его не мучь – серого, злого, преданного, ничего не понимающего!

Чувство беспомощности захлестнуло Нинон, она покачнулась за столом, едва не закрыв лицо руками, но вовремя глянула вперёд, наткнулась взглядом на монументальную фигуру женщины-судьи в складчатой мантии – над квадратным черным пятном маячило расплывшееся, сероватое, презрительно-равнодушное лицо в тяжёлых прямоугольных очках. Такая не пощадит. Это тебе не Марсик.

«Вы же знаете, что бедному с богатым не судиться... – шепнул ей в ухо, мягко поддержав за спину, молодой и бойкий адвокат Илья. – Но раз уж решились... Давайте хотя бы проиграем с высоко поднятой головой... Ну... Соберитесь... Может, ещё и ничего, кто знает...» – Илья чуть слышно вздохнул. Он-то как раз знал – и предупредил честно, еще до самого первого заседания: «Эти – занесут, можете не сомневаться, – кивнул в сторону надменной девчонки, представительницы истца. – Не судье – так в нужные организации. А там неудачницы-недоучки сидят, которые айфон только во сне видели, и пенсионерки, чья пенсия равна прожиточному минимуму... Продолжать мне или сами поймёте, Нина Алексеевна?». Она, конечно, понимала.

– Я протестую! – с протяжным воем подскочил вдруг рядом с ней адвокат. – Протестую против приобщения этого чертежа! Его происхождение...

Грохнул, будто выстрелил, деревянный молоток:

– Протест отклонён. Суд постановил удовлетворить ходатайство истца о приобщении к материалам дела плана дома и участка.

– Ваша честь! – против всяких правил взмолился Илья. – Там цветной тушью нарисовано! В пятидесятых годах прошлого века! Неизвестно кто, что и где рисовал, там и вокруг все тогда другое было! Непонятно даже, та ли местность вообще, о которой речь-то идёт! А надписи...

– Ваш протест отклонён, вам неясно, представитель ответчика?!
Еще раз – и вы будете из зала – удалены! – судейская мини-кувалда

вновь обрушилась на кафедру, и легко было предположить, что если б суровый закон давал судье право молотить не по столу, а по головам участников процессов, то их мозги давно бы уже были размазаны тут по стенам во устрашение всем последующим.

«Где-то я её видела...» – неясно мелькнуло у Нинон в эту ужасную секунду.

Илья потупился и сел.

– Кремень баба, – тише шёпота поделился он с клиенткой. – Точно – скушала...

Нет, она определённо идиотка... Причём тут Марсик?! Кто думает о собаке, когда под откос летит – жизнь?!!

Истца своего Нинон видела единственный раз, поздней весной. Однажды, жмурясь от удовольствия (эту привычку она за собой знала и считала её обаятельной), будущая ответчица пила на крыльце утренний кофе со сливками, вытянув вдоль тёплых крашенных досок свои длинные, все ещё стройные ноги и заголив их выше колен, – и вдруг в щели между землёй и глухим железным забором промелькнули и замерли у калитки мужские ярко-белые кроссовки. Тотчас раздался стук, Нинон мгновенно натянула юбку на колени и крикнула: «Кто там?». Приятный тенор ответил: «Сосед, на минуточку!» – и она впустила во двор невысокого симпатичного мужчину с приветливым взглядом и вежливой улыбкой. Незнакомого, но совершенно неопасного... Ох, и «минуточка» же оказалась!

Соседей справа и слева Нинон прекрасно знала в течение вот уже полувека, поэтому еще до того, как мужчина объяснился, стало очевидно, что он не кто иной, как владелец заброшенного участка, располагавшегося позади, и древнего, уже в землю врастающего дома без окон без дверей, который давно не виден был среди буйно

разросшихся колючих кустов с несъедобными ягодами и зарослей гигантского борщевика, похожего размерами и формой на тропические деревья... Хозяином всей этой роскоши был когда-то сослуживец отца тогда еще маленькой Ниночки; оба они обзавелись участками и строились одновременно, а детей их связывал особый вид дружбы – летний: это когда ты с приятелем на даче – не разлей вода, а вот случайно встретиться зимой в городе, где-нибудь в театре или на детском празднике, показалось бы странным и неловким... Отпрысков у соседей имелось двое: старшеклассница Марина, открыто презиравшая «мелюзгу», и вихрастый пионер Лешка, смыслённый кареглазый толстячок с льяными волосами, что запомнилось необычностью, потому что либо глаза сами собой напрашивались васильковые, либо волосы – шоколадные; он и принадлежал к той ватаге ребятишек, с которой бегала подросток Нинка... Махнувшая за шестьдесят Нинон пытливо глянула в лицо своему ровеснику-соседу: нет, не карие глаза – серые, как и положено при светлых с проседью волосах. Не Лешка... А кто?

– Меня зовут Константин... Можно без отчества... И я племянник... – он назвал имя, ничего Нинон не сказавшее, давно из памяти ускользнувшее. – Бывшего хозяина того участка. Теперь я его унаследовал, поэтому...

Такое простое слово, а в ней – ёкнуло, вырвалось:

– А Лешка... Марина...

Красиво погрустнев, мужчина кивнул:

– Марина эмигрировала, давно уже, прислала отказ, я покажу вам, если требуется, – (Нинон помотала головой: ей-то что до этого?), – а Леха... Ну, тут дело обычное: пил как лошадь; пока жена жива была – сдерживала как-то, потом умерла, а он – по наклонной... За год человеческий облик потерял, через два – сгорел во сне до углей вместе с квартирой... И шестидесяти не было мужику. Такие дела.

У Нинон смутно пронеслось: сладкие гороховые стручки в чужом саду, черепаха размером с детскую ладонь, бойко плывущая в открытое море, букетики с ягодами земляники, собираемые на валу вдоль железной дороги, – и все это как-то связано с тем смешным пузанчиком, от которого, как оказалось, теперь остались только черные угли, как от средневекового еретика, казнённого на костре... Она встряхнула головой:

– Да вы проходите в дом – что на жаре-то стоять, голову напечёт!
У меня там и кондиционер есть – муж успел, незадолго до смерти...
Теперь вот спасаемся в жару...

Он и от кофе не отказался – приятный человек – и удивился, как такой вкусный получается, и вежливо хмыкнул на её фирменный ответ: «Евреи, не жалейте заварки...».

За кофе сосед, человек, как сам признался, состоятельный, рассказывал о своих планах участок расчистить («Но вот те чудные бронзовые сосенки – видите? – непременно сохраню»), построить там замечательный двухэтажный особнячок со скромной башенкой («Так дочка хочет, сам бы ни за что: уж больно вкусом какого-нибудь краснопиджачника отдаёт, но как не поτραфить любимице, она же у нас единственная»), а меж тех пяти плакучих берёзок («Вам из-за борщевика не видно, но просто как девицы-красавицы хоровод водят, честное слово!») поставит миниатюрную беседку... Ещё жена его мечтает об оранжерее, чтобы по древнерусским летописным рекомендациям самой выращивать и лимоны, и апельсины, и даже ананасы («А вы и не слышали? Как?! Вы не знали, что в Древней Руси все это было прекрасно освоено?»), кроме того, она очень любит разводить разные экзотические цветы («Такая утончённая женщина, необычная, понимаете?»), и он построит ей для этой надобы другую теплицу, самую современную; она, Нина, еще удивится, когда увидит те чудеса, которые они здесь сотворят... Да, кстати, насчёт теплицы: очаровательная Нинон («Как это красиво, на французский манер!») знает, конечно, что её отец случайно – а может и нет, он лично покойного старикана, пусть земля ему пухом, не

знал – захватил целую полосу от его участка, шесть с лишним метров шириной и пятнадцать в длину – сотка все-таки, не кот начхал, между прочим – именно те сто квадратных метров земли, которые требуются для вышеозначенной постройки...

Нинон все ещё продолжала улыбаться и кивать, пододвигая гостю тарелочку с нарезанным магазинным кексом, – и нельзя было не улыбаться в его ясные глаза и чарующую, мальчишески-застенчивую улыбку, в его открытость, в ненаглую уверенность в себе, в безопасность его и дружелюбие... Он показывал невесть откуда вдруг явившиеся планы и чертежи, со знанием дела вычерченные на пожелтевшей от времени бумаге («Вот здесь ручей, а это дорога – кстати, не только дом ваш, но и колодец тоже на моей территории оказался»), с чёткими фиолетовыми печатями и петлистыми подписями людей, явно ставивших их когда-то со всей возможной торжественностью... Давно умерших людей, которые уже никогда ничего не подтвердят и не опровергнут.

Она, и провожая соседа, ещё не смахнула улыбку – потому что и он дружески сиял, глядя ей в глаза и говоря вещи, которые ничем, кроме шутки, оказаться по определению не могли:

– Ну, что делать, что делать... Перестраиваться! Переносить как-то дом ваш, что ли, не знаю... Проще, конечно, быстро снести его и потом новый отстроить... Подальше там – вон, кустарник тот вырубить, что ли... А колодец в наши дни – это же вообще архаика... Ну, как невозможно... Все возможно в этом мире... Вы же видели документы. И планы свои я вам озвучил – что тут неясного? Потому что сами же понимаете – на чужой земле живете... Конечно, не виноваты: это старики пятьдесят с лишком лет назад намудрили с документами... Тогда, знаете, вообще проще все было, не заморачивались люди, а зря... Как, вы и сами межевание не делали? Ну, это вы, душенька, напрасно... Сразу видно, в папочку пошла дочка, ха-ха, без обид... Так вы подумайте на досуге, как разбираться будем, а я заскочу на недельке...

Но через несколько дней у калитки остановилась огромная, как бульдозер, чёрная машина, из которой легко выпрыгнула миниатюрная девушка с грацией косули – и оказалась адвокатом вежливого соседа. Она приехала только уточнить, когда именно планируется снос мешающего планам её клиента строения, и дружески посоветовала, не заходя в обречённый дом:

– Знаете, Нина, э-э... – заглянув в бумажку, – Алексеевна... Я вам просто по-человечески говорю, из сочувствия, так сказать: не доводите вы дело до суда, честное слово: сколько денег, нервов, здоровья, потратите, а конец все равно один: документы я изучила – судье, собственно, даже колебаться не из-за чего, настолько там все ясно... Нет, я понимаю: обидно, и всякое такое... Подставил вас отец ваш – что тут скажешь... Трудно его теперь осуждать – время другое было... Но вы и сами о современных документах не позаботились. А начали бы процесс межевания – так и всплыли бы все эти факты...

Тогда Нинон предложила выкупить несчастный спорный кусок земли: посоветовавшись с зятем и дочерью, она уже успела прийти к выводу, что не так уж это и дорого, и вполне по силам им поднатужиться да и наскрести по сусекам стоимость сотки здешней не самой дорогой земли...

– Да ну, что вы! – махнула рукой девушка из бульдозера. – Это не обсуждается. Моему клиенту не копейки ваши нужны, а земля, которой, как он считает, у него и так маловато окажется. Поэтому он, может, и остаток вашего участка за бесценок прикупит, если вы новый дом строить не надумаете, – так что вам еще и прибыль какая-никакая выйдет, не грустите очень уж... В любом случае, закон на его стороне, так что...

Так что «Долой Нинон, Нинон, Нинон, / Долой Нинон Ланкло...».
Она сама переделала так своё имя из простенькой, как ей девчонкой

казалось, Ниночки – когда, лишь прочитав в отрочестве рассказ Эдгара По, ещё не знала, кем была на самом деле та Нинон, о которой пелось².

*Долой, Нинон.
Время умирать.*

А судью эту она, несомненно, раньше видела. Неподвижное лицо женщины казалось не высеченным из мрамора – а грубо вытесанным из тусклого камня, но нет-нет и проступала в нем будто некая странная прозрачность, и тогда в глубине, как лик прекрасной утопленницы под грязной водой, обозначались очень знакомые, даже чем-то милые черты... Песочница, соседская девочка, какой-нибудь подаренный или отнятый совочек? Не то, не то... бери выше – обеденный стол в детском садике, ты давишься сухим крупитчатым творогом, а напротив – золотистые кудряшки? Нет, почти всех детсадовских Нинон помнила, да и фотографий много осталось... Что тогда? Что?

- Ответчица, а закон о необходимости межевания вас не касался?! – два стальных буравчика свирепых глаз впились в её лицо, пронзительный голос полоснул по сердцу – и вопрошаемая уже торопливо и угодливо вскакивала со стула, как не выучившая урок школьница, вызванная к доске, как ее собственный гневный окрик, случилось, во время óно выдергивал из-за парты нерадивых учеников.

- Я... Мне... – точно так же, как и они, мемекала Нинон, не поднимая глаз. – Мне просто не казалось, что это так срочно...

Если честно, она и вовсе об этом не задумывалась, привыкнув, что всей скучной документацией сначала ведали родители, а потом муж, –

² *Нинон де Ланкло* (1615-1705) – французская куртизанка, писательница, хозяйка литературного салона; в рассказе Э. По «Очки» упоминается только в куплете игривой песенки, напеваемой одним из персонажей.

поэтому даже счета с трудом оплачивала, вовсе не вглядываясь в заведомо непонятные цифири, – и с восторженным недоумением думала о тех храбрых своих знакомых, которые не только заново перемножали их, но ещё и подавали какие-то протесты и требования итоговые суммы – пересчитать! Нинон же родилась с почти недееспособным левым полушарием, пригодной исключительно к гуманитарным наукам, и все, что касалось подсчётов и замеров, вызывало в ней настоящий мистический страх. Но и отец, и муж у неё оказались с головой и руками, причём, второй, как она довольно нескоро додумалась, был подсознательно выбран ею под стать первому: такой же основательный, сосредоточенный молчун и добытчик, мастер на все руки и твёрдое плечо – несокрушимое, предназначенное служить вечной опорой... Инженер, который настолько любил свою работу, что и дома все время высматривал объекты, требовавшие основательного доведения не только до ума, но и до совершенства... Оттого и в детстве её, и в юности, и в зрелости дома у них все идеально работало, повсюду тархтели и жужжали какие-то дополнительные моторчики, семью не страшило ни летнее отключение горячей воды, ни зимнее, всегда предательское, – отопления. На даче сооружён был собственный водопроводик на связи с колодцем, отведена почти городская канализация, установлен паровой котёл в подвале, под зимние нужды (на Новый год, например, приехать – чем не счастье?) переоборудован второй этаж, да и весь дом, изначально деревянный, со временем оделся добротным желтоватым кирпичом, обзавёлся зелёной железной кровлей... А когда молодая ещё Нинон заикнулась мужу о том, что жаль, дескать, в плохую погоду нельзя пить кофе на балкончике с видом на залив и далёкие кораблики, то балкончик был немедленно превращён в утеплённую лоджию... Он крепко любил свою очаровательно слабую, вечно нуждавшуюся в защите и наставлении жену, этот её немногословный муж, так и не сумевший оплодотворить её, но принявший, как родную, дочку от раннего, горького и недолгого институтского жениного романа – любил и старался сколь возможно облегчить обeim жизнь. Последним, что он сделал десять лет назад, перед тем, как молодым, только полтинник разменявшим, умереть «от сердца», никогда прежде не болевшего, – был

тот самый кондиционер, далеко не у всех в те дни на даче имевшийся, сидя под которым спустя десять лет, незванный гость сообщил ей, что дом придётся снести.

Даже теперь, когда суд уже шёл полным ходом, Нинон большей частью оставалась ужасающе спокойной, потому что знала – да и все кругом говорили – что исход дела предрешён. Несколько жалких бумажек, представленных суду её адвокатом, ровно ничего по существу не решали, а ходатайства о паре очень желательных запросов судья отклонила парой же ударов своего беспокойного молотка. Зато ходатайства противоположной стороны о приобщении, запрашивании и назначении только удовлетворялись – хотя с такой же неистовой злобой. Было совершенно ясно, что судья ненавидит всех фигурантов без исключения, и не только их дела, но и прочих, больших и малых. Действительно, с высоты судейской кафедры – чем должна была казаться пожилой измотанной женщине вся эта нечистоплотная и подлая возня с квадратными метрами, очернением ни в чем не повинных покойников, мелкими предательствами и грандиозными обманами? Какое ей дело было до протечек на чьи-то тупые головы и горбом нажитый бедный скарб, до невыплаченных грабительских кредитов и незаконных вселений в убогие жилища всех этих маленьких, жадных, обвиняющих друг друга в чудовищных злодеяниях никчёмных человечков? И до чужих, никогда не виденных домов, полных неприятных запахов тлена? Какая ей разница, порушат завтра один из них или нет?!

Нинон и хотела бы переживать, рыдать по ночам, до утра не спать перед заседаниями, но... Но в ней словно что-то запеклось – и это был грозный признак крушения. Так уже происходило – три раза. И всегда несло с собой смерть. Сначала, когда позвонили с работы отца: он, главный инженер цеха, получил тысячевольтный удар тока, но умер не сразу – она ехала в больницу, твёрдо зная в душе, что в живых его уже не застанет, и не могла ни молиться, ни плакать... Спустя четыре года она сама звонила в эту больницу – и там буднично сообщили, что недавно

прооперированная мама снова переведена в реанимацию; и опять Нинон ехала туда же точно на таком же троллейбусе того же маршрута, снова бесповоротно зная, что это конец, – и сидела бетонно-спокойная. Ну, а третий раз – это когда в дверь позвонил мальчишка-сосед по лестнице и через заевшую цепочку взволнованно протараторил, что муж «Нины Алексеевны», помогавший вешать в их квартире люстру, «вдруг упал и не шевелится» – и надо было только сделать три шага по площадке; она помнила, как спокойно сделала их, а сердце меж тем превратилось в сгусток запёкшейся крови... Точно таким же оно ощущалось и теперь, что значило: волноваться не о чем. Волнуются ведь, когда не знают, чем кончится...

Сколько она себя помнила – там всегда было солнечно, на их даче. Даже странно – ведь пасмурных дней в году случалось не меньше, а больше, как и всегда на Балтике! Но даже ненастные дни виделись отсюда, с этого края жизни, полными света, вот в чем дело! Прямо от их дома, через засыпанную хвойными иголками дорожку, открывался пологий спуск к дикому песчаному берегу Финского залива – здесь, за Кронштадтом, его воды остались такими же чистыми и прозрачными, как в прежние времена, когда еще не построили дамбу, погубившую севернее все живое в некогда кристальной воде... Дети на бегу срывали одежду, сбрасывали сандалики – и с размаху плюхались на мелководье, где меж полосато-розовыми ракушками брызгали в разные стороны перепуганные мальки.

На участке у них давно уж отвели особое, торжественное место для костра, и тёплыми июльскими вечерами все окрестные дети пекли под руководством Нининого папы картошку в раскаленной золе – какое там теперешнее барбекю, тогда и слова такого не знали! – и в свои упорно округляемые шестьдесят Нинон все ещё была твёрдо уверена, что вкуснее тех черных снаружи и рассыпчато-желтоватых внутри картофелин, посыпанных крупной солью и достававшихся каждому

строго по одной (больше – это уже превратить праздник в обычный ужин!) нет и не может быть ничего на свете!

А ее первый и единственный охотничий трофей! Поздней осенью, уже, наверное, на пороге декабря, папа, неустанный ходок по лесу, знаток языка растений, повадок грибов и лесных примет, взял с собою на дачу в выходные семилетнюю Ниночку, обещая показать ей, как засыпает лес... Но Нина, всегда, вообще-то, послушная, на сей раз с чего-то решила напроказничать – и в знакомом, казалось, перелеске, тишком удрала от родителя, занятого осмотром свежего лосиного следа. Она тихонько потрусилась прочь, зажимая ладошкой трепещущий на губах смех и представляя себе, как беспомощно начнёт озираться её большой неуклюжий папа, когда заметит, что дочки рядом нет, – и случайно отбежала на такое расстояние, что папиного тревожного зова («Где ты, проказница? Зачем пугаешь папку?») не слышала, хотя, по её расчётам, он давно уже должен был оглашать собою весь лес. «Папа... – нерешительно позвала тогда девочка, сдаваясь без боя. – Я здесь!.. Я никуда не делась!..». Она тотчас с облегчением услышала, как отец продирается к ней справа через густой непроницаемый осинник – и стремглав дунула в ту сторону, чтобы не успеть испугаться лесного одиночества. С громким треском они рвались друг другу навстречу, вот уже большая тёмная тень видна сквозь частые ветки – «Папа!!!» – но вместо родного лица недосыгаемо высоко над головой Ниночки неожиданно возникла огромная и длинная звериная морда! Коричневая! Шерстяная! Зажмурив глаза и зажав ладонями уши, первоклашка завизжала так, что ей показалось, будто голова ее сейчас взорвётся от этого пронзительного вопля – и, перекрывая его, животное тоже страстно, истерически вострубило – а потом, ломая ветки, давя плашмя падавшие тонкие деревца, бросилось восвояси, оставляя за собой в чащобе широкий пролом... «Нина-а!!! Нина-а!!!» – как только, истратив весь воздух из лёгких, девчонка замолчала, раздался стремительно приближавшийся голос отца... Когда он достиг места недоразумения, ему и объяснять ничего не потребовалось. «Лось, – констатировал папа, быстро оглядевшись. – Они сейчас как раз рога сбрасывать начинают.

Занят был сохатый – вот и не сразу тебя заметил... Пстой-ка...» – и он уверенно направился по следу удравшего зверя. «Так и есть! – послышался весёлый крик буквально через пару секунд. – Ну-ка, ну-ка...». И, когда Нина подбежала к отцу, он уже шёл по тропе обратно, со смехом протягивая ей два огромных, похожих на деревянные крылья лосиных рога: «Сразу оба выломал! Ну, ты, дочь, – сила! Так зверя шуганула, что он оба рога за раз потерял, когда спасался! На, держи! По праву твои трофеи – можешь гордиться!». Она схватила было один – но сразу уронила: такой тяжёлый оказался! Трофеи домой нес папа, то и дело начиная смеяться на ходу... Скоро он приделал рога на лакированную дощечку, и они много лет провисели в их городской квартире над входной дверью, а гордый хозяин дома всякий раз сообщал тем гостям, которые случайно не знали: «Это Нина лося завалила. Личный ее трофей – я ни при чем...».

Он умер двадцать один год назад, мама – семнадцать, муж – десять, и только тогда дочка Люда вышла, наконец, замуж. Тридцатилетней, застенчивой, безнадёжной. Зять Нинон не нравился категорически (постоянной работы нет, все время какие-то ненадёжные халтурки, дома то густо то пусто – что за мужик?!), и она постоянно ловила себя на мысли: «Все равно разведутся». Но не развелись, Люда как-то притерпелась – вернее, желая подольше оставаться в уважаемом замужнем положении, безропотно содержала благоверного всякий раз, как он сидел без заказов, – хотя, надо сказать, был он поначалу нетребовательным – просто никаким. Тогда смирилась и Нинон, в свою очередь, додумавшись до того, что второй брак дочке её заказан, а этот совсем уж неудачным не назовёшь: все так живут, невелика печаль. Тем более что родились близнецы, требовался отец и кормилец... Сначала Нинон охотно нянчилась с карапузами, но вскоре теснота стала раздражать и мучить всех пятерых, а там и лето всевыручающее пришло, переехали, как обычно, на дачу... Дочь с детьми пробыла до осени, а Нинон, к тому времени уже молодая пенсионерка, все медлила

возвращаться домой: по вечерам с удовольствием топила хворостом свой нарядный, расписными изразцами выложенный камин (на него в своё время крупно потратились строго ради романтики – отопление не он, конечно, обеспечивал, а котёл в подвале), читала что-нибудь спокойное, укрыв ноги мягким пледом, иногда подолгу заглядывалась на огонь, опустив книгу на колени, в полдень бродила меж сосновых стволов, прислушиваясь к высокому гуду ветра в кронах, – и отправилась в город только испугавшись первого снега. А в Петербурге вновь начались мелкие пакости и подставы со стороны вкусившего без неё воли, малопомалу распускаявшегося зятя, что влекло слезы детей и горькие слова дочери, а Нинон, видя очевидные нестроения, не могла не вмешиваться... Словом, снег ещё лежал под деревьями в низинах, как выпотрошенная из старого одеяла вата, когда она снова уехала в свой дом на заливе и, пережив дочкин летний приезд с сыновьями, становившимися месяц от месяца все голосистей и неуправляемей, всерьёз задумалась о возможной зимовке...

Так случилось, что зимовали уже вдвоём. Осенью она случайно разговорилась в любимом «верхнем» (имелся ещё и не такой уважаемый «нижний») магазинчике с вполне приличной дамой-ровесницей, чьё лицо за годы примелькалось: то загорающей на пляже её видела (варикоз и слишком закрытый купальник – мастэктомия?), то на вокзале (проводжала толстую тётю с оравой дошколят – богатая бабушка?). Выяснилось, что дама снимает здесь комнату у подруги вот уже лет восемь, а однушку в Питере, наоборот, сдаёт, потому что у залива жить – здоровее. (Нет, не замужем, не была и не стремилась – носки по всему дому, да ещё и приставания грязные терпеть – б-рр; грудь – да, оттяпали одну, когда ещё молодая была, тьфу на неё; детей нет – все равно благодарности не дождёшься; толстуха с выводком – племянница, дура круглая.) А теперь подруга собралась замуж – ну, и попросила её, конечно... Испугалась, что отобьёт драгоценного... И вот она судорожно ищет новое жильё, но чтоб с комфортом, не как-нибудь... Нинон, назначив плату весьма умеренную, пригласила Викторию Петровну пережить с ней зиму – для пробы, так честно и сказала: мол, если стерпимся... И не только

стерпелись, чуть к весне не сроднились! Обе учительницы, только Нинон – бывшая «историчка», а Вика оказалась – «француженкой», но, слава Богу, – гуманитарии, хоть поговорить могли по вечерам – о течениях в искусстве и белых пятнах истории... Кроме того, у новоявленной квартирантки оказался жёсткий, почти мужской ум и крепкая рука – так что те мучительные обязанности, что когда-то исправно несли отец и муж Нинон, как-то сами собой, постепенно перешли к новой жилище – и вдруг волшебным образом едва ли не на четверть сократились коммунальные траты, почтительно кивали и споро делали своё дело вызываемые то по тому, то по другому поводу работники – а не болтались развязно и требовательно по дому и участку, заставляя хозяйку униженно им прислуживать, как то бывало в пору её неумелого правления... Даже Марсик, почуяв рядом нешуточную силу, быстро передумал очериваться! Все кругом вновь чётко и слаженно заработало, предметы, словно матросы, слушаясь бывалого и спуска не дающего боцмана, вдруг оказались каждый на своём месте, готовые немедленно заступить на вахту... Любо-дорого было взглянуть! Постоялица обосновалась внизу, в двух смежных тёплых комнатах, а Нинон, поколебавшись, все-таки предпочла жить со своим псом наверху – все из-за той утеплённой лоджии, где за десятилетия привыкла, встав поздним утром и даже ещё не умывшись, постепенно пробуждаясь и обретая ясность ума, пить крепкий кофе с сахаром и густыми сливками, шуриться на далёкий кусочек горизонта, то бирюзовый, то стальной, то жемчужный – и с ни разу не изменившим сердечным трепетом ждать, когда важно пройдёт по нему корабль, загадывая, будет ли то белый пассажирский красавец или всего лишь трудовая черно-серая баржа... Так, особо друг-другу не докучая, но незаметно спасая от ночных страхов и вневременного одиночества, просуществовали бок о бок девять осеней, зим и вёсен – а на лето Вика неизменно уезжала к родственникам на Кубань, освобождая место Пете с Пашей, а также их матери, уже почти сходявшей в своих одноцветных бесформенных одеяниях за ровесницу Нинон... Ну, что ж – Вика вернётся, и ждёт её дурной сюрприз: опять придётся искать себе квартиру. Таковую идеальную, понятно, найти заказано, но... ничего

незаменимого не существует. Бывает только не заменённое вовремя...
Ну, а дочка с внуками пусть теперь ездит летом на тёплые моря...

Какие там моря, Господи! Нет... Все-таки совсем спокойной
оставаться никак не получалось.

Конечно, черная судейская мантия безжалостно превращала эту усталую, некрасиво постаревшую женщину в зловещий монумент. Нинон уже ни минуты не сомневалась, что это надёжно забытый персонаж из прошлого – ах, увидеть бы её без этой странной драпировки, без узких прямоугольных очков... Если бы недавно встречались – она бы поднапряглась и вспомнила, но нет – значит, искать следовало в глубоких подвалах памяти, уже доверху забитых ненужными образами... Ну, вот зачем, скажите на милость, ей этот молодой человек, стриженный «под пажа», губастый и длинноносый, который лет тридцать тому назад, не поднимая головы, читал толстую, завёрнутую в газету книгу, сидя в метро напротив нее? А ведь словно сегодня видела! Или тот невидный дядька в рваной тельняшке, протянувший: «Ё-олки зелёные...», когда Нинон, выходя из «нижнего» магазина позапрошлой весной, споткнулась, и, задев фонарный столб пакетом, разбила банку маринованных огурцов?.. Никогда ведь не всплывут больше в ее жизни, никчёмные, пустые фантомы... А судья... Где, где, где они в этой жизни встречались? Понятно, что были тогда моложе, стройнее, морды глаже, а волосы – так и вовсе другой длины и цвета... Вот что-то совсем близко, уже брезжит, как рассвет после долгой мучительной ночи... Соседка по номеру в гостинице? По столику в санатории?.. Близко, горячо! Ну же!!! Нет, не достать... Зовут ее Анна Владимировна... Фамилия все равно какая: женщина сколько угодно раз может её сменить... Анна? Анечка? Не было в ее жизни ни одной Ани. Ошибка? Нет. Потому что глубоко внутри – твёрдое, осязаемое знание. Только подцепить его, но... Надо ли цеплять? Ну, вспомнит она, что с этой женщиной, тогда какой-нибудь смешливой кудрявой хохотушкой, ехала, допустим, в год московской Олимпиады на юг в одном купе скорого поезда – и что? Подкараулить у

служебного входа, поведать сию страшную тайну и на этом основании попросить решить дело в свою пользу? Мол, по старой памяти... Только представив себе такую сцену, Нинон внутренне скорчилась.

«Судебное заседание объявляется закрытым», – и только мантия мелькнула. Как вороново крыло птицы смерти. Осталось последнее заседание, на котором будет объявлено решение – глаз не поднимает адвокат Илья. Хороший мальчик: хотя и знает, чем кончится, а бьётся, как маленький смелый зверёк с ядовитым змеем. Прямо Рики-Тики-Тави, даже жаль его...

Себя пожалей, дура старая.

И сразу так стало жалко – до слез, до мгновенной истерики! Ничего не видя и не желая обдумывать, чтоб не перерешить не ходу, Нинон вдруг грузно метнулась вслед розовому пиджачку представительницы истца, уже легко, вприпрыжку одолевшей поллестницы:

– Пойдите! На пару слов... – и задохнулась: не молоденькая, все же, за газелями длинноногими гоняться.

Та терпеливо ждала, пока прыткая крашенная бабка продышится, лишь раздражённо вздрагивала беспокойная жилка справа на тонкой шейке... Полоснуть бы ножичком.

– Послушайте... Я понимаю, что от вас – ничего не зависит... – сгорая от унижения, не своим, глухим голосом заговорила Нинон. – Но человек же вы... Поэтому просто – скажите ему, чтобы он понял... Ведь эта сотка для него – ровно ничто... Ровно! Потому что теплицу куда угодно можно... Куда угодно... А у меня – вся жизнь... То есть, просто хоть топиться иди... Мне ведь некуда – совсем, понимаете? В квартире – маленькой – дочь с семьёй, зять... Ненавидит... Мне хоть на вокзал, хоть в подвал, понимаете? В бомжихи!.. А вашему клиенту – без разницы... Вы только скажите! Может быть, он вспомнит, что мы – люди, что нельзя так – с людьми... Явиться ниоткуда и всю жизнь искалечить! И

вообще... Он ведь только ради принципа судится... А мне – умирать? Нет, скажите, – умирать, да?

– У меня – работа, – спокойно и даже мягко сказала девушка. – Работа, за которую мне платят деньги. Ра-бо-та, понимаете? Адвокат нужен для того, чтобы суд – выигрывать... Это понятно? А вы хотите, чтобы я уговорила клиента забрать заявление накануне заседания, на котором будет объявлено, что он выиграл дело. Вы понимаете, что именно вы просите меня сделать? И, надеюсь, не обидитесь, если я этого – не сделаю? – она смотрела мимо, видимо, все-таки наблюдая отдаленные всполохи совести, но больше ничего не сказала.

Да и порыв у Нинон прошёл, внутри как отпустило. Рядом оказался печальный Илья, и ей подумалось, что он её сейчас отругает за малодушие, за бесполезную и, в конечном счёте, смешную выходку – но парень по-взрослому пожевал губами и тихо сказал:

– Может, и правильно... Во всяком случае, теперь вы знаете, что сделали абсолютно все, что могли. И с юридической стороны и, так сказать, с гуманистической... Ну, что ж, получим на руки решение, а там будем дальше думать... В конце концов, обжалование никто не отменял.

– Не будем, – пробормотала Нинон, – думать. Уж больно мысли ужасные...

На последнем заседании после знаменитого: «Встать, суд идет!» неизменная секретарша – сонная мышь в вечнозелёном – садиться уже не предлагала. Фигура судьи возникла над кафедрой, словно сама собой, черные крылья мантии дрогнули, выпустив на свет божий две крупные неженские руки, державшие тощую пачку бумаги. Не поднимая глаз от текста, вершительница судеб, распорядительница жизни и смерти заговорила неожиданно тихим и тусклым голосом, без малейшего предисловия, а также выражения, пауз и запятых: «Оглашается решение... Именем Российской Федерации... Двадцать третьего июля,

две тысячи...». Одна из многих обнаружившихся за последние пару месяцев внутренних Нинон, коренным образом друг от друга отличавшихся, ни за что не хотела напрягать слух, чтобы разобрать едва слышную скороговорку, а другая вдруг остро подумала: «Это не только Марсику и мне конец, но и Людочке – тоже. Ведь дом-то, в сущности, единственное, что было у неё до этой минуты...». «...в составе председательствующего судьи... при секретаре... рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело номер... по иску... о признании собственности... установил...» – как сквозь вату, доносилось тем временем до Нинон основной и главной. Странные мысли прерывисто мелькали у неё... Кто бы теперь поверил, что Людочка после школы хотела стать дизайнером... Отец запретил ей тогда – да и мать поддержала: что за профессия такая? В начале девяностых это вообще дичью какой-то казалось... Они и выступили, как благоразумные родители, единым фронтом: «Сначала получи нормальную специальность, а потом занимайся, чем хочешь!». Ещё бы: страна только что распалась на части, казалось, надёжный диплом – единственный шанс остаться на плаву... Кто ж знал – провидцем надо было быть... И муж этот её – урод, прости, Господи... А что, лучше было бы, если б она студенткой, на третьем курсе, за того одноклассника выскочила, как там его... Ещё патлы до плеч носил, стихи писал дурацкие и на гитаре брэнчал – хором сказали тогда с отцом, даже не сговаривались: «Несерьезный юноша, не пара тебе. Поддержки от нас не жди». Ослушаться не посмела, потому что всегда тихая, домашняя была... А может лучше, если б вышла за него... Нет, нет – не враг же она родной дочери... С раздолбаем что за жизнь? Но погасла после этого Люда, к двадцати пяти годам уже совсем погасла, и дальше жила, словно по инерции... Потом, когда дети появились, показалось, что вот он, смысл жизни: сейчас посвятит себя им – и наладится... Но и дети у неё шли будто через силу, как тяжкая обязанность... Срывалась, визгливо орала на них, щедра была на подзатыльники... И мужем особенно заниматься не хотела – тоже из последних сил по его делам носилась, лишь из страха, что иначе совсем не нужна ему станет, да и бросит на раз-два... Вся в болячках не пойми откуда, вечно врачи какие-то, обследования,

желчью рвёт, кожа шелушится, ноги опухают... А вот летом на дачу приедет, толстые вязаные кофты свои снимает, наденет сарафан – ярко-оранжевый с синими-синими колокольчиками... Щеки начинают золотиться, сквозь лёгкий загар проступает что-то похожее на румянец... Плавает с мальчишками – да азартно так, Нинон даже несколько раз слышала, как смеялась... Грибов, бывало, полные корзины притащат: смотри, смотри, красавец, да?! а этот?! Все. Единственную отдушину ей теперь перекроют... А если совсем без отдушины жить... То это значит и не жить вовсе. У кого отдушины нет – те быстро умирают. Так и они с Людой умрут. Неважно от чего. На самом деле – от неизбежной печали...

Нинон очнулась: усталый голос судьи все так же монотонно и равнодушно сеял слова: «...заслушав стороны и допросив свидетелей, проверив письменные доказательства, суд приходит к следующему...».

Она, конечно, вспомнит, где встречала эту тётку, – но потом, когда это уже не будет иметь никакого значения – как, впрочем, не имеет и сейчас. И окажется, что они когда-нибудь стояли каждая за своим килограммом колбасы в одной очереди в девяносто первом, когда отоваривали растреклятые карточки, поочередно бегая в изгаженный подъезд греться у чуть тёплой батареи... Или вместе выгуливали собак на пустыре – много лет назад у них в семье жил бестолковый розовый пудель... Или... Как же много этих «или», оказывается! Да может, просто дорогу она этой женщине когда-то показала, прошла с ней рядом сколько-то по зимней грязи, весеннему льду или сквозь оглушительную пургу, как Вожатый с Гриневым... При этой мысли Нинон вдруг как кипятком окатило: не горячо – жжёт! Горит! Вот сейчас! Но не успела.

– ...Никаких иных доводов в обоснование своих требований истец суду не предъявил. Оценивая собранные по делу доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу об отказе в удовлетворении иска, – в тот же миг четко услышала она.

Одновременно адвокат произвольным движением резко и больно стиснул ей запястье – и остаток судейского спича потонул для

Нинон в попытках высвободить попавшую в железный капкан руку. «Что это... Что это... Как... Как такое может быть... Ослышалась... Не поняла чего-то... Сейчас Илья объяснит... Не может же быть... Невозможно же...» – трепыхалось в ней что-то маленькое и щекотное, будто она ненароком проглотила живую бабочку.

Напротив здания суда меж двух внушительных банков нахально втиснулась крошечная кофейня из разряда дорогих и невкусных. Но заведение уверенно процветало за счёт наскоро перекусывающих канцелярских крыс, заедающих поражения проигравших истцов и ответчиков и облегчённо выдыхавших за чашкой кофе победителей. Таких, какими негаданно оказались адвокат Илья и его опешившая клиентка, которую он еле довёл под руку до столика, побаиваясь всерьёз, как бы с этой молодящейся бабулей не приключился на радостях инфаркт.

– Не посмеют! – в сотый раз втолковывал он. – Да и не даст это обжалование ничего! Потому что судья их, можно сказать, поймала на взятке! Ну, и баба, а?! Кто бы мог подумать! Такой пофигисткой казалась замотанной... А взяла – и послала запросы. Свободно могла этого не делать, свободно! А вот сделала же! До сих пор не могу понять, что ею двигало...

– Точно нельзя ничего переиграть? – как заведённая, продолжала выпытывать Нинон.

– Да они не рискнут даже попытаться, потому что это же статья – уголовная! – вскричал, исходя юношеской радостью, адвокат.

И вновь он принимался растолковывать подопечной: мол, догадавшись, что часть доказательств истец, решивший для верности подстраховаться, попросту купил, судья отправила в соответствующие учреждения официальные запросы, призванные подтвердить или опровергнуть происхождение документов. Поступили ответы,

заставившие призадуматься – а вернее, признать ключевые доказательства «недостоверными», что и позволило решить дело в пользу уже голову на плаху положившего ответчика... Попытаться обжаловать решение? Ну, уж нет – не самоубийца же истец, чтобы из-за ничтожной спорной сотки, которую попытался схватить наудачу с лету, теперь рисковать получить себе на голову уголовное дело! Нинон может жить спокойно и ничего не бояться: её отец не перевернётся в гробу, дом когда-нибудь, как он и мечтал, любовно кладя один кирпичик на другой, перейдёт к родным внукам и правнукам! Ну, а Марсик... Тот останется с обожаемой хозяйкой весь свой короткий собачий век – сколько там доброй судьбой ему отпущено... Даже не знает тварь Божья, чего избежала, не радуется, живёт себе и живёт...

- И все-таки не понимаю, – после паузы пожал плечами Илья. – Другой судья и глазом бы не моргнул: раз приобщил – достоверно. А уж как добывали – не его дело. Странно. На оголтелую правдолюбницу, вроде, не похожа, а вот поди ж ты... Вы не знаете?

– Это вы деликатно спрашиваете, не дала ли я ей потихоньку взятку? Или, как у вас говорят, не «занесла» ли, да? – тихо сказала Нинон. – Нет. Мне бы и в голову такое не пришло. А и пришло бы – не умею я этого... Да и где денег взять... – она бесчувственно отхлебнула остывший кофе.

Нежно звякнул колокольчик у входной двери, и в кафе вдруг появилась зеленая секретарша с круглыми мышинными ушами и мелкими, вперед торчащими зубками. Она сразу же деловито устремила к их столику и, вплотную приблизившись, быстро положила на стол перед Нинон вчетверо сложенный лист бумаги. «Вам просили передать. Сказали, вы поймёте», – глядя в сторону, прошелестела она и тотчас же скорым шагом отправилась восвояси. Илья и Нинон в замешательстве переглянулись; она все не решалась развернуть послание.

– Смелей, – шепнул он, косо улыбаясь. – Там не может быть ничего страшного. А вы – прямо как... Как бомбу, как ежа, как бритву... какою-то-там-острую³... Читайте, не бойтесь.

Но читать оказалось почти нечего. В центре страницы было неумело нарисовано что-то вроде детской шубки с мохнатым воротником, к рисунку тянулась жирная стрелка с надписью печатными буквами: «Норка». Илья изумленно пялился на картинку:

– Бред... – пробормотал он. – Тулуп какой-то... Норковый...

Нинон не знала, что можно заплакать – вот так: только что не было ни одной слезы, и вдруг – целый водопад. Прорванная плотина.

Почти сорок один год назад в самом рядовом и оттого страшном ленинградском родильном доме в послеродовой палате их оказалось пятеро. Первой поздно ночью привезли на каталке Нинон, обессиленную и ещё полубезумную от пережитой нечеловеческой боли, и, как бревно с телеги, скатили на продавленную койку, привычно покрыли – сначала тощим одеялком, а потом – беззлобным матерком, необходимым, даже ободряющим... Она все тщетно пыталась вызвать в памяти образ своего новорождённого ребёнка – но там мелькало только что-то неожиданно бордовое и несимпатичное, с толстой жёлтой коркой на огромной неровной голове... «Девку родила, девку! А ну, повтори – чего пялишься, малохольная!». Интересно, у той акушерки вообще не было детей, или она в первую минуту после родов уже в пляс пустилась?

Дверь в палату открывалась в ночи ещё четыре раза, и с железным грохотом, разрывая самый сладкий в жизни, мужчинам неведомый послеродовой сон, вкатывались лязгающие каталки. Сквозь ресницы

³Искаженная цитата из стихотворения В. Маяковского «Стихи о советском паспорте»; в оригинале: «Как бритву обоюдоострую».

Нинон наблюдала, как няньки сваливали родильниц на кровати, точно так же уютно поругивая их за беспомощность, но последнюю снимали с осторожностью, в постель укладывали вдвоём, и витало странное слово «кесáрка»... Уже утром выяснилось, что таково в этом заведении было милое «домашнее» прозвище женщин, перенесших кесарево сечение. Днём знакомились, обживались; те, кто уже сумел подняться, подносили остальным сырой воды из-под крана, по стеночке добирались до уборной в дальнем конце коридора... Порадовало, что в палате подобралась ровесницы, все студентки-старшекурсницы: Нинон-училка, Наташка-журналистка, Ленка-инженерша, Катька-музыкантша, а «кесáрку» звали Ануш, и она заканчивала юридический...

- Армянка ты, что ли? – поразилась, помнится, Наташка, изумлённо оглядывая золотистые кудри юристки.

- Да нет, какое... – лёжа, махнула рукой та. – Муж у меня армянин, вот и зовёт на свой манер. Ануш да Ануш – привыкла...

Так все они и стали называть новую знакомую. Жизнь в послеродовой палате тяжелая – только кажется, что свежеиспечённые мамы купаются в солнечном счастье и полны радужных мечтаний. Ничего подобного: здесь царит, прежде всего, страх. Любая вменяемая женщина знает, что в тот же миг, когда рождается первенец, в сердце вступает животный страх за него – и остается с матерью до конца дней. Этот страх – самое неожиданное, что приходит после родов, когда ждешь – облегчения... Как он там, в огромной детской палате – один, без мамы? Хорошо ли смотрят за ним, не проспит ли какой беды беспутная или пьяная медсестра? Принесли кормить – почему красное пятнышко на щёчке – заразили уже чем-нибудь? А почему молоко не сосёт, спит – заболел? Кричит-надрывается благим матом, грудь не берет – умирает?! Замотан туго, на голове белая тряпка, сам похож на батон в пакете – почему нельзя распеленать и посмотреть ручки-ножки: а вдруг там не все пальчики?! А эта стерва-сестрица, как смеет ходить на каблуках, неся по свёртку с ребёнком на каждой руке, – здесь же линолеум скользкий и протёртый – вдруг оступится, упадёт и детей уронит?! Страх, страх,

страх... Вот утром заходит в палату педиатр – пять пар пронзительных глаз впиваются ей в лицо: ничего с моим не случилось за ночь?!

Следующая за страхом – боль. Унизительная физическая боль, у каждой своя. Сразу же начинаются проблемы с грудью: у кого-то она твердеет и не даёт молока, в попытку превращается кормление, у кого-то – невыносимое жжение, когда малыш берет грудь – тоже пытка, почти у всех – наложены довольно грубые швы на самые нежные и сокровенные места: не перевернуться, не сесть, в туалете кусаешь губы...

Сон – поверхностный, потому что страх и боль делают своё дело, разговоры – отрывистые, редко кто успевает или хочет выворачивать душу такой же усталой и больной, своим встревоженной соседке...

У Ануш, например, начинались нестерпимо болезненные схватки в животе во время кормления – она вскрикивала, насильно отбирая грудь от своего мальчика, сразу чувствовала себя виноватой, закусывала губы, возвращала её – и, оскалившись, запрокидывала голову, скрежеща зубами и едва сдерживая стоны; слезы сплошь заливали лицо. Нинон несколько раз в день видела это, потому что Ануш лежала прямо напротив – ужасно жалко было её! Врача, забегавшего утром, словно ветром на мгновение занесённого, спрашивали, конечно, – всей палатой, но... «После кесарева – в порядке вещей» – вот и весь ответ...

Ануш последняя начала подниматься с койки – ничего удивительного, с заштопанным-то брюхом! – еле ступала, согнувшись, иззелена-бледная... Но, с некоторой завистью замечала Нинон, эта девушка в благополучные свои времена могла считаться красавицей – просто чудом! Волосы ее отливали тусклым золотом, вились упругими крупными локонами, черты лица были одновременно тонкими и мягкими, что создавало волшебное впечатление красоты и доброты, редко на одном лице соседствующих, а тут вполне уживавшихся... Глаза с густыми русыми ресницами являли, как и положено у обладательницы золотой гривы, прозрачно-голубой раек – никакого диссонанса... Неудивительно, что армянин её замуж взял: именно такая красота

цепляет южных мужчин, это уж проверено... Тихая-тихая была Ануш, все больше лежала, иногда приподнимаясь и более-менее безуспешно взбивая комковатую казённую подушку, особенно не разговаривала – верно, просто измоталась и мучилась очень. Понятное дело, ей не докучали: сами тоже долгих разговоров не вели – так, о мужьях немножко, об институтах... Нинон, например, своего – того, первого не-мужа – кляла на чем свет, обещала, смеясь, когда-нибудь во сне подушкой придушить... Пережидали тяжёлые эти дни кто как умел, а вообще считали часы до выписки...

Накануне того дня, как выписаться четверым, Ануш только ещё сняли швы: понятно, что несчастных «кесáрок» держали в больничке на пару дней дольше. За ней приехало в палату огромное чёрное кресло на колесиках, под управлением громкоговорящей неохватной бабы, – и увезло на гремучем грузовом лифте в какую-то полумифическую «вторую перевязочную»... Стоял весьма морозный январь, но в палате шел сухой жар от батарей, слишком часто проветривать – из-за малышей – боялись, поэтому все сидели в одних рубашках, так и отправили ее, безропотную, в неизвестность – в рубашке же... Такая худенькая была, что в громоздком кресле смотрелась котёнком, забившимся в угол. Отправили и забыли: привезут, когда нужно будет... Сами лихорадочно тёрли общим розовым обмылком головы над палатной раковиной, наивно охорашивались, готовясь к завтрашней встрече с родными и любимыми... И понадобился Нинон для какой-то цели кусочек бинтика – подвязать, что-то припала охота или ещё зачем-нибудь – теперь, сорок лет спустя, разве вспомнишь... Она помыкалась по этажу, натываясь всюду на запертые двери и, запахнув халат поплотнее, вышла на лестницу... Правда, то, что по инерции называли они в этом недоброй памяти учреждении халатом, на самом деле являлось странной полуверхней-полудомашней одеждой универсального размера и длины (кому до пят, а кому только-только до коленок); в одеяние, выданное после родов Нинон, свободно поместились бы ещё две такие же, как она, и ниспадало оно до худых её щиколоток. Поясов (как, впрочем, и вилок, и ножей, чтоб друг дружку невзначай не перерезали) родильницам не

дозволялось, будто заключённым в тюрьме: считалось, что в припадке послеродового психоза женщины могут повеситься, так что приходилось придерживать полы руками... Тапки полагались кожаные, без задников и не менее сорокового размера, тоже по-своему универсального: у кого нога меньше – заведомо поместится, у кого больше – пятка чуть свесится, не проблема... Нинон тогда носила обувь тридцать пятого номера, и трудно теперь даже представить, насколько неудобно ей было идти тогда вверх по лестнице, в надежде добраться как раз до той запасной перевязочной, куда увезли несчастную Ануш.

Дверь оказалась незапертой и, деликатно стукнув по ней кулачком, Нинон скользнула внутрь... Да, теперь, стоит лишь прикрыть глаза – и легко вызвать в памяти это высокое, настезь распахнутое окно без занавески, в которое веяло ледяным ветром и мело редкими стеклистыми снежинками. Под потолком гудели, как стратегически важный завод, три длинные лампы дневного света, а у стены, на рыжей клеенчатой кушетке, скрючившись и прижав напряжённые руки к животу, лежала Ануш, все в той же проштемпелеванной ночной рубаше, давно и навечно серой от бесконечных прожарок в больничной «вошебойке». Спотыкаясь, Нинон бросилась к ней:

- Что с тобой? Где все? – подо «всеми», подразумевались, должно быть, какие ни есть медики.

- Все нормально... – выдавила Ануш и подняла искажённое болью личико.

Потрясённая Нинон увидела, что оно пепельного цвета; Ануш еле слышно продолжала:

- Швы сняли... Так больно! Я заплакала... Они и сказали... Сказали – полежи немножко, пока проветривается...

- Ладно... Поехали в палату, ляжешь в постель... Кормление скоро! – быстро приняла единственно верное решение Нинон. – Где это дурацкое кресло?

В коридоре его не оказалось, как не оказалось дежурной – и какой-нибудь другой разновидности – сестры. Вернувшись в перевязочную, Нинон первым делом прикрыла окно – ничего себе проветривание! – потом решительно сдёрнула с себя темно-серо-коричневый тёплый халат и накинула на Ануш:

- Грудь застудишь, молоко пропадёт! Подымайся! Нельзя тебе здесь долго...

Она подпихнула больную под спину и осторожно приподняла – та была лёгкая, словно детский скелетик. Только прикоснувшись к ней, Нинон почувствовала, что Ануш вся закоченела и держится еле-еле – только на остатках той удивительной силы воли, что непременно даётся каждой матери в нагрузку к первому же ребёнку. Тогда она закутала тощенькое тельце товарки в свой халат плотнее и повлекла её вон из ледяного помещения, в тёплый коридор... Кое-как, с частыми остановками, они добрались до железного лифта – но у дверей горел неугасимый красный глазок: там, в шахте, что-то долго грохотало и гулко дёргалось, но вызвать кабину все никак не получалось:

- Пойдём пешком по лестнице, – как умела, твёрдо сказала Нинон, покрепче прихватывая валковую дрожащую Ануш. – Это не так трудно, как кажется.

На лестнице откуда-то снизу ударил жестокий зимний сквозняк, и Ануш слабо засопровтивлялась:

- Ниночка, твой халат... Ты теперь сама в одной рубашке осталась... Ты тоже – застудишь... Молоко...

Одной рукой Нинон стянула ворот рубахи:

- Ничего, потерплю: авось, пронесёт. Тебе больше досталось, вообще в одних носках по бетонной лестнице идёшь. Креста на них нет, гадах...

Четверть часа они шли в палату тем путём, который даже в ужасных безразмерных тапках Нинон недавно пробежала меньше чем за минуту... В палате девчонки заохали, всполошились, принялись спасать обоих пострадавших... Наташка стала совать вилку контрабандой раздобытого кипятивильника в розетку, намереваясь наскоро сварганить строго запрещённый «вольный» чай, Катька бросилась к дверям «на шухер», Ленка укладывала и утешала вконец обессиленную Ануш... В эти минуты, когда уже подходило время расставаться навсегда, они как раз и почувствовали ту товарищескую сплочённость, которая, останься они вместе подольше, могла бы сдружить их, раскрыть сердца... Когда волнение немножко поулеглось, Наташка-журналистка взяла злополучный тяжёлый халат Нинон, кое-как брошенный на спинку чьей-то кровати, понесла его через всю палату законной владелице – и вдруг в задумчивости остановилась на пути, прижав к груди эту мерзкую бурую тряпку:

- Слушай, Ануш... А ведь это – почти такой же тулуп, какой, помнишь, спас от петли Петеньку Гринёва... Вот станешь ты какой-нибудь... – она усмехнулась, – крупной шишкой в погонах, а Нинка не выдержит – и придушит, наконец, своего козла-осеменителя... И приведут ее к тебе – в наручниках... А ты возьмёшь – да и отпустишь её на волю, потому что вовремя вспомнишь про этот заячий тулупчик...

Девчонки расхохотались было, но Ануш даже не улыбнулась. Она медленно подняла голубоватые веки, остро глянула из-под них.

- Норковый... – чуть слышно прошептала она. – Норковый твой тулупчик, Нина...

- Опять ничего не понимаю... – озадаченно пробормотал Илья. – Она что, норковую шубу за это хочет, что ли? Странность какая... Да у неё же их наверняка с десятков набёрется, всех цветов и фасонов... – Он помолчал, потом решительно вскинул голову: – Странность или не

странность – да купите вы, в конце концов, и не плачьте! Она вам, можно сказать, жизнь спасла!

Нинон тщательно вытерла слезы салфеткой, медленно и осторожно сложила листок с рисунком, раскрыла сумку, аккуратно спрятала его, щёлкнула замком, все это время сбивая адвоката с толку своей загадочной, внутрь обращённой улыбкой.

- Уже, – наконец, ответила она.

И ничего не стала рассказывать.

2 февраля 2017 г.
Санкт-Петербург

НАУМ ВИНАРСКИЙ

Родом из Украины, кандидат технических наук и изобретатель. Писать стихи, басни, рассказы, воспоминания и песни начал с предпенсионного возраста. В Харькове вышло семь сборников литературных произведений. В Австралии, куда переехал в 1912 году в г. Аделаида, продолжил заниматься художественным творчеством. Издал сказку для детей и взрослых "Гава" на украинском языке и сборник стихов и репродукций своих картин. Рассказы и эссе периодически публиковались в

Альманахе «Витражи», в журнале "Менора" (г. Мельбурн), "Австралийская мозаика" (г. Сидней) и газете "Горизонт".

Писать или не писать?

Реакция Ольги была невообразимой. Лицо покраснело, глаза покрылись мокрой пеленой. Вся поза говорила о готовности выскочить из-за стола и, набросившись на меня, задушить или стереть в порошок. Голос играл фальцетом. На шум заскочила сотрудница из соседнего отдела.

Я сидел, не смея шелохнуться. Сидел пришибленным, так как чётко сознавал, что являюсь виновником её возбуждения.

Ольга схватила со стола карандаш, нарисовала пирамиду и разделила её горизонталями на три части.

– В вершине, – с яростью бросала она мне в лицо, – Пушкин, Шекспир, Байрон, чуть пониже, в средней части пирамиды – Евтушенко, Вознесенский, Высоцкий, а в нижней части, самой большой, множество разных других, в том числе и такие, как вы, графоманы.

Затем добавила, тыкая карандашом в пирамиду и оставляя точки:

– Да я такие стихи за пять минут напишу с десяток.

То, что я не Пушкин и не Высоцкий, я догадывался и без неё. С этой частью её монолога соглашался безоговорочно. Но почему должен полностью отказаться от писания стихов, я не понимал.

Стихи приходят сами и когда им вздумается, даже во сне.

Приходят на разные темы, легкой или тяжёлой походкой, заставляя откликнуться на их приглашение. Стихи, как дети, рождаются и

больными. Но не отречься же от них. Они тоже дороги и имеют право на жизнь.

Я поздний отец. Первое стихотворение родил в пятьдесят восемь лет, поэтому вполне допускаю, что объективно необъективен и неоправданно легко соглашаюсь на их существование.

Сейчас меня удивляла вспльчивость женщины, к которой одной из первых прихожу почитать свои стихи.

– Зачем я сунулся с этими подводными лодками, – подумал я, – ведь, уже один раз у неё была схожая реакция, когда прочитал о ледоколе».

– Не пишите о том, чего не знаете, не пережили сами, – кипела Ольга.

В чем-то она права. Стихотворение о ледоколе я написал по собственному заказу. До него я писал стихи, приходившие, как уже говорил, откуда-то свыше. Но вот однажды мне захотелось написать что-то на заданную тему. Стал думать, о чём писать. Долго соображать не пришлось. Из очередного рейса возвращался зять, работавший на ледоколе «Таймыр».

Перед глазами прошли кадры кинофильмов, телепрограмм, любительские видеосъёмки северных походов, отснятые зятем и его друзьями. Стихотворение писалось тяжело, таким же тяжёлым оно и получилось.

И вот, забыв о прошлом уроке, вновь наступил на те же грабли. На этот раз принес стихотворение о двух подводных лодках:

Почему о подлодках? Отвечаю. Была четвертая годовщина гибели подводной лодки «Курск». По телевизору прошла соответствующая передача. Я смотрел на экран телевизора, а перед глазами, в который раз на протяжении моей жизни, всплывала совсем другая подлодка. Вернее, момент её гибели и смерти одного из главных героев кинофильма «Добровольцы», – фильма моей юности.

Покрытое капельками пота лицо Леонида Быкова (имя героя уже не помню). В последние минуты своей жизни он на страницах бортового журнала впервые признаётся в любви к жене друга. Какие глаза! В них любовь, горечь, тоска, жажда жизни, и нет в них только страха. Пять минут назад он сам вынес себе смертный приговор, отправив последней торпедой своего товарища на поверхность.

– Но всего этого нет в вашем стихотворении, – чеканила Ольга, – в вашем возрасте писать такие стишки, просто смешно. Пишите прозу, она хотя бы достойна прочтения. Перестаньте заниматься стихоплётством, читайте хороших поэтов, получите удовольствие.

Я опустил голову. Мне было стыдно смотреть Ольге в глаза.

– Перестаньте кричать, разве можно так реагировать,– просил я,– стихи не стоят этого, тем более такие, как вы их характеризуете. Я уходил, всё ещё понутив голову. Внутренне я с Ольгой не соглашался. Я не поэт, стихами не зарабатываю и не хожу с ними по различным издательствам. Единственное, что делаю, так это набираю их на компьютере и в виде книжек тиражом в пятнадцать-двадцать экземпляров дарю своим детям, близким родственникам и друзьям. Лишь одно стихотворение, «Мой идиш», было опубликовано газетой «Шалом», куда послал его по совету Юрия Исерова, работавшего тогда в литературном отделе еврейского культурного центра «Бейт Дан». Сейчас начнётся не самая скромная часть моего повествования. Начну с вопроса: «Когда считать стих удавшимся или вообще стихом?» Мои стихи читали или слушали не только те, кто знаком со мною. Они попадали и в руки тех, кто меня абсолютно не знал. Отзывы приходилось слышать разные. Начиная от «Ой, я читала и плакала» или: «Так зачиталась, что проехала лишних три остановки» до полного молчания или разгрома, как сделала это Ольга из самых лучших побуждений. Как я должен относиться к её критике, если, поднявшись двумя этажами выше, услышал от Иры совсем иную оценку написанному.

– У меня даже по телу мурашки пробежали,– подытожила она. Ирину знаю давно, в её искренности не сомневаюсь. Не раз прислушивался к её замечаниям.

«Писать или не писать?» – вот вопрос, мучивший меня до ближайших выходных дней, пока не сел в любимое кресло в саду на веранде. Я не знаю первого владельца этого кресла. Как мне кажется, он был добропорядочным и гостеприимным хозяином. Мне в кресле тепло, уютно, а главное, в нём легко думается и пишется. Оно обладает какой-то магической силой. Может я и писать начал оттого, что когда-то сел в него.

Подобрал я кресло однажды у подъезда своего дома. Привёз на дачу, починил, сделал подлокотники и обил другой тканью. Когда в него сажусь, возможно, поэтическая душа предшественника начинает нашептывать мне строчки будущих стихов или рассказов.

На этот раз, собираясь на дачу, прихватил с собой сборник стихов Феликса Кривина «Круги на песке». В них тот же юмор, пронизательность и непохожесть, как в его, нашумевших когда-то, «Полусказках».

Не дочитав книгу до конца, прервался: в голове уже рождался новый стих:

*Кому-то ветер дует в паруса,
Овеянные сказкой или былью,
А я ослеп на миг: он мне глаза
Засыпал мелкой придорожной пылью.
 Не зря воздушные шары даны,
 И свежий воздух катится с вершины,
 А я запачкал руки и штаны,
 Пытаясь воздухом наполнить шины.
Сияет солнце в небесах с утра,
С ним виноград, взрослея, входит в силу,
А я под солнцем (не было б утрат)
Беру на джем раздавленную сливу.
 Луна собрала под собой влюблённых,
 Там поцелуям нет конца и края,
 А я лежу пластом и, утомлённый,
 Воображением своим играю.*

При первой же встрече с Ольгой, с большой осторожностью, с просьбой послушать без всяких комментариев, прочитал стихи и ей.

Здесь ещё раз должен извиниться за нескромность и передать её слова:

– Прекрасно. Если даже сжечь всё то, что вы написали до него, вас можно назвать состоявшимся. Дайте мне, я хочу показать это стихотворение своему мужу.

Внутренне я ухмылялся. Такого поворота не ожидал.

– Люда, послушай какое хорошее стихотворение, – говорила она сотруднице из соседнего отдела, которая в тот чёрный для меня день, заскочила на шум в комнату.

Люда пила кофе и соглашалась с приятельницей. Спрашивать Ольгу: «Писать или не писать?» я не стал.

Знай наших!

Автовокзал города Балтимор, штат Мэриленд, не вызывал восхищения. Странное строение, прилепившееся к жилым домам, имело большой внутренний двор, где к платформам, как к огромной свиноматке, осторожно подползали автобусы. Насытивши свое чрево людьми, они также тихо отваливали.

Не поразил автовокзал и своим внутренним убранством. Более того, спустившись вниз в туалет, убедился, что на американскую старуху тоже бывает проруха. Разлившаяся во все стороны лужа не давала добраться до писсуара, из которого она и брала свое начало. На меня пахло таким родным и близким, что спустя двадцать дней пребывания в Америке, наконец, мог спокойно заявить: «У нас не хуже».

Ждать автобус, который должен был доставить нас в Нью-Йорк, пришлось долго. Но не потому, что он опаздывал. Просто билеты здесь продаются без указания места. Наши друзья привезли нас за два часа до отправления, так как мы хотели сесть впереди, чтобы, как можно больше, набраться впечатлениями.

В живой очереди мы с женой оказались вторыми. По одному отсиживаясь в кресле, коротали время. Чтобы размяться, вышел на улицу. Тут же ко мне подскочил чернокожий таксист и стал предлагать свои услуги.

– No, I am waiting bus to New-York. (Нет, я ожидаю автобус до Нью-Йорка).

Услышав мой выговор, он спросил:

– Are you from Germany? (Вы из Германии?)

– No, no. I am from Ukraine. (Нет, нет, я из Украины).

Лицо таксиста выражало недоумение. Я еще раз, тыкая в себя пальцем, повторил:

– I am from Ukraine, Ukraine, Ukraine,– усилил голосом я.

– Таксист смотрел на меня. В его глазах проскальзывала попытка что-то понять, но усилия оставались напрасными. Название страны, если он вообще так воспринимал это слово, ему ни о чем не говорило. Поиски в залежах памяти не приносили успеха. Он собрался уже отойти, как я нашелся и, приняв позу боксера, имитируя удар, воскликнул:

– Klychko, brothers Klychko!

– O-o-o,– протянул чернокожий,– обхватив своими ладонями мои руки,– yes, yes, Klychko, o' key Ukraine!

Он еще долго тряс мне руки, улыбался и повторял:

– O' key Ukraine!

Я стоял одновременно гордый и обескураженный: «Знай наших – играло в моей душе – хоть морды умеем бить!»

Ситуация

Александр сидел в своем кабинете и ловил кайф. В голове многократно прокручивались детали проведенного перерыва.

Вот они с Татьяной садятся в машину, предусмотрительно оставленную за углом здания фирмы. Вот они заходят в квартиру, ключи от которой дал друг Серега. И хоть он предупреждал, что хозяйка не очень опрятная, но то, что предстало взору, поразило. Немытая посуда заполняла не только раковину на кухне, но и отмокала в ванне. Когда Татьяна, наклонившись, кинулась выгребать оттуда тарелки, чашки, ее фигура приобрела форму гитары, на которой тут же захотелось играть и играть. Чувства предстоящей близости наполняли его. Нетерпение взяло вверх. Он сдвинул оставшуюся посуду в сторону и стал на освободившийся пятачок. Вода несколько охладила его пыл. Он вылез из ванны и помог Татьяне тоже принять душ. Взглядом прошелся по стенам, но полотенца нигде не было. Пришлось вытираться майкой.

Влажными они вошли в спальню. О, боже! Там, где у миллионов других граждан должна стоять кровать, или другое ложе, стояли огромные сумки, набитые турецким ширпотребом. Стояли, видно, давно, так как были покрыты толстым слоем пыли, впрочем, как и все остальное.

Татьяна прижалась к нему, то ли от холода, то ли от любовных чувств. Обнявши ее, прошелся руками по бокам, и желанья вновь вспыхнули с новой силой. Он потянул Татьяну в гостиную, но и тут их ждало разочарование. Диван едва-едва проглядывал из-под всяческого хлама, покрытого таким же толстым слоем пыли.

Последние остатки вожелений растворились и подтолкнули на рискованный шаг. Решили поехать к нему домой.

Андрей первым зашел в квартиру и оставил открытой дверь. Татьяна, поднимаясь на лифте этажом выше, быстро спустилась вниз и проскочила к нему. Широкая кровать, белоснежное постельное белье помогли быстро забыться и окунуться в прекрасный мир любовных игр. Перегоревшие было желания Андрея в полную силу вылились наружу. Долго приходиться в себя они не могли, так как пора было возвращаться на работу, да и жена вот-вот могла вернуться из двухнедельной командировки.

Андрей высадил Татьяну возле метро и вернулся в офис. Работать не хотелось. Он ловил кайф, вспоминая детали женского тела и еще и еще, но уже мысленно, гладил, целовал и обнимал его.

К нему в кабинет заходили подчиненные, он что-то им говорил, что-то подписывал и вновь окунался в негу.

От сладких раздумий оторвал резкий звонок телефона. Взволнованный голос Татьяны сообщал ему тревожную весть. В спешке она забыла в ванной комнате свои трусики.

Андрей взглянул на часы. О, ужас, возможно через десять минут домой возвратится Аня. Расплата за удовольствие неминуема.

- Что делать? Что делать? – стучало в голове.

Никогда еще ему так не хотелось встретиться с Чернышевским, чтобы задать этот вопрос. И тут он вспомнил, что единственный человек, с кем он может обсудить создавшуюся ситуацию, это Лева Черняховский из смежного отдела.

- Да, ситуация не из лучших, но безвыходных положений не бывает, - говорил Лева, накручивая на палец и так не в меру завитые волосы. Последние наставления сослуживца летели Андрею уже вдогонку. Он схватил телефон и стал дозваниваться до Татьяны. В их распоряжении было, примерно, полчаса, чтобы вернуться ему домой вовремя, как в обычные дни.

Звонок под его пальцами пел тревожно, наперед зная последующую мизансцену. Как только жена открыла дверь, в лицо полетели красные трусики Татьяны.

- Сволочь, кобель проклятый, и двух недель выдержать не смог? Убирайся вон, видеть тебя не хочу, - в истерике кричала жена.

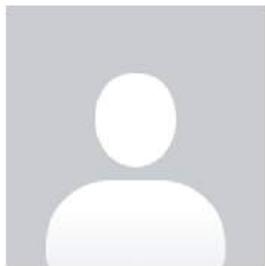
Андрей выдержал паузу в лучших традициях системы Станиславского. Затем, медленно расстегивая ремень и снимая брюки, заорал:

- Как ты могла такое подумать? Перестань меня оскорблять. Ты, уезжая на две недели, могла проследить, чтобы у меня в запасе лежало чистое белье? У тебя только работа на уме. Доимансипировалась! Мне самому пришлось покупать новое белье. Смотри, смотри, вторые на мне.

От пережитого Аня уселась на диван и заплакала. Сникшая, она продолжала всхлипывать, но вот сквозь слезы появилась и растеклась по лицу улыбка. Жена встала и поцеловала Андрея.

- Да будет благословенен тот народ, который родил такого сына, как Лева Черняховского – повторял про себя Андрей.

МИРОН ЗЛОЧЕВСКИЙ

*Мирон Злочевский – псевдоним.
Автор очень маленьких рассказов, а также
рассказов побольше и рассказов очень больших.*

РИМ

Устрицы и черепахи

Рвался в Италию, рвался в Рим — увидит картины великих, научится искусству тени у Караваджо, его работы обретут глубину, драматизм — его персонажи. Скажут: в этих картинах свет и тень живой жизни, сама жизнь в этих работах. И вот он в Риме, они пьют чай и говорят о том, что обоих волнует.

— Нет, мой друг, душа сама не откроется, разве что в последнем страдании вывернется наружу от боли корежащей и ужасной. Но художник ищет не ужаса, а гармонии, умиротворения. Через страдания проходит душа...

Они шли сверху вниз, как по ступенькам, по эпохам спускаясь, по развалинам форумов, спускались к Колизею, стены которого заросли травой и кустами, словно ракушка илом.

— Смысл пребывания художника в мире: осторожно, не приведи Господь, повредить, приоткрыть словом, линией створки, и душа, как устрица... — Внезапно умолк, в себя углубившись, то ли искал слово, то ли что-то новое его увело.

Над Колизеем кружил орел, удаляясь и приближаясь. Добычу высматривая, опускался и поднимался. Чтобы нарушить затянувшееся молчание, подняв голову:

— Орел — птица имперская.

Больше ушедшего в себя не тревожил. Подумал: нет, устрица — плохое сравнение. Заглотив, боле не вспомнишь.

На рыбном рынке все не только блестело, сверкало, сияло, но и переливалось, горело, краскам было здесь тесно, все рвалось наружу, его

догоняя, когда с пакетом устриц он уходил, ошеломленный невиданным пиршеством.

С каждой новой встречей разговоры становились все откровенней, и одновременно явственней вырастали кулисы, куда вход был заказан. Чем ярче сцена, тем темнее кулисы. Их прибывало друг к другу, как волны прибывают бутылку с посланием о несчастье, и разъединяло, как море с берегом в час отлива. Они это знали, поняли с первой встречи. И то, что один, изнемогая, грех превозмогал, а другой позволял греху собой овладеть, было не так уж и важно.

Важно было лишь то, что на обоих тяготело проклятие, и, не ожидая, когда их изгонят, они сами изгнали себя: один в тягостные краски и линии, другой — в больные слова. Оба, избевав одну боль, тотчас находили другую. Конечно, боли никого не обходят, но они были слишком открыты, и те легко их находили. Встречаясь, обо всем на свете изгнанники говорили, о самом главном, грехе страшном, невыносимом, немыслимом, тяжело, упорно молчали. В молчании находили опору — выжить в изгнании. Видно, и в грехе есть толика добродетели.

Однажды долго говорили о Риме, и он получил подарок — перебеленный отрывок о вечном городе. Прочитал несколько раз, поражаясь верно отмерянной точности, над которой витал дух этого города. Травертин, мрамор, стены, карнизы, дворцы, площади и фонтаны. Друг — он вправе так его называть — словно охотник, выходил на ловлю с утра, чтобы выловить из великолепия то, что до него никогда не видел никто, а если повезло, и увидел — воспеть не сумел, а может, и не посмел.

Чем больше сближались, тем большей натыкались они на преграду, устрично один от другого панцирями отделенные. Ценили друг в друге готовность хотя бы соприкоснуться, в откровенную минуту шершавой поверхностью панцирей потереться, о чем с другими даже помыслить было никак невозможно. Берегли друг друга, страшась боль причинить. Странно, от этого страха легче дышалось, говорилось свободней, вольнее жилось. Из близости душ прорастало ощущение, звучащее стихами юного Веневитинова, тоненькую книжонку которого он всегда с собою возил:

О жизнь, коварная сирена, Как сильно ты к себе влечешь!

Ты из цветов блестящих вьешь Оковы гибельного плена.

Ты кубок счастья подаешь, Ты песни радости поешь;

Но в кубке счастья — лишь измена, И в песнях радости — все ложь.

— Вы правы. Коварная сирена влечет, ты устоять перед зовом не в силах, ветер паруса наполняет, ты мчишься, несешься, летишь. Вот, и вас унесло в открытое море. Разве Рим пристань, мой Одиссей, разве Рим ваша Итака? Не ваша, не ваша, и, конечно же, не моя. Мы родились иными в иных краях и для иного. Наше иное — вечное странствие, вечный бег: в Итаку плывем, от себя уплывая. Для иных — и берега и воды иные, нет дома у нас и не будет. Бездомные, везде ищем дом — не находим: до нас не построили и после нас не построят. Я героя задумал бездомного, подлец, а все-таки жалко, неприкаянный, подлец не до конца. Разве можно такого жалеть? Жалеешь, значит, и не подлец. Как мы с вами — иной, как мы с вами — Нарцисс: иные не Нарциссами быть и не могут. Как иначе им выжить? За что зацепиться? Глядеть в зеркало? Дома нет, где зеркало им повесить?

Он часто видел себя, словно в зеркале, двенадцатилетним поступающим в академию: невысок, широкоплеч, голубоглаз и румян с вьющимися русыми волосами, бродит по залам и лестницам, заполненным слепками античных скульптур, ужасно прельстительных, от которых оторваться не может, поминутно оглядываясь, не смотрят ли на него. Едва поступив, загорелся идеей Нарцисса изобразить. Его Нарцисс был большим, таким, как сосед по даче. Их вместе несколько раз гувернеры водили в купальню, там его и увидел, слегка голову наклонившим, словно что-то непонятное рассматривал в светло-зеленой воде.

— Чего смотришь? Не видел что ли такое? — Нарцисс погладил курчавые волосы внизу живота и гаденько улыбнулся, а затем уже в воде приблизился, будто случайно, оглянулся — не видят ли гувернеры, и схватил в кулак. Было больно и стыдно.

Лето кончилось, боль забылась, а стыд, сомкнувшись с видением Нарцисса в купальне, шел за ним по пятам. Шел и однажды догнал. Попробовал подступиться. Начал с купальни — получалась неплохо, пруд — получился, но, как только попытался нарисовать на светло-зеленом фоне светящегося Нарцисса с родинками под сосками, все полетело в тартарары. Если грудь получалась — к ней не лепился живот, если живот выходил — ноги были чужими. Начал с головы, лицо получилось похожим, но — девичьим. Убрал длинные волосы — грубое, такое, когда больно сдавил. Что делать? Спросить отца он не мог. Попробовал рисовать у зеркала. Повзрослев, он уже походил на соседа по даче. Улучив момент, ставил мольберт у зеркала и рисовал. Ерунда! Нужен натурщик. Где найти и где добыть деньги? Не найдя ответ, от

Нарцисса он отступился. Тот не обиделся. Знал: всему свое время, и нередко мелькал то подмастерьем на улице, то посыльным из кондитерской, а когда наяву не являлся, во сне.

Там, во сне, получалось! Длинные волосы ложились на широкие плечи, две родинки под сосками темнели, курчавились волосы. Картина возникала не из частей — являлась единою, целиком. Краски не подбирал — набирал кистью одну, а из нее выходило и светло-зеленое для воды, и голубое для неба, и нежная охра для тела.

Отец отвел в Академию. Все ученики были старше намного. Они пили, напившись, дрались. До поры до времени это его никак не касалось. Он являлся в академию с гувернером и с ним уходил домой заниматься французским, получать отцовские наставления о работах, сделанных в классах, где никого не выделял: ученики казались каким-то одним несуразным чудовищем. Сам выделялся, словно голый среди одетых: смотрели с удивлением и подозрением, не веря, что рисунки его, а не отца, профессора живописи.

Со временем он обвыкся и даже выделил ученика, похожего на Нарцисса. Хотелось сблизиться, сдружиться, обо всем говорить, больше всего о Нарциссе, но знал: рассказать о купальне и о снах своих никогда не решится. Это было стыдно до боли, до жути, до мерзости, до такого, что оставалось одно — из жизни исчезнуть.

Отец не позволял никого из академии домой приглашать: тамошние нравы ему хорошо были известны. Но упросил — к тому времени они в перерывах между классами вместе прохаживались по коридорам. В рисовании приятель был из последних. Зато славился молодечеством и рассказами о своих похождениях в доме терпимости, как с жутким акцентом выговаривал по-французски: *maison de tolérance*. Льстило, что тот разговаривает с ним, как со взрослым, сообщая подробности и называя вещи словами, звучащими для его ушей жуткой дичью, ужаснейшей гадостью. Так и римские оборвыши, в отличие от петербургских жеманных, занимавшихся баловством, всё называли своими, с раннего детства знакомыми именами, которым через самое короткое время он от них научился.

Первый урок получил, едва только приехав. Спаленка была небольшой, но — два окна — светлой. Зимой будет холодно, но до нее далеко, и по утрам он беспечно, без усталости, благоговейно ходил по Риму, словно его божествам незримым молился. Заходил в магазины, казавшиеся подешевле: надо было устраиваться, хоть и не на всю тогда

еще бесконечную жизнь, однако надолго. Когда вернется к двум своим окнам, не знал, потому просил доставлять покупки наутро.

Накануне накупил он немало. Едва после умывания накинул шлафрок, в дверь постучались. Белобрысый, положив сверток, бегло взглянув на него и приняв пять чентезимо, буркнув *grazie*, исчез, дверь за собой не закрыв.

Второй был темней, медлительней и разговорчивей. Приняв монету, слегка поклонился, не торопясь положил в карман и поднял глаза, словно задавая вопрос, а потом, сообразив, что не понят, остановил взгляд на шлафроке ниже завязок. Наконец, буркнув обиженно *mille grazie*, решительно удалился, и, словно отношения прекращая, дверь за собой затворил.

Еще в Петербурге, мысленно блуждая по Риму, он представлял себе оживленные улицы, освященные историей и красотой. Шел, вглядываясь в прохожих в надежде отыскать будущих персонажей. Но чем больше вглядывался, тем сильнее представлялась иная земля, иные лица, сюжеты иные. Вот, и вчера, вышагивая, примерял встречных наглых оборвышей к чистым, просветленным отрокам Иудеи, которых задумал изобразить.

Когда дверь за последним посыльным закрылась, сев на диван, стал разбираться в его выжидательном поведении, в его ждущих не только монеты жестах и взглядах. Каким был взгляд *mille grazie*? Просительным? Вопросительным? Удивленным?

Следующий посыльный был с такими черными волосами, что его щеки без нежного румянца казались бы безжизненно белыми. Приподнявшись навстречу румянцу, ткнул пальцем, куда пакет положить, полы шлафрока слегка разошлись, и черноволосый, приняв за приглашение, опустившись перед ним на колени, произнес что-то, вопросительно в глаза заглянув и почмокав. И — краткая пауза: ежели что, отстраниться — створки шлафрока раздвинув, устрицу заглотнул. От него пахло сладковато манящей нечистотой. Под пупком — маленький шрам, словно кончиком острия нож едва дотянулся. Спросить? Не спросил. Устрица эфеба выгнулась хищно, распрямилась и, пробив невидимую преграду, вонзилась в пространство.

Еще на диване, ласковый и мускулистый, готовый натурщик начал урок, прознося слова и показывая на себе существительные, и пантомимой изображая глаголы. Было ясно: давать урок иностранцу ему не впервой. Лишь заставив несколько раз повторить урок, не спеша, степенно оделся и, приняв монеты, жестами объяснил, что его всегда

можно найти в магазине, там, где сеньор вчера побывал, на Испанской площади, возле фонтана. Его имя Паоло.

Вечный город открылся иной стороной. Его юные обитатели были не просто гораздо доступней сверстников петербургских, их не только не надо было уговаривать, они сами предлагали себя. Петербургские, униженные и оскорбленные, долго не понимали, а сказав «да», озирались пугливо. Римские, гордые и в отместку готовые оскорбить и унижить, с первого взгляда все понимали, смотрели прямо и весело. Дома были мальчишки-банщики, сперва не улыбочивые, пахнущие сеном и молоком, но очень быстро начинавшие улыбаться, как все банщики, понимающе нагло. От римских оборвышей пахло немытой и веселой заброшенностью. Монеты принимали величественно: римляне! Перед тем, как раздеться, крестились, как мастеровые, приступавшие к делу. Они были артистами с выразительными улыбками: призывными, ироничными, саркастичными, умильными, благодарными и презрительными. Петербургских, в рабстве рожденных, он соблазнял. Римские волчата, вскормленные свободой, его соблазняли.

И те и другие были спасением. Его работы хвалили, но они были не счастьем — мучением. Его собственные работы презирали его за бездарность, за тягостность ремесла. Они не любили его, как могут не любить только женщины, готовые повиноваться, но при каждом удобном случае демонстрирующие свое презрительное превосходство.

Мальчиком, когда товарищи над ним насмеялись, он знал: вырастет, обретет свободу от мерзких насмешек, от гнусного тыканья пальцами в середину его панталон, а со свободой обретет власть над женщинами и над искусством. Но ни над женщинами, ни над искусством власти он не обрел, напротив, год от года зависимость только росла. Это была мука дневная. От нее по вечерам он, спасаясь, бежал: лишь смеркалось, выходил в поисках свободы и власти, а спасенный ночными победами наутро становился к мольберту и в самые счастливые минуты пририсовывал к мальчишеским обнаженным телам без намека на устрицы девичьи лица.

Удачная охота его вдохновляла, но, когда не случалось, одолевала тоска, от которой спасался по-русски. Были случаи, когда все уже вроде сложилось, остался последний намек, последнее движение, последнее слово. И — все обрывалось. Рыбка, моргнув, сглотнув наживку, срывалась, в воде исчезая. Странно, именно такие удачи, обернувшиеся ничем, больше всего запоминались. Поговорить бы с другом об этом, но как заговоришь? Как-то при выходе из кафе на

площади, у фонтана, где выпил шоколаду на козьем молоке, попался оборвыш с исполосованною спиной. Следы были яркие, еще свежие. Спросить? Не спросил. Дал целую лиру.

Однажды, из-за деревьев глядя на мальчишек в купальне, вдруг понял: возбуждают лишь те, кого раньше представлял персонажами. Рисовал в голове, а потом встречал в магазинах, на рынках, в развалинах. Как того в Колизее: облезил от верха до низа, где гладиаторы помещались. Нагнувшись, шел под сводом, и в солнечный день там было темно. Вынырнув, протирая глаза, заметил кудрявого, которого раньше видел во сне. Хорошо одетый юный патриций, заметив его раздевающий взгляд, не стесняясь, приспустив панталоны, позвал, но, когда он приблизился, убежал. Гнался — схватить, нарисовать, из этюда переместить в центр картины. Искусство его возбуждало больше живой, ко всему плоти готовой, искусство — начало начал, остальное лишь продолжение, часто не слишком приятное.

Если плоть — это грех, воспевать ее греховно вдвойне. Но она — дар Господень. Почему же грех? А как воспевать, не любя? Дар или грех? Дарованный грех? Греховный дар? Сцилла-Харибда, нерасчленимая, как створки устрицы, которые ничем не открыть. Нет зазора наималейшего: не проскочить, свету не просочиться. Отринув дар, от греха освободишься? А если дара без греха вообще не бывает, и это воля Господня, человека волей, значит, частицей Себя наделившего? Его как отвергнуть? После этих вопросов, накатывавших волной и под собой погребавших, он терял способность работать, а значит, жить.

В Петербурге тягу к плоти эфебов признавал как нечто случайное, наносное. Подул ветер с моря — несчастья не избежать. Молись, чтобы наводнение не стало губительным. Схлынуло — живи, радуйся, веселись, стараясь не замечать поваленных деревьев, подмытых оснований домов, мусора, вынесенного рекой из грязных углов и затхлых подвалов. Рим все изменил. Понял, это не нахлынуло — улеглось. Даже не его часть — он сам: исчезнет — умрет.

Часто он ходил в гетто в поисках персонажей картины, которую кроме него ни один человек не сможет нарисовать. Возвращаясь, то взмывал, то тащился на свой пригорок, вдыхал запах роз, по лестнице под виноградными барочными гроздьями поднимаясь. Отпирая замки и засовы, проходил в мастерскую, за которой была его спальня. Жилье окружал сад, из окон спальни был виден другой, нижний, из них в душные ночи выкипали краски и ароматы.

Он мог умереть, как сказал о нем друг, для всех приманок жизни, кроме одной. Рим был его жизнью, его настоящим, а Петербург дамочным мечом прошлого и будущего над ним нависал даже тогда, когда удавалось на день-другой, как в тот солнечный день, из города вырваться на реку: воздух был влажным, шум волн, лижущих берег, сплетался с мелодией шумящего леса. Деревья, подступающие к самой реке, вдруг — словно подняли занавес — расступились, и вместе с зеленоватой водой хлынула голубизна, ослепляющая, как шампанское, пузырящаяся.

Весело, радостно, мгновенно счастливо беспредельно.

Солнечные теплые берега усеяны черепаками: большими, маленькими и крошечными, безмятежно вытягивающими из панцирей любопытные головы, светом и теплом наслаждаясь. Вслед за ними из ночных страхов и дневных неудач вытянуть бы голову к свету и солнцу. Пощупал затылок: не сломался ли от натуги. Шел по берегу, у кромки воды, волна, деликатно подкатывая к сапогам, останавливалась, не прикасаясь. Как река называлась? Не запомнилось, значит, не важно. То важно, как он ее про себя называл: Черепашья.

И в другой раз ему случилось там побывать после несколько дней бушевавшего шторма, искромсавшего лес, повалившего вековые деревья. Вначале не разобрал. А разобрав, ужаснулся. Пересыпанные песком, илом изгаженные, панцири покорежены, оторваны головы. Берега усыпаны трупами черепах, больших, маленьких, крошечных. Смотреть на это было никак не возможно. Но что-то, словно в спину толкало, иди и смотри, насыть ужасом душу. Для чего нелегкая занесла его, и в мясные ряды заходить не любившего.

С тех пор в иные, редкие дни память Черепашьей рекой в солнечный день награждала.

Но чаще являлась бедствием, ужасом черепашьим.

Он рвался в Италию, рвался в Рим. Но зачем?

Оказалось — за устрицами и черепаками.

Сны

День, как нарыв, зноем вспухал. В пыльном мареве заметил его на рынке у подножия Колизея, который былым величием возвышался над мелочным настоящим. Бойко, громко торговали мясом, рыбой, птицей, маслом, вином, фруктами, овощами, свитками и рабами. Мелькнул, поразив. Узок телом, узок лицом, словно сжатый толпой: рынок многолюден, запахами одуряет, орут зазывалы. Рыночные ряды миновав, взбежал к Титовой арке, обошел и вдоль форумов-рынков — по

направлению к Тибру. Бежал, мысль отгоняя: смешон за мальчишкой гоняться. Быстро бежал: тот стремительно удалялся, пока в гетто не скрылся.

Во сне повторилось. Многоэтажные римские здания в землю вросли, широкие дороги исчезли, на их месте возник примостившийся на склонах горы городок, не летний, жаркий, потный, разморенный, в каждом дворе каменными мельницами грохочущий, но зимний, холодный, ветренный и дождливый, каплями по крышам стучащий. Вокруг на каменистой, мокрой, тусклой земле черные сухожилия виноградников.

День базарный. В этот день обычно в единственном молельном доме собирались и местные, и приезжие, молились и, развернув свиток, читали громко, отчетливо. Но здесь, как и во всем городе, ныне пустынно.

На рынке, из-за погоды тихом, голом, сыром, мелькнул — узкотело и узколице — и вверх, мимо лавок и мастерских по узкой улице к источнику устремился. За ним, удивляясь: к источнику, без кувшина? Действительно, там не оказалось. Город пустой, весь, как на ладони, а как отыскать?

Сон прервался. Рим, юноша, неведомый миру, блажь, видение, сон. Но видел: рынок, арка, форумы, и — ворота. Вошел в моём Риме, а вышел в своем. В моем вошел времени. Скрылся в своем.

— Где живет плотник?

Редкие прохожие не знали — передергивали плечами, не хотели ответить: чужой, кто знает, что у него на душе.

Наяву потерял. Во сне не сыскался.

Рим — грубая, державная явь. Городок — нежный, ласковый сон. Не было никогда городка наяву. В жарком Риме наяву духота нестерпима. Дождь в городке сеется мелко и бесконечно. Встал — поверх одеяла что-то накинуть. Вернувшись, вовсе одеяло убрал.

Дрожал. Одежда не по погоде. Хотелось тепла — домой, выпить чаю с сахаром, с ромом. Но в городке ни дома, ни друга, к которому можно пойти обогреться. И в Риме не было дома. Где его дом?

Поскользнулся, едва не упал, поддержали, оглянулся — из-под капюшона на узком лице сверкали глаза, под правым — красноватая родинка. Ночной римский ветер шумел за окном, на горизонте — едва заметная узкая полоса. Весь рассвет ворочался, вставал, пил воду, в кресла садился, лишь, когда рассвело, под птичий гам сон возвратился.

Во сне он не спит. Во сне глубокая ночь. Они в постели вдвоем. Голова у него на груди. Смотрит, каждую ресницу запоминая. Родимое пятнышко едва заметно, но приглядишься — формы затейливой: черепаха распластала лапы и голову на коже сияющей. Дом не бедный. Входят в ворота, в которых он в Риме исчез, проходят к стене, у которой деревянная лестница: пристройка на втором этаже. Касаясь плечами, вверх поднимаются. Фитиль подкрутил — заплясали по комнате тени. Дверь плотно прикрыл — угомонились. В угол метнулся — разгорелась жаровня.

Дыхание пресеклось, голова закружилась. Смешавшись, дыхания стали единым. Вытянулись, слились, дверь проскрипела — тени метнулись, жаровня вспыхнула — светом пронзая. Родинка вздрогнула, побежала по телу, лаская.

Запомнить, только — запомнить. Вернуться, передать — словом, линией, цветом, светлым сплетением звуков.

Ему дано знание. Будет и сила дана. Успеть. Только успеть.

Знает: станет лжецом и изгоем, Рим, явь, сон, городок. Молчать будет, дознаются и разнесут. Проклянут, сживут со свету.

Сад утренний, предрасветный, еще не проснувшийся. Приближает губы к вернувшейся черепашке — и застывает, вдруг разбудит, проснется — и будет стыдно: обнаженный в постели с чужим.

Знает: во сне времени нет. Но чувствует: время уходит, просачивается, пропадает. Запомнить лицо, запомнить в рассветном тумане парящее тело: оттенки белого, смуглые впадины, тонкие линии намечающегося, растущего, распускающегося.

Ужасно мгновение счастья: его больше не будет.

Благословен тот, чья жизнь в это мгновение завершилась.

Несчастен тот, чья жизнь продолжается.

И — вновь снится сон. В бесконечном пространстве огромная площадь. На ней народ, которому явит себя. По сторонам — каре черно-белое. Четвертая сторона посередине разомкнута: стена, на которой икона. Запомнил и передал. На иконе — обнаженный прекрасный юноша, впервые иное тело познавший. Он сдергивает полотно, и площадь смолкает. Бесконечная, вечная тишина. И — топором вонзается голос, мгновение — рев. На месте иконы — помост, на нем плаха, на ней — голова, и — топор занесенный.

Топор, рев, тишина. И — он, обнаженный, на площади, огромной, до невозможности римской. И — икону оземь швыряют. Он —

юродивый, вертится, гнусно орет, площадные слова на площадь швыряет.

В руке юродивого топор, заносит, орет:

— Грех первородный свой отвергаю, уд из плоти моей изымаю.

Пал на колени, выставил и — отрубил. Побежал вдоль каре, кровью искупления народ причащая.

Он рвался в Италию, рвался в Рим. Но зачем?

Оказалось — за снами.

Прокаженный

Проходя мимо развалин вечного города, ожидал, что руины на глазах вдруг станут дворцами с банями, скульптурами предков, ждал: бывшее величие восстанет из пыли. Ждал, и ожидание превращалось в вопросы, заданные Баратынским когда-то:

*За что утратил ты величье прежних дней?
За что, державный Рим, тебя забыли боги?*

В удушающие ночи рисовалась картина: дождь, бесконечный дождь петербургский, ветер гудит, того и гляди, река ринется вспять, и Медный всадник в тумане взметнется. Рисовал и засыпал под стук капель по крыше. Однажды в бессонную ночь, под самое утро приснилось. Бежит, несется, кто-то его догоняет. Впереди широчайший бесконечный проспект, наполненный праздным, гуляющим людом. Публика расступается, городские свистят. Бежит, не зная, куда и зачем, понимая: остановиться не может. Оглядывается по сторонам, пытается понять, где он, ни лиц, ни домов не различает. Оглянулся назад — лес и болото, никакого проспекта, шум деревьев, болотная вонь догоняет.

Непонятно откуда — оборвыш: лицом к нему, от него уходя. На ветру лохмотья взмывают, и, обнажаясь, он превращается в ангела, за которым чем быстрее бежать, тем дальше тот удаляется, заставляя мучительно осознать: никогда не нагнать, а раз не суждено с ангельской плотью соединиться, будешь агасферную вечность бежать, не догоняя. Мотнув головой — от наваждения освободиться, видит несущегося городского. Во всю фигуру — лицо, во все лицо — рот, во весь рот — свисток, из свистка — пламя, из пламени — буквы, в каркающие стаи сбивающиеся: мужеложство карается лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на 5 лет.

Это во сне, в Петербурге. А в Риме и наяву он идет, намереваясь догнать и, обогнув, взглянуть в лицо юному гордецу, нищенством щеголяющему. Руки в карманах, шапчонка сдвинута лихо — мимо ресторанных столов, через плечо сплевывая брезгливо. Что-то привлекло, остановился, пристально поглядел, присвистнул, на одной ноге вокруг себя крутнулся волчком и дальше по делам своим двинул.

На столе — огромное блюдо, над которым, священнодействуя, возвышается рот в пол-лица, всасывающий в себя вечный город. Красотки во льду. Левая берет острым концом к себе устрицу, правая — нож, короткий, словно наконечник стрелы, с зазубринами с одной стороны, серебряный — заведение не дешевое, не какая-нибудь остерия. Не спеша, словно в этом все наслаждение, створки раздвинув, одним движением, отточенным и привычным, проведя лезвием между створок...

Пауза восхитительней всего остального. Рука, верхнюю створку, как полог, откинув, застыла. Рот, готовый к соитию, медленно разомкнулся, балетным жестом рука поднесла, и, мелькнув в пространстве вечного города, устрица мгновенно исчезла. Неподалеку, рядом с бронзовой волчицей с волчатами сладкозвучной сиреной запела шарманка, посетителей зазывая. Отсюда виднеется Тибр с островом посередине, на котором когда-то была колония прокаженных. Себя там представил. По одну сторону отвергший их город, по другую — отвергший их Ватикан. Над ними небо и Бог, который их проклял.

Нашел себе имя. Отчетливо увидел место под солнцем. Какие картины он ни напишет, каких наград ни удостоится, как ни будет стараться скрывать, все равно от рождения и до смерти останется прокаженным, отвергнутым и градом, и миром, и самим Вседержителем. Что остается? Одевшись в рубище, заплатив перевозчику, чтобы переправил на остров. Вот, картина. Он, прокаженный, стоит на корме. Харон, не торопясь, от берега отгребает. Впереди — остров проклятия, остров забвения, назначенный проклятым и забытым. Лето, река обмелела, плыть минуточку-другую. А сзади, на берегу — толпа оборвышей, его провожающих. Как только прокажу не называли! Болезнь финикийская. И по праву. Финикийцы, лучшие моряки древности, заразились ею от египтян, и по миру не только знания и товары, но и болезнь, греками их именем награжденную, развозили.

А еще: скорбная болезнь, ленивая смерть. Больного отводили в религиозный трибунал, который осуждал несчастного на смерть. Клади в гроб, служили заупокойную службу, опускали в могилу, бросали землю: «Ты

не живой, для всех нас ты мертвый». Вытащив из могилы, отводили мертвого в лепрозорий. Болезнь святого Лазаря — почему? Монахи этого ордена ухаживали в лепрозориях за больными. Лазарет, кстати, тоже отсюда.

Размышляя о разных именах жуткой болезни, вышел в сумерки, как обычно. Минувя виноградные грозди и запахи роз, оказался на улице. Пыль и зной опадали, крики стихали. Не торопясь, вышел на площадь, к фонтану, прошел вокруг: странно, не было никого. Пошел дальше, к другой площади, другому фонтану: магазины уже закрылись, пустели кафе. И здесь никого. Куда подевались? Шел долго, не уставая, выйдя к Тибру, — по берегу. Было редкое в последние годы безмятежное настроение. Картина пошла, деньги — вчера сообщили — в дороге. Охота не удалась? Завтра удастся.

Над рекою туман, в России говорили, не видно ни зги. Часто мыслями уносился на родину, в детство, в годы своего ученичества. Но честно себе признавался, возвращаться домой не хотел. Боялся? Несвободы, от которой отвык, грубости, грязи, мундиров, всего того, от чего с радостью уезжал. Здесь человека в мундире днем с огнем не отыщешь. Из тумана вырисовалось медленно летящее облако, форму на лету обретающее, словно кто-то углем на холсте контуры намечал. Присмотрелся — оказался против острова прокаженных, оттуда — мальчик с головой юной девушки. Вдруг раздался хлопок, в разные стороны клочья тумана швырнуло — сквозь них мальчик побежал к нему, раскрывая объятия. Вот, он уже здесь, руку вытяти — и коснешься. Силится — тяжело, одолел немощь — вместо нежного лица его собственное, плохо выбритое, одутловатое, криком разорванное. На каком языке? И — колокола, в звоне которых ярким светом птицы, туман растворяя, взметнулись, унося в небо глаза, белым светом, как лучистые бельма, сверкающие.

— Нечист! Нечист! — Звенел Ватикан.

— Прокаженный! — Петропавловка гулко гремела.

Петербургские банщики, римские оборвыши — все врассыпную.

— Мертв мертвой смертью. — Друг скрипел пером по бумаге, разбрызгивая чернила.

Как узнал, как догадался?

Того со шрамом долго искал, ясно видя его поднимающимся из воды навстречу Христу, к берегу реки спускающемуся. В магазине, где он раньше служил, был новый хозяин, его вовсе не знавший. Обходил магазины, бесполезно произнося имя: Паоло. Однажды на берегу увидел парня, похожего на него. На ломаном языке объяснил: он художник, ему

нужен натурщик, будет платить. Поняв по-своему, утром новый Паоло с порога вопросительно зачмокал губами.

Во время сеансов желание уходило. С каждым днем черноволосая кудрявая голова становилась явственней, нога тверже опиралась на землю, тело с маленькой устрицей устремлялось вперед, ввысь, навстречу идущему. Юное движение, как мог, повторяя, Паоло в старости, лысый, худой, опираясь на палку, вместе с ним устремлялся навстречу идущему.

Дрожа от нетерпения, переносил на холст разрез глаз, линии тела, изгиб губ, складки кожи. Искал свет, приближая Паоло к окну и отдаляя. Молча, в тишине, лишь «ближе», «направо», «налево». Найти и, не сломав, не нарушив, вдохнуть душу живую в застывшее тело, и оно, оживая, задышит. Среди персонажей, к своему удивлению, и друга своего обнаружил. Незаметно для себя по памяти нарисовал, великим скепсисом лицо и фигуру его наделив. А потом, когда-нибудь, найденный им Аполлон, восхищенный восходом, обнимет еще сонного Гиацинта, а мальчишечка Кипарис своей игрой зарю возвестит.

В полудреме ему представлялось: он скульптор, идущий по улицам Рима, от форума к форуму, от рынка к базару, идет, минуя бордели, в лавки заглядывает и в мастерские: мол, ищу, что жене подарить. Выбирает натуру. День за днем, и — удача. В мастерской гончара. Раб-подмастерье. Руки в глине, в глине лицо, но увидел, но разглядел! С него будет лепить Гиацинта, сына спартанского царя красоты необыкновенной. Красота бывает обыкновенной? Если обыкновенная, то не красота. Любимец Аполлона. Из его крови Аполлон создал цветок. Теперь Кипарис. Как вымахал за окном. Особенно правый. Уже выше крыши. Левый через годик-другой до окон дотянется. Кипарис. Прекрасный юноша, любимец Аполлона, опять любимец, идиотское слово, в дерево превращенный. За что превращен? Горевал по нечаянно убитому им оленю.

Между теми, кого приводил, и теми, кто в студии оставался, была тонкая, едва ощущаемая грань. Часто, закончив этюд, валился на кресло, и натурщик удивленно подносил воду, открывал шире окна, вино наливал. Смотрел на него благодарно, видя юношу Аполлона, Гиацинта-эфеба, мальчишечку Кипариса.

Он рвался в Италию, рвался в Рим. Но зачем?
Оказалось — за мифами.

ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА

Я приехала в этот город в поисках работы. С собой – чемодан с вещами и немного денег, мой стартовый капитал. Радовалась, что несказанно повезло, когда удалось снять совсем дешевое жилье, хозяйкой которого являлась худенькая, седенькая старушка, похожая на ангела. Владела она большой комнатой, где протекала вся ее жизнь. В углу стояла широченная кровать с прикроватной тумбочкой, наполненной письменным антиквариатом, пожелтевшим и почти истлевшим, но представлявшим жизненные ценности для хозяйки. Две трети спального “аэродрома” теперь находились в моем распоряжении. Еще одна роскошь квартиры – просторная ванная комната, со всеми необходимыми удобствами. Словом, для моего скромного положения – царские апартаменты!

Утром следующего дня я достала свое новое гипюровое платье и отправилась на поиски работы. Шла по оживленной улице и внимательно читала все вывески и весьма редко попадавшиеся предложения. В процессе этого занятия стала замечать странное поведение прохожих: они рассматривали меня кто с усмешкой, кто с особым интересом, а кто и вовсе останавливался и провожал взглядом. “Что со мной не так?!” - недоумевала я, разглядывая себя в окнах витрин. - “Платье красивое, да и абрикосовый цвет мне к лицу! Странно....”

Ко времени обеда, я прошла не один километр городских улиц, устала и очень хотела что-нибудь поесть. В фойе кинотеатра выпила чашку кофе и молниеносно проглотила бутерброд. Требовалось отдохнуть. Вошла в кинозал. В полумраке рассмотрела первый свободный ряд, села по центру. За мной, во втором ряду, сидели две женщины, за ними, в третьем – три, на четвертом – четыре, и так далее до самого верхнего ряда. В итоге получилась форма вытянутого треугольника, “острием” которого являлась я.

“Почему они так расположились? И почему все одеты в светлые одежды, а головы покрыты платками?”

В зал вошла еще одна группа женщин, и среди них – молодой человек, очень похожий на одного из моих дальних родственников, только выглядел бледным и без своих знаменитых веснушек. Мы встретились взглядом, он узнал меня, быстро подошел и, присев передо мной на корточки, спросил:

- Что ты здесь делаешь?

- Отдыхаю.

- Тебе нельзя здесь находиться. Немедленно уходи!

- Послушай, ты слишком молод, чтобы мне указывать. Лучше помоги найти работу. Смотри, вон там идет твоя жена, а что, она теперь носит очки? Странные очки, крохотные линзы. Они ей только мешают. Прошла рядом, а нас не заметила. Зачем же ей тогда очки?

- Я тебя прошу, уходи!- нервно прервал мои рассуждения родственник.

- Тебе не нужна работа, ты скоро станешь счастливой и богатой и у тебя будет все-все. Но для этого - ты должна немедленно вернуться к себе.

Перспектива светлого будущего взяла верх. Я поплелась к старушке. Скрипучая дверь позволила мне войти. Хозяйка сидела на кровати, укутавшись в старый, изъеденный молью плед и читала потрепанную книжонку с замусоленными страницами.

- Добрый день! - поздоровалась я.

- Добрый! А где ты была?

- Ходила искать работу.

- В таком виде?

- В каком “таком”?

- Ты что, слепая? Тебя можно рассматривать, как анатомический экспонат!

- Какой экспонат?!

Я подскочила к зеркалу и не поверила своим глазам: платье выглядело, как прозрачная паутинка и абсолютно не скрывало подробностей моего тела. Я судорожно оттопырила вырез – нижнее белье на месте. Завернула подол – подклад платья как был, так и есть... А почему же оно прозрачное?!

Совершенно оторопевшая, потерявшая дар речи, с широко раскрытыми глазами и ртом, я замерла у зеркала. В этот момент дверь лениво заскрипела и на пороге, не дожидаясь разрешения, нарисовался странного вида мужчина, облаченный в торжественные одежды. Одной рукой он прижимал к груди ведерко, полное варенья. Душистые ягодки горкой плавали на поверхности. В другой руке – коробка, размером с обувную, только плоская, и два лиловых паспорта, перевязанные атласной лентой.

Во мгновение ока я оказалась на кровати, под одеялом, рядом с онемевшей старушкой. На той не было лица.

- Кто Вы такой?- заорала я. - Кто позволил Вам войти?

Никаких эмоций и ответов не последовало. Незнакомец подошел к кровати, подбросил мне паспорта, поклонился и принялся открывать

коробку. А в это время варенье из ведра щедро полилось на покрывало. Ловким движением руки коробка была открыта и золотые изделия брызнули блеском.

- Прекратите! Вон отсюда! - отбрасывая коробку с кольцами и браслетами, бесновалась я.

Пока шла “война”, вдоль стены выстроились еще несколько мужчин, словно близнецы, с гладкими прическами, во фраках и хранивших молчание.

- А вы откуда здесь взялись? Выстроились, как на параде. Это наше жилье, убирайтесь и закройте за собой дверь! - не церемонясь, командовала я из-под одеяла с вареньем.

- Успокойтесь, мадам, не подобает так себя вести замужней женщине, - наконец нарушил молчание первый визитер.

- Я не замужья!- жестко огрызнулась.

- С сегодняшнего дня – замужняя, - объявил он, показывая паспорт с моей фотографией и новой фамилией, которую невозможно выговорить без предварительной тренировки.

- Отлично, а жених кто? Ты?

Забыв о своем прозрачном платки, я одним прыжком оказалась возле остальных мужчин, схватила первого за лацканы фрака.

- Или может ты? - крепко тряхнув его, оттолкнула к стене.

У гостя нервно заиграли желваки на щеках.

- Или ты? - уставившись на третьего, постави руки в бока, вопрошала я.

- Я! - ответил слащавый тенорок за спиной.

Резко повернувшись, увидела круглого розовощекого толстяка, сидевшего на моей подушке, подобравшего под себя ноги по-азиатски, совсем рядом с мертвецки - бледной старушкой. Он довольно улыбался, рассматривая меня сквозь щелочки глаз. Свое жирное тело жених завернул в халат, собранный из блестящих атласных лоскутов и перетянутый шнурками, на которых за спиной крепились белые крылья.

- Хорош женишок!- прошипела я. - А меня никто не хочет просить? Со мной кто-нибудь будет считаться?

- А зачем? - опять заулыбался пузан, - уже все решено.

Он хлопнул в ладоши и в комнату безшумно, одна за другой, как в танце “Березки”, стали входить женщины, внося парчовое платье небесно-голубого цвета со шлейфом невероятной длины. Его несли и несли, а оно все не кончалось и не кончалось.

- Это не мой размер! - завопила я. - Терпеть не могу парчу! Она колется!

А платье все не кончалось...

- Его никогда не надену! - провозгласила я и бросилась в ванную комнату, захлопнув дверь без щеколды и подперев ее своим собственным плечом.

Женщины с платьем пытались войти за мной, но я сдерживала их, как могла. Они толкали дверь, стучали, кричали. Я с ужасом наблюдала, как после каждого удара, над дверным косяком появлялись трещины и расшатывались кирпичи. Не в силах долго сдерживать яростный натиск служанок, отскочила в сторону. Дверь с грохотом вывалилась на пол, на ней лежали две женщины с платьем, которое растянулось во всю комнату...

- Все! Конец! - сидя на своей кровати и тяжело дыша, вспоминала я кошмарный сон.

Ураган за окном неистово грохотал гаражной дверью, а соседские женщины с криками и смехом собирали белье, разбросанное ветром, как осенние листья, по всему двору.

Хорошо бы сейчас горячего чайку! Но джентльмен во фраке исчез, а вместе с ним и варенье, красивое, душистое. Если кто-нибудь встретит моего гостя, передайте, что я помню о нем и жду, а варенье найдется.

ИРИНА (ЛЯЛЯ) НИСИНА

Родилась на Украине в городе Винница. Закончила Казанский Институт Культуры и Винницкий Пединститут. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию, живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд. Главы из повести и отдельные рассказы опубликованы в многочисленных журналах, сборниках и газетах («Нева», «Новый журнал», «Стороны света»,

«Крещатик», «Чайка», «Австралийская мозаика» и др.).

ТЬОТЯ

– Тьютю, візьмить песика...

Девочка возникла возле приоткрытой двери машины внезапно, видно пряталась за переполненными мусорными баками. Микрорайон, недавно построенный возле объездной дороги, был почти не тронут войной, но казался вымершим. Только что окончилась очередная воздушная тревога, и мы должны были ехать дальше. Свекровь, из-за которой мы и заезжали в город, молча сгорбилась на переднем сидении. Она была в таком шоке, что не могла сама собрать вещи, и я побросала в сумку первое что попало под руку. Из полированного старого шифоньера в сумку полетели две ночнушки, халат, носки, рейтузы, два ситцевых платья, белье. На дне шифоньера лежали новые тапочки, я бросила их в сумку и вспомнила, что это те тапочки, которые мой младший, Вовка, достал из-под елки. По традиции подарки раздавал младший в семье. Но это было в другой жизни, и сейчас нельзя об этом думать. Свекровь оделась без уговоров, медленно спустилась во двор и дала себя усадить в машину. Ну, слава Б-гу, хоть так. Соседка, что дозвонилась ко мне сказала, что она совсем умом тронулась, в подвал не идет и третий день не есть ни крошки. Пока свекровь медленно натягивала теплые лыжные штаны Павла, я согрела чайник, нашла большой термос и заварила чай. Сережка, мой старший, остался внизу караулить машину. Договорились, если что, сигналить что есть силы. Но ничего не случилось. Термос я вручила Вовке, и ему же в другую руку дала свернутое одеяло. Погрузились тоже без происшествий, и я уже хотела завести машину, но тут Вовка вдруг запросился в туалет. Сережка взял ключи и потащил его

обратно в подъезд, а я решила получше укутать свекрови ноги одеялом и вышла из машины. Тут передо мной и возникла эта девочка.

На вид ей было лет двенадцать, из-под шапочки беленькая челка, одета в красивую ярко-синюю теплую курточку с капюшоном и джинсы. На ногах теплые сапожки, за плечами туго набитый рюкзак, а на руках снежно-белый дрожащий щенок, завернутый в шарфик с таким же рисунком как на девчужкиных рукавичках.

- Гьотя, візьміть песика... - повторила она. Голос тихий, безнадежный. – У вас є трохи місця в машині. Він не простий собака, він з папірцями, з паспортом. Це мені тато на новий рік подарував. Я до села йду жити, а він там згине, бо ж картоплю їсти не буде, а більш там у баби в домі нічого нема...

Свекровь повернула голову к девочке и протянула руки. Девочка передала ей щенка, и он сразу исчез под одеялом, которое я подоткнула свекрови под ноги.

- А родители твои где? - спросила я, разогнувшись и посматривая на дверь подъезда откуда должны были выбежать мальчики. Услышав меня, девочка перешла на русский. Говорила она чисто и очень грамотно.

- Мама у меня врач, она с госпиталем в Киев уехала. Меня взять с собой не успела, говорила, что пришлет за мной, но уже десять дней никто не приходит. – Девочка помолчала, сглотнула и продолжила. – И уже три дня мама не звонит. И бомбят нас часто, а я в подвал идти боюсь еще больше, чем тревоги. А в селе бабушкин дом остался. Бабушку мы осенью похоронили, мама говорила, что мы будем ездить туда как на дачу, и дом поддерживать, и огород. Я у бабули каждое лето жила, и сажать, и полоть, и картошку... И соседи все меня знают...

Из подъезда выскочили Сережка с Вовкой и побежали к машине. Вовка сразу забрался на свое место и стал прилаживать ремень, а Сережка подошел ко мне и встал рядом.

- Меня Ангелиной зовут, можно просто Геля, - сказала девочка.

- Сергей, - пробурчал Сережка, и поднял глаза на меня.

- Геля просит взять ее собачку, - объяснила я. – Она едет в село, а там щенку будет трудно.

- Где щенок? – радостно воскликнул с заднего сидения Вовка, и перестал тыкать ремнем в замок.

- Так у бабушки вашей! – показала на свекровь Геля.

Свекровь приподняла одеяло. Щенок сладко спал у нее на коленях, видно согрелся, наконец.

- Ой, какая красивая собачка! – умилился Вовка. – Она с нами поедет?
- З нами поїде, - сказала свекровь, - і дівчинка і цуценя. Залазь, Геля, швиденько, бо ж треба їхати.

Сережка побледнел и оторопело уставился на меня.

На заднем сидении между ним и Вовкой ехал Супер-Пупер – Сережкин компьютер. Сережка собирал на него деньги два года. Не ел мороженого, не ходил в кино, не поехал с нами в Турцию, остался с бабушкой. Все подаренные ему деньги он складывал в коробку и мечтал о том прекрасном времени, когда у него появится этот суперкомпьютер. Он уже окончил какие-то начальные курсы и мечтал со следующего года начать серьезное обучение. Сережка хотел быть программистом, только самым крутым программистом и никем больше. Он не соглашался уезжать без своего сокровища, выл белугой, убеждал меня, что прекрасно переживет войну у моих родителей, обещал, что будет о них заботиться. И я, конечно, сдалась. Супер-Пупер, завернутый в Вовкино фланелевое одеяло, стоял между мальчиками на заднем сидении. Если бы мы поехали на моей машине... Но папа с мамой убедили меня, что моя большая Тойота будет привлекать ненужное внимание в дороге, и папа торжественно вручил мне ключи от своей шестилетней Весты, а мою аккуратно завел в гараж, предварительно слив весь бензин. В багажник, куда папа поставил две канистры бензина на черный день, мы втиснули немного вещей, под ноги мальчикам бросили одеяла, а компьютер Сережка торжественно прикрепил ремнем безопасности. И куда мы посадим Гелю? Я глядела на Сережку, он на меня, а Вовка умильно улыбался шеночку. Свекровь, очнувшись от ступора, потихоньку разматывала на собачонке шарфик, а вытащив его из-под щенка, протянула Геле.

- Забирай, дитино, бо в машині не тепло, та сідай швидше.

- Мне тільки до Ксаверівки, - быстро сказала девочка, - і я буду ваші речі на колінах тримати. – Она посмотрела на меня. В ее глазах плескался страх. Ей было очень страшно остаться здесь одной, страшно отдать собаку – последнюю вещь, которая связывала ее с прошлой жизнью. Девочке было очень страшно идти пешком в бабушкин дом, в котором она хотела дожидаться родителей, и очень страшно оставаться самостоятельной в этой безумной войне, которая стала теперь ее жизнью.

- Я на коліна поставлю, - с надеждой в голосе повторила она.

- Это компьютер, - тонким голосом сказал Сережка.

- Я дуже обережно буду тримати, - дрожащим голосом пообещала Геля.

- То компьютер, а це – людина, - сказала свекровь. – Дитина сама лишилася, - она снова накрыла щенка одеялом и подняла руку, ища ремень безопасности. Я подала ей ремень и обреченно посмотрела на Сережку.

- Я буду с тобой меняться, - сказал Сережка и взял Гелю под руку. И мы поехали. Только не до Ксаверивки, а до Познани. А Гелины мама с папой обязательно найдутся. После победы.

СЕРГЕЙ ПЛЫШЕВСКИЙ

Родился в г. Свердловске. Окончил УПИ. Химик. Работал в НИИ. Доктор технических наук. С 1996 г живет в канадском городе Оттаве. Стихи пишет с 1985 года. В Канаде опубликованы книги стихов «Ядовитый апельсин» (2001), «Чайки-лошади» (2006) и «Страдательный залог» (2008). Книга стихов «Гусиная

лоция» издана в 2011 году в Украине. Книга стихов «На кристаллическом щите» опубликована в России в 2014 году. Книга стихов «Импрессионизм дождя» - в Германии в 2016 году. Публикуется в газетах, журналах, поэтических альманахах и антологиях. Лауреат поэтических конкурсов в ряде стран. Вице-король поэтов («Пушкин в Британии 2006 год). Награжден большой золотой медалью Франца Кафки в 2011 году. Сопредседатель конкурсов творческого объединения «45 параллель».

Части света: седьмая.

Посетить или хотя бы увидеть Антарктиду всегда входило в наш перечень экзотических вылазок. Мы были в курсе, что существует два способа это сделать: самолётом из Пунта Аренас, Чили, или круизом из Аргентины. Да, есть самолётные туры, позволяющие провести несколько часов на снежно-льдистом континенте; без чёткого расписания из-за капризной погоды тех мест.

Круизы, напротив, ходят по заранее объявленному расписанию, и делятся на два типа: экспедиция с высадкой на континент и морская прогулка на большом лайнере. Экспедиционные круизы проводятся на небольших посудинах, без особых удобств, высадка на берег разрешается партиями не более 100 человек, поэтому такие судёнышки обычно берут по 200 пассажиров. Качает их в случае беспокойного моря в проливе Дрейка нешуточно, а стоимость такой поездки обходится около 15 тысяч долларов на человека.

Круизные лайнеры позволяют взглянуть на дикие места земного юга более экономичным способом, но без высадки на берег. Мы выбрали именно этот путь для релаксационного отдыха на круизной линии «Селебрити».

Круизу предшествовал длинный перелёт из Канады в Буэнос Айрес, недельная акклиматизация в Аргентине и потом собственно 2-недельный круиз.

1. Буэнос Айрес

В Буэнос Айресе в аэропорту штамп в паспорт не ставят. Но берут отпечаток большого пальца правой руки и фотографируют. Очередь на паспортный контроль была умеренная, минут на 45. Багаж тоже быстро выдали. На выходе багаж пропускают через сканер. В аэропорту был wifi и мы вызвали Убер. Стоило это удовольствие около 35 CAD. Мы помчались в отель и прибыли туда без особых задержек. Номер нас ждал, всё было оплачено, кроме местного сбора – полтора доллара в день, кажется. Отель был так себе, но в центре, с 2-мя лифтами, недорогой и с приличным завтраком. До нашего неизменного вечернего ресторана надо было пройти 4 квартала, пересечь самую широкую улицу в мире и пройти ещё полквартала. Посередине самой широкой улицы был сквер со скамеечками, там можно было приятно отдохнуть под ветвями (джакаранды?) «палочного дерева», усеянного крупными розовыми цветами. В темноте на газонах резвились крыски.

Ресторанчик Santos Manjares был нами почерпнут из туристических отзывов, он славился недорогим и очень свежим мясом, и мы с удовольствием вкусили rib eye, entranía и филе миньон всё это подавалось с гарниром на ваш выбор – мы чаще всего брали салат. Порции были солидные, было очень хорошее вино – с мясом мы склонялись к мальбеку; в ещё попробовали шницель и «проволеетту» - запечённый сыр проволонон. Но в Буэнос Айресе отклоняться от говядины не принято; морские твари номинально существуют, но расцветают пальмой первенства на юге страны – об этом мы тоже скажем пару слов. Приятно удивляют аргентинские цены: филе миньон, солидная порция, с

гарниром и разными макалками для хлеба, пока вы ждёте приготовления мяса, а также бутылка очень приличного вина обходится в 20 долларов на двоих.

На улицах города щедро рассыпаны лавочки – фруктовые, винные и товаров повседневности. И прочие рестораны, кафе, и эмпададницы. Вино недрогое, фрукты превосходные, а эмпадады... ну, не знаю, чебуреки вкуснее. Хотя взять с собой в дорогу для быстрого перекуса и эмпадады годятся.

В первый день мы, поверив статье из трипадвайзера, отправились в пункт Вестерн Юнион в надежде поменять деньги, но ничего не получилось. Затем, пользуясь советами бывалых, мы хотели поменять доллары в отеле, но тоже безрезультатно. Поэтому в первый вечер платили кредитной карточкой (безо всяких проблем). В Аргентине существуют 2 курса доллара: официальный (195 песо) и «голубой» (290 песо). Если платишь иностранной кредитной карточкой, работает «голубой» курс, а если просто меняешь в банке, то официальный. На следующий день мы отправились на улицу Флорида в центре БА, и там поменяли 500 долларов по «голубому» курсу. Получили всё тысячными купюрами. К моменту нашего отъезда правительство Аргентины сообщило, что вводит в обращение купюры достоинством 2000 песо. Инфляция у них около 100% в год.

*Кафедральный собор Бенедикта
Распахнул нам прохладные недра.
Ватикан возникает в субтитрах –
Аргентинского лона экседра;*

*Затихает недремлющий город,
Исчезая в тиши колоннады,
И святых убеждений уколы
Назидательно сверлят с окладов.
Есть убежище в мире огромном
От жары и греховного смрада,*

*Где к живым равнодушные бомбы
Распевают свои серенады.*

*Церковь снова подверглась расколу,
Допуская убийство во имя:
Каждый поп – феодальный нарколог
При своих атрибутах и гриме.*

*Только бог (если есть!) безразличен...
Что творят его бывшие чада...
Выплавляя из войн и опричнин
Золотые решётки для ада...*

Мы поменяли деньги и отправились бродить по городу. Зашли в большой собор в центре города, подошли к президентскому дворцу (Каса Росада), после длительных расспросов нашли место, где продают билеты на 2-этажный экскурсионный автобус и проехали на нём почти до самого вечера. В этот день нам надо было лечь спать пораньше, потому что ночью у нас был вылет на юг страны – на ледник Перито Морено. Мы снова посетили Сантос Манхарес и, вкусив мяса, прихватили с собой 4 эмпадады на завтрак и отправились в отель.

Стояла тёплая солнечная погода. Дождь, обещанный сводкой погоды, циркулировал где-то в верхних слоях атмосферы и до земли не долетал. Было между +30 и +35 градусов.

*Дождь обещали, но он испарился,
Малость не долетев до земли.
Несовершенное тоже каризма,
Просто запомни и тихо внемли
Как облетают соцветья глициний
В сонную гладь городского пруда,
Как запирают собор капуцины
Так ежедневно и как навсегда;
Ты ослеплен неподкупной идеей*

*Делать условные вещи всерьёз,
Словно колдуя над фармакопеей
Из атмосферы и тонких берез;
Всем по две ложки на дождь и на слякоть,
Но по четыре на солнце и снег;
Туча пришла, но не встала на якорь,
Но не к березе, а только к сосне -
Там и ищи смоляные колючки,
В память как в душу под утро вонзать...
Дождь, как матрос, воротясь из отлучки,
Смело глядит капитану в глаза.*

В последующие дни мы посетили другие соборы, музеи и торговые центры, а также встретились с профессором-славистом из университета БА и обсудили с ним вопросы мировой поэзии. Омар Лобос любезно пригласил нас к себе домой, угостил «миланезой» (шницель по-милански) с вином и водкой под конец, и рассказал много интересного об Аргентине.

Что 4 года назад мировой валютный фонд похвалил Аргентину за наведение финансового порядка и предоставил большие кредиты, за которые страна теперь расплачивается дикой инфляцией. Что бесплатная медицина и бесплатное образование привлекают в Аргентину людей из прочих стран Латинской Америки. Что жители Патагонии держатся на равной ноге с представителями высших слоёв и не очень-то признают авторитеты.

Мы читали русские стихи и обсуждали назначение поэзии; мне кажется, что, разделив точку зрения Бродского по вопросу о том, какова цель поэзии в целом и её место в лингвистической системе, я вполне удовлетворил достойного аргентинского слависта. Впрочем, я действительно считаю, что поэзия в первую очередь, служит именно языку, а не поэту и, уж точно, не читателю. Расстались очень тепло... я надеюсь, что наше знакомство на этом не закончится.

После этого в последний раз посетили ресторанчик и обнялись с Матильдой, нашей официанткой, она нас уже ждала каждый вечер и держала заветный столик наготове. Ну, а на следующий день надо было грузиться на корабль.

2. Перито Морено

Если отправиться на юг Аргентины, в сердце Патагонии, и приблизиться к Кордильерам с аргентинской стороны, можно посетить офигительный ледник Перито Морено, который спускается с гор в озеро. Это один из немногих ледников на Земле, которые со временем не уменьшаются, а увеличиваются. То есть, где-то на снежных высотах они уменьшаются и сползают вниз, а на уровне обитания человечества – растут.

Нужно долететь до городишки Эль Калафате, а оттуда до ледника можно доехать за полтора-два часа. Планировать это надо заранее, потому что билеты быстро заканчиваются, и прокатные машины – тоже. Мы в марте всё забронировали. 2 билета на Аргентинские авиалинии из БА обошлись в 600 CAD, а прокатный драндулет от Budget – в 124 доллара. Если бы резервировать всё это позже, цены выросли бы в 3 раза, а потом и билетов и машин не хватило бы.

Аргентинские авиалинии под стать Эйр Канаде меняли время вылета-прилёта и аэропорты тоже раз пять. Правда, согласиться с изменениями можно было по интернету, звонить было не надо. В результате визит получился сверхкоротким, потому что одно из этих изменений отменило обратный рейс в 20.35 и сделало 16.25. Вылет был в 4 утра. Мы употребили эмпакиды и вызвали Убер.

Аргентинцы в аэропорту ласково нас приветствовали и зарегистрировали как на прямой, так и на обратный рейсы. Вскоре мы воспарили, наблюдая зарево огней БА на горизонте. Лететь 3 часа 15 минут. Сначала летели над Атлантикой, потом пересекли континент и стали снижаться над кочками Патагонии. Там из растительности именно такие кочки, поросшие колючками. Ими питаются местные бродячие коровы и достигают за этот счёт отменно чистого и вкусного мяса. Если где

появляются складки местности или водоёмы, то кочки уступают место кустам или даже скрюченным деревьям.

Budget оттопырил нам машину более высокого класса и дополнительных денег не взял. Никаких дурацких формальностей типа страховок заявлено не было. Какие там ещё страховки в этой полутундре? Мы спокойно вырулили и по единственной дороге помчались в сторону поселения, которое не приминуло начаться через 25 минут от аэропорта. В городишке появились настоящие деревья и блаженные бездомные собаки, которые развалились на всех тротуарах пузом вверх и грелись на редкой жаре в +15 градусов. Конечно, мы остановились в булочной-кондитерской и подкрепились местными деликатесами с кофе. А потом понесли дальше.

На въезде в парк с нас собрали дань 11 тыс песо, и мы углубились в дебри и кущи, пока ещё по дороге. Видели кондора и патагонскую лису, это близко, а всё остальное мельтешило поодаль. От стоянки до ледника возил бесплатный шатл, и мы им воспользовались. А потом начались деревянные мостики и обзорные площадки... Вид, конечно, отпадный. Существуют ещё экскурсии на катамаране возле ледника и можно на него высадиться и бродить по нему. Но у нас на это не было времени из-за переноса обратного вылета. Мы успели заправить и сдать машину, а ещё перекусить в аэропорту, и унеслись обратно в БА. Съели свой филе миньон под мальбек и рухнули спать.

На следующий день посетили музей изящных искусств и знаменитый своим убранством торговый центр Галерея Пасифик. Там как раз снимали местную красотку для рекламы. Зафотали изподтишка. Не, приятный город, ничего не скажешь...

3. Янаки, Ставраки, папа Сатырос

Капитан теплохода Инфинити был грек, и пара его помощников – тоже. Естественно, мы прозвали кэпа «папа Сатырос». Одно то, как он обставил MCS-шную «Магнифику» и занял её место у пирса в Ушуайи, вызывает восхищение его коммерческими талантами. Но – по порядку.

Посадка на корабль была организована отлично. До приезда в круизный терминал всем было предложено забронировать интервал времени для посадки, и у нас был второй с начала: с 12 до 12.30. Мы покинули номер в отеле в 11 часов утра, посидели полчаса в вестибюле и вызвали Убер. Ровно в 12.00 мы входили в круизный терминал БА. На входе на каждого пассажира прилепили стикер с номером группы, приняли багаж и попросили подождать. Мы уселись на скамеечку и минут через 20 наш номер объявили. Было открыто множество стоек для регистрации, а сама процедура занимала минуты 2 или 3. Паспорта забрали и выдали квитанции. Был контроль безопасности и посадка в автобус. В результате через 40 минут мы были на борту. На вопрос: «Где наши корабельные карточки/ключи от каюты» нам сказали, что они будут нас ждать в самой каюте. У нас была самая первая в носу каюта на 8 палубе. Теоретически, чем выше и чем ближе к носу или к корме, тем сильнее должно было качать при волнении на море, но нас это мало беспокоило.

По аналогии с предыдущими своими круизами, мы предполагали, что каюты будут готовы только через 4-5 часов после посадки, и отправились исследовать буфет и прочую инфраструктуру. Зашли в СПА и отметились там, поскольку у нас был зарезервирован пакет «талассотерапии» - всякие сауны, циркулярные души и бассейн с подогретой морской водой. Забегая вперёд скажу, что услугами этих заведений мы пользовались регулярно, за исключением дней в Антарктике, когда из-за низких температур и волнения в проливе Дрейка бассейн был закрыт. Ещё добавлю, что тратить на СПА 600 долларов было не обязательно, потому что в бассейн и так пускали всех взрослых, а сауны были в передевалках. Единственное, что получали мы дополнительно, были махровый халат, слабенький циркулярный душ, сауна с ароматическими делами (особого аромата я не ощутил) и подогреваемые каменные сидушки, на которых могло уместиться до 5 человек. Но весь этот «Персидский сад» был внутри СПА и не имел окон с обзором потустороннего мира, как на других кораблях. Мы бы не стали покупать этот пакет, если бы смогли найти полную информацию до начала круиза.

Интернет на корабле был двух типов: бэйсик (е-мейл и браузер) и премиум (видео, вотсапп и тп в полном объёме). Мы взяли бэйсик пакет + его расширение до пакета «премиум» - это было дешевле, чем сразу бартъ «премиум». Интернет иногда пропадал на несколько часов, когда не было спутника над корабликом. А в остальное время скорость была хорошая. Это давало нам возможность смотреть фильмы по интернету. По корабельному ТВ фильмов показывали мало, а новостей вообще никаких.

Карточки-ключи были всунуты под табличку с номером каюты и ждали нас, когда мы до неё добрались. Багаж появился позже, а один из чемоданов так и не пришёл, и нам пришлось идти на ресепшн организовывать поиск. Чуть позже мы нашли его сами с другой стороны нашей палубы – местные умельцы интерпретировали цифру 1 как цифру 7. Вот к чему ведёт вредная иностранная привычка не перечёркивать «ножку» у семёрки.

В каюте прибирала русская девушка из Петербурга по имени Наташа, убирала очень качественно, за что получила от нас конвертик с долларами в конце круиза. Такие же конвертики получили наши официанты из главного ресторана – оливковый Авалуддин и кубинка Елизабет – они сделали всё на высшем уровне. Всё, что от них зависело.

А зависело от официантов не всё. Нестерпимо сладкие коктейли готовили не они. Как и пересоленную пищу. Мы заказывали без соли, и нам приносили меню на завтра, чтобы мы могли сделать заказ. И на 50% этот заказ исполнялся; однако приготовленную без соли рыбу они всё равно заливали солёным соусом... и если в главном ресторане этот вопрос можно было как-то решить, то в буфете на завтрак и ланч – труднее. На просьбу о несолёном масле, которая с готовностью исполнялась на других круизных компаниях, мальчишки с Селебрити пожимали плечами, исчезали на поиски и не возвращались. Впрочем, если не концентрироваться на особых требованиях, еда на корабле была вполне приличная. Каждый день разная рыба, в «дежурных» блюдах числились луковый суп, эскарго, креветки, бифштекс. Правда, после

ресторана в БА мы не рискнули заказывать мясо на корабле, чтобы не испортить впечатление... ах, такое мяско я бы и дома употребил, но 150 долларов за стейк отдавать не тянет.

Еда в буфете была и горячая и разнообразная. Напитки в свободном доступе включали кофе, чай и морс. Чай в пакетиках был в ассортименте, однако полюбившийся чай с малиной через 2 дня закончился и больше не появлялся. На завтрак делали омлет и яичницу под заказ, были сыры и колбасная нарезка, вафли и блинчики с творогом, фрукты не переводились – приличные арбузы и дыни, и кислые ананасы. Ягод не было. Всегда стоял котёл с овсяной кашей, были картофельные котлеты и много разных кушаний индийского и восточного направлений.

В буфете на завтрак и ланч было нелегко найти свободные места, приходилось обходить всю зону по периметру. В главном ресторане нам выделили прекрасный столик на двоих у окна – лучше и быть не могло. С 10 вечера до 01 ночи открывался «вечерний перекус» - пицца, весьма неплохая, сэндвичи, фрукты, нарезка, десерты.

В какой-то момент было объявлено, что на корабле участились случаи норовируса. Питьевые станции оцепили и на каждой поставили вспомогательный персонал, наливающий чай/кофе, добавляющий туда сахар, молоко, мёд и лимон по желанию – это вызвало дополнительное скопление народа. В буфете появились «накладывальщики» еды. Мы никакого расстройства внутренностей не подхватили. Про ковид на борту ничего слышно не было. В проливе Дрейка нас заботливо спрашивали, не укачались ли мы, потому что многие страдали от морской болезни. Но на нас это не действует. Нельзя сказать, чтобы качало очень сильно, но качка чувствовалась при ходьбе по палубе и коридорам.

В театре по утрам выступала тётенька натуралист, рассказывала про Антарктику, про всякую живность – пингвинов, китов, морских птиц и прочее. Мы пару раз сходили, а потом предпочли слушать её по телевизору в каюте. Много интересных фактов, но монотонное бубнение.

Вечерами в театре давали концерты. На 12 палубе был кинотеатр на открытом воздухе. В салонах и барах живая музыка – гитара, скрипка, рояль. В отличие от других круизов, мне удавалось найти тихое место, если было настроение что-то написать.

Экскурсии от корабля были отлично организованы. Сообщалось место сбора (театр, салон и тп). Туда все приходили с билетиками и получали наклейку с номером группы. Потом все организовано по группам выходили из корабля и садились в автобусы или катамараны, в зависимости от экскурсии. Высадка тоже очень организовано и чётко. Мы взяли последнюю экскурсию в порту прибытия, после которой нас привезли прямо в аэропорт. Мальчик донёс наш багаж до стойки регистрации на рейс и вежливо распрощался.

Несмотря на то, что мы отказались от чаевых ещё в процессе подготовки к круизу, чаевые (17.50 в день на человека) всё равно стали начислять. Пришлось идти на респешн и просить убрать. Обещали, но не убрали. Убрали только с 3-го раза. Как я говорил, мы выдали «премиальные» непосредственно тем, кто нас обслуживал. Насчёт платных напитков на борту мы так ничего и не поняли. То ли оттого, что у нас сначала был пакет «всё включено», то ли по иной причине, несколько коктейлей и бокалов вина нам достались бесплатно. Впрочем, это выяснилось окончательно только по окончании круиза. Если бы мы знали об этом раньше, употребили бы много больше. Алюминиевую бутылочку 0.5 литра воды на одну экскурсию выдали бесплатно, а на другую содрали около 10 долларов. 2 кофе в баре обошлись в тридцатку. А в ресторане всё было бесплатно, и кофе хороший, лучше чем в буфете.

Главное разочарование ожидало нас при выходе из вод Антарктиды. На постели было выложено письмо об отмене захода на Фолклендские острова. Папа Сатырос потом 2 дня объяснял по внутреннему ТВ каналу, что на Фолклендах ожидается шторм с ветром 44 узла, а по условиям порта Стэнли последний закрывается при силе ветра выше 30 узлов. Там узкий проход и высадка ведётся тендерами.

Тоже тендерами должна была вестись высадка в Ушуайе, но папа Сатырос вытеснил причаленный корабль MSC с пирса и мы встали на его место, а MSC дальше работали тендерами.

В результате наша калоша снизила ход до 11 узлов (обычно она шла 18-19 узлов) и телепалась лишних 2 дня в море без захода в порт, и это было достаточно утомительно. Должен у них быть «план Б» с заходом в альтернативный порт или с увеличенным временем стоянки в плановом порту. С затаённым ехидством я проверял бортовые затраты – будет ли возврат портовых сборов за пропущенный порт? И да, по 65 долларов на рыло нам вернули безо всяких напоминаний.

В заключение я должен сказать, что если взаимодействие с Селебрити до круиза было из рук вон плохим, то на корабле всё было гладко и организовано. Я думаю, если быть более настойчивым в ресторане, то и они бы лучше прислушивались к нашим специальным требованиям. Вчера читал отзывы о круизе по аналогичному маршруту на Сапифровой Прицесс, и значительно уменьшил свой антогонизм по отношению к Селебрити. На будущее, если пользоваться их услугами, надо применять карточку в US долларах, быть настойчивым в своих диетических требованиях, а также сократить количество экскурсий от круизной компании, отдавая предпочтения местным туроператорам. Допускаю, что ковид сильно ударил по круизным компаниям, и они с трудом и скрипом вылезают на поверхность нормального бизнеса.

4. Ушуайя

В местной транскрипции звучит скорее «Усвая». На четвёртый день плавания рано утром мы вошли в канал (пролив) Бигля. На материковом берегу Бигля расположен «самый южный город на земле» Ушуайя (Аргентина). На островной стороне пролива находится Пуэрто Вильямс (Чили). И хотя он южнее аргентинской Ушуайи, Аргентина его «самым южным» не признаёт, поскольку, по аргентинским нормам, это не город, а «посёлок». Тем не менее, там есть свой порт и аэропорт, куда летают мелкие шнявы из Пунта Аренас.

По проливу Бигля мы шли часа 3 ранним утром. Небо было облачным, дождливым. Но дождь едва капнул, а потом рассеялся, так что мы вкусили хорошую погоду, градусов 13-15 выше ноля. Правда, на воде было ветрено и холодно. При подходе к пирсу мы видели танкер для заправки круизных судов, причаленные военные плавсредства береговой охраны, а также судно MCS «Магнифика», отходящее от пирса, чтобы дать нам место.

Мы собрались на 5 палубе в театре и получили наклейку соответствующей экскурсии. Через полчаса нас вывели на берег и походной колонной провели к началу пирса и посадили на катамаран с удивительно чистыми стёклами. 2 палубы, буфетик, галюнь и немного места на палубе на носу и вдоль бортов. Через полчаса хода в проливе мы подошли к небольшим островам. Один остров был обсижен птицами (корморанами), а на другом с подветренной стороны возлежали морские львы. Всё комментировалось по радио. Катамаран крутился между этими островами, щёлкали затворы фотоаппаратов, восторженные зрители тащили камеры с огромными объективами.

После этого катамаран не меньше часа шёл к острову Martillo, на котором на галечной отмели бродили, лежали, спускались в воду пингвины. Магеллановы (с белой вертикальной полоской), генту (без полоски, со сплошным белым пузиком) и один королевский (с желтоватым ошейником). Птенцы с неполностью выпавшим коричневым пухом. Катамаран уткнулся носом в отмель и все столпились на носу для осмотра и фотографирования.

На обратном пути я сходил в галюнь, а моё место у окна сразу же заняла противная тётка и отказывалась уходить, пока я не вернулся и не выволок её. Экипаж усердно бегал вокруг и протирал стёкла большими «сквиджи». Мы взяли кофе с булочкой и услышали от буфетчиков русскую речь. Мальчики жили в Ушуае и вот, подрабатывали на катамаране. Получили от нас добавочные песо.

Вся экскурсия заняла 4 часа. На берегу мы планировали откусать краба, которым знаменита Огненная Земля. Большенькие местные королевские крабы centolla, местные произносят «сентоша». Мы не стали брать целого краба в скорлупе, но взяли крабовый супец и краба с прамезаном – вроде такой запеканки. А ещё заказали «мерлуза негра» - Patagonian Toothfish, приобретающую в торговых сетях ипостаси «Black Cod» или «Chilean Seabass». Сейчас она продаётся у нас в Костко по 75 долларов килограмм. Исключительно вкусная рыба из семейства нототениевых (помните?).

Рестораны в Аргентине обычно не работают с 14.00 до 19.00, поэтому выбор открытых мест был очень небольшим. Мы уселись в «Эль Фаро» и вкусили крабов и рыбу, запивая местным очень приличным пивом. За соседним столиком сидели молодые ребята из Белоруссии – они работали стюардами на «Магнифике» и мы перекинулись парой слов. Услышав, что на «Селебрити» есть театральные представления и живая музыка в нескольких местах, они прищёлкнули языками – на их корабле MSC такого не было (почему-то... я думал, это на всех круизах бывает).

Мы ещё побродили по городу, прошлись по магазинам, купили шоколадки, алкоголь (перелили в «невидимый» контейнер), джем из ягоды калафате и консервную банку местных крабов. И к обеду (18:00) погрузились на корабль.

5. Но дальше и дальше плывёт Айболит...

К вечеру покинули гостеприимную крабовую Ушуайю и ночью шли к оконечности Южной Америки. Мыс Горн проходили в 6 утра. Была низкая облачность и морось. Видимость неважная. Но и большого волнения не было, что редко для тех широт. Правда, большую калошу о стабилизаторах и в шторм не особо сильно качает, смотря какой шторм, конечно.

«Ифинити» углубился в пролив Дрейка – между Южной Америкой и Антарктикой. Почти полных двое суток мы скакали по волнам, определяя силу ветра в баллах на глаз: есть несколько градаций, о

которых можно судить по барашкам, пенистым гребням и срыву пены с волн. Было 4-5 баллов.

К концу 2-го дня корабль резко снизил ход до 10 узлов: в Антарктических водах это предел по шуму винтов. Также были полностью исключены объявления и музыка на открытых палубах. Для пребывания в антарктических водах существуют жёсткие ограничения по количеству кораблей, одновременно посещающих определённые места. В проливе Школарта кроме нас не было никого, а с 6 до 8 вечера в Парадайз Бэй был только один наш большой теплоход, и ещё крутились 2 маленьких «круизных карлика» - что-то вроде Сиборн или Осана вместимостью 300-400 человек. Высаживать на континент могут только экспедиционные суда ещё меньшего размера, партиями не более чем 100 человек одновременно. Такие экспедиции из Ушуайи осуществляются в спартанских условиях и стоят около 15 тыс USD. Качает в Дрейке эти судёнышки нещадно.

На следующий день, опять же вечером, мы подошли к Елефант айленду, но он был скрыт низкими тучами. И только перед самым уходом вдруг блестнуло низкое солнце.

Ветер на палубе был пронизывающим и очень сильным. В воде резвились пингвины – они ныряли как торпеды маленькими стайками – корабль будоражил рыбу и они ее ловили. Киты показывались несколько раз.

Льдины плавали вокруг, а айсберги – только поодаль, Инфинити близко к ним не подходил. Особенно красивыми были виды, когда выглядывало солнце и когда мы подходили близко к скалам, на которых нависали толщи льда. Мы были близко к южному полярному кругу и солнце заходило на 2-3 часа.

В конце второго дня нас ждало главное разочарование: сообщение о том, что мы не заходим на Фолклендские острова из-за шторма. Папа

Сатырос уменьшил ход до 11 узлов и мы мучительно долго возвращались обратно через беспокойный Дрейк.

6. Пуэрто Мадрин

На траверзе мыса Горн открыли бассейны, небо посветлело и проявило голубизну. Народ мирно играл в карты за столиками в буфете, отчего найти свободное место стало ещё труднее. Видимо, с утихновением качки они слегка оправились и выползли из кают. Раздача напитков и еды до конца круиза производилась персоналом.

На пирсе Пуэрто Мадрина уже стоял «Волендам» Холланд Америки – судно несколько меньшего размера, чем наш «Инфинити». Пирс длиной около километра вёл на берег. Автобусы экскурсий от корабля стояли прямо под бортом, а всем остальным надо было чапать полдороги, откуда дальше к берегу возили бесплатные шаттлы. В один из них мы и уселись.

У нас ещё с прошлого года была забронирована экскурсия от местной компании Dos Oceanos, и когда наш прошлогодний круиз на Норвиджен отменился из-за ковида, и мы перебронировали всё на этот год на Селебрити, мы также перебронировали и береговую экскурсию. Стоила она 85 долларов + плата за национальный парк, итого 100 долларов с человека и отправлялась на Пунта Томбо – около 200 км в пути. Такая же экскурсия на автобусе от корабля стоила 285 долларов.

Нас встречали с именной табличкой. Усадили в легковой автомобиль вдвоём. Остальные экскурсанты отправлялись на полуостров Вальдес смотреть морских котиков и львов. Их усадили в 13-местный микроавтобус. Наш водитель хорошо говорил по-английски, всё рассказывал и показывал, на обратном пути остановился в городе, чтобы мы могли купить сувениры... мы хотели купить плюшевого пингвина, и они там продавались за 450 песо (1.3 доллара). А на корабле за 20 долларов. Однако местные были «дерибас», а на корабле – фирменные качественные, поэтому на берегу покупать не стали, взяли на корабле.

На Пунто Томбо была «эстансия» – местные фермеры (гаучо) пасли всякую копытную живность в своё удовольствие. Но лет 45 назад ни с того, ни с сего, на берег к ним высадилась колония пингвинов и зажила там на широкую ногу. И находчивые гаучо стали этих пингвинов всем показывать и не давать в обиду местным троглодитам. Правительство тоже подсуенилось и дало им всякие налоговые скидки и даже – самое ценное в Патагонии – пресную воду, и вскоре территория превратилась в заповедничек.

Деревянные мостки длиной около 2 км. Вокруг бродят, кормятся и спят пингвины, в основном Магелланские, но и Генту попадаются. Парочка расхаживает по дорожкам. Вокруг резвятся гуанако – безгорбые верблюды Патагонии. В конце дорожки пингвины скачут в прибой. Вдоль автомобильной дороги ползают броненосцы и ещё какие-то зверьки скачут, ближе к городу в большой луже стоят фламинго.

Мы приехали минут за 15 до массового нашествия автобусов, и это было здорово. По пути проезжали городишко Трелью (местные произносят «Трелеу») – мне это название было прекрасно знакомо по книге Пьера Шеналья «Последняя буря», как и прочие Сан Хулианы и Коммодоро Ривадавии.

Экскурсия нам понравилась и мы написали хорший отзыв на ТрипЭдвайсере. Был солнечный тёплый день, прилично за +30, но мы стойчески перенесли жару. В машинке был кондиционер. Дороги приличные, хотя и без асфальтированных обочин.

Отошли от пирса точно по расписанию, а вслед за нами через 15 минут отчалил «Волендам» и ещё долго следовал на некотором удалении. Предстоял ещё один день в море перед Монтевидео.

7. Уругвай

Стоянка в Монтевидео была короткая: с 10 до 4 часов. Мы приобрели экскурсию от круизной компании – обзорную экскурсию по столице Уругвая. Это небольшая по размеру, но наиболее развитая и дорогая

страна Южной Америки – уровень цен вполне как в Канаде. Из того, что рассказывала экскурсовод мы поняли, что и соотношение зарплаты и стоимости жизни тоже близко к современному канадскому – в том смысле, что для нормальной жизни нужно, чтобы оба супруга работали, иначе и на рынок жилья не прорвёшься, и образования не получишь.

Объехали город и прилегающие районы, послушали историю о том, что однажды уругвайцы обыграли бразильцев в футбол и с тех пор бразильцы перестали с ними здороваться; и что лет через 30 это, наверное, пройдёт. Посетили крытый рынок, выпили кофе с булочкой в местном кафе, расплатились долларами без проблем и вернулись на корабль.

8. Окончание

Утром последнего дня стали у пирса БА. Завтрак, короткие сборы и последняя экскурсия в Тигре – разветвлённые поселения в дельте реки. Из автобуса мы пересели в экскурсионную лоханку и в ней рассекали 3 часа по мутной от ила реке. Речную воду после тщательной фильтрации можно использовать в технических целях, а принимать в пищу – нельзя. Питьевую воду развозят на специальных катерах и наполняют бутылки, выставленные на причал каждой резиденции.

На берегу толпилось множество народа, ожидая посадки в лодку, но нас усадили безо всякой очереди. Была суббота и люди рвались на реку – на дачу или на пикник. После окончания заплыва мы на том же автобусе вернулись в аэропорт, где наш багаж уже ожидал нас под охраной корабельных мальчиков. Мы показали пальцами на свои чемоданы и мальчик быстренько оттащил всё на регистрацию, получив 2 доллара.

Регистрация была мгновенной, а на паспортном контроле мы простояли не меньше часа. Та же процедура – никаких штампов в паспорт, но отпечаток большого пальца правой руки и фотография в дело. Эйр Канада коварно ожидала своих жертв, причаленная к посадочному рукаву. И жертвы, потратив последние песо в дьютике, ровно в назначенный срок поднялись на борт...

ЮЛИЯ СТАРЦЕВА

Родилась в 1969 г. в Норильске. Окончила с отличием филологический факультет Красноярского госуниверситета (1994), затем Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1997). Работала корреспондентом, литературным редактором, корректором, главным редактором в печатных и электронных СМИ и издательствах. Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей (Ярославль, 1996), Международного форума писателей «Литературный экспресс Европа–2000» (Москва, 2000), юбилейных мероприятий «Астафьевские дни-95» (Красноярск-

Овсянка, 2019). Член Союза российских писателей. Лауреат двух литературных премий: Всероссийской литературной премии Фонда имени В. П. Астафьева и сибирской премии «Вдохновение». Обе премии присуждены за роман «Время нереально». В 1998 г. роман выдвигался на соискание премии «Русский Букер» (вошел в длинный список). Живет в Петербурге. Автор трех книг: «Избранная проза» (США, 2013), «Двуликий сирич» (СПб, 2017), «Время нереально» (Красноярск, 2019). Романы, повести, рассказы, очерки и эссе печатались в журналах и альманахах «День и Ночь», «Звезда», «Волшебная гора», «Новый Берег», «Енисей», «Соло» и мн. др. изданиях. Проза Юлии Старцевой переведена на итальянский язык.

ОТРЫВКИ ИЗ АНТИКВАРНОГО РОМАНА

Посвящаю ВВН

Всё в жертву памяти твоей.

А.С.Пушкин

...Ю-ю жила в Москве в юности и училась пару лет, – но столица, вернее, весь её центр, оказалась подёрнута неким туманом, который отвели солнечные длинные пальцы её друга. Владимир был лучшим экскурсоводом на свете и знал старую Москву наизусть.

Десять счастливых дней в «Богооставленной», как Кот именовал Первопрестольную, «московские каникуль». Блаженство взаимной любви, восторги, как в юности.

Ошалелую после «Сапсана» (впервые столь скорым поездом мчалась, шатало на ногах) повёл под бисерным ноябрьским дождем в переход, затем в метро (в нетерпении лапой под кожаную юбку нырнул, и руки у седого профессора снова тряслись, как у мальчишки, а Ю-ю знобило от волнения: семнадцать лет здесь не была) – «о, совсем другие вагоны метро в Москве!», вышли на знакомой старой станции, Смоленской-Филёвской, голубой – затем вниз под горку к грохочущему метромосту.

Какая-то грандиозная башня, фигуры на крыше... Не знала этого места. Дом Геологов, разъясняял словоохотливый друг, сталинский ампи́р, 1955 год постройки. Наркомат геологии прежде подчинялся бериевской конторе. Переулки-извивы: «ты не запомнишь сама этого пути, но вот несколько раз тебя провожу и встречу...»

Взмыв стального лифта в готическую высь, неизбежная метлахская плитка на полу перед двойной дверью.

Она тут же почувствовала себя Золушкой во дворце. «О Боже, он мажор, это же сталинская квартира», не без ужаса подумала Ю-ю. Антикварное роскошество и крайнее неряшество, огорчительная безалаберность. («Вот что он имел в виду, говоря: я не подарок, вот узнаешь!»)

У порога гостью и своего человека встретил юный белый котик в шапочке, с бурым хвостом и трёфовым тузом на копчике. «Он к Вам не пойдёт несколько дней, будет привыкать. И ещё он не мурлычет, да и не мяукает». Сели с дороги пить чай с миндальными печеньями на кухне: седой недотёпа сунул бумажный пакет в холодильник, и макарены отсырели, потекли размытой акварелью на бумагу. Через пятнадцать минут кот вскочил на колени к гостье и, пристально, с вызовом, глядя в глаза изумлённого хозяйского сына, громко затарахтел.

«О!» – слегка в нос сказал Владимир, – «влюбился сразу!» «А это он нарочно, наперекор Вам...» «Котик! Бархатный животик! Он Вас принял за молодую кошку».

...«Кеди» по-турецки означает «кот», «Van Kedisi» – коты озера Ван в Армении. В котёнчестве у него была тёмно-бурая турецкая феска на головке, но потом он возмужал, и от прибывшего умища феска

разъехалась, рассказывал «Кедин человек», как смиренно называл себя Владимир.

Привязанность его к племени Кота Мурра была необычайной, вполне в духе академических пристрастий «достойных людей» (как называют друг друга котоманы), Льва Гумилёва или Алексея Лосева.

Когда Ю-ю, читая «Фортунно», возмущалась убийством белейшей кошечки Бланшетты, «огромной пуховки с глазами», милый друг остроумно предположил, что за такое злодейство Готье на том свете вечно вычищает лоток за госпожой Бастет.

Рассказывал сам: «идешь по стогам цареградским, – стоят турки, улыбаясь, в кружок и на что-то смотрят. Подходишь – там кот под деревцем растянулся, позирует, ждет всё новых и новых похвал. Или в садике у университета сидит пожилой преподаватель, курит и беседует с возлежащим на лавке котом. В Сионской горнице жила во время оно беременная богатка.

Вообще во граде Иеросалиме с котегами весьма хорошо. Пусть их хранит Та, Чей инициал они заслуженно носят на лбу; с них не спросится, они безгрешные...»

(Нередко лоб скромных сереньких мурок отмечен буквой «М» – от земного имени Богородицы Мария; по преданию, у Царицы Небесной жила в келье такая кошечка, от благочестивой родоначальницы повелись все прочие усатые-полосатые с такой же отметиной.)

Котомания его приобретала даже характер религиозного поклонения, Владимир цитировал некоего катакомбного старца:

«Кошку в монастыре держали многие подвижники, епископ Игнатий Брянчанинов часто держал кота на коленях во время бесед.

Бесам никак не возможно подселаться в кошачьих. Недаром и Царь Давыд и Иоанн Богослов, и Сам Господь Бог и Спас наш Иисус Христос именуются Львами из колена Иудина! Таково чудесное устройство Творцом этого мира и не нам рассуждать о Его замыслах».

И он прибавлял от себя ворчливо, авторитетно рокоча, недаром в церковных архивах годами работал: «Китайцы и коты не упоминаются в Священном Писании, стало быть, Страшному Суду не подлежат».

Гипнотизирующий взор и просительное «миу-миу» – и Владимир шёл в магазин за кошачьими лакомствами для дворовых мурлык Отрадного.

Рассказывал: «В Лондоне бродячих кошек нет, а тут я иду по улице, вижу, с бубенчиком на шее котик проворно так бежит куда-то, я за ним: оказался в подвальчике букинистический магазин, хозяйка сказала, что котик при должности, посетителей зазывает. Конечно, купил альбом у них...»

«На то и жил почтенный дядя,
Презревши мира суету,
Не пил, не ел, не спал он, глядя
В глаза священному коту!»

Да! Влюбился с первого взгляда на гостью белый котик с роскошным бурым хвостом, на белом пузе – бурая заплатка клоком, на крестце – трефовый туз. Зубками острыми-преострыми брал женские пальцы по одному и делал вид, что загрызёт насмерть, а сам так нежно-нежно держал, как котёнка. Потом нацеловывал по очереди все пальцы шершавым язычком. А если в знак дружеского расположения хлопал Ю-ю бархатной лапкой по руке, коготки вбирал.

Кеда регулярно клал свой черно-бурый хвост на тарелки с едой. Мгновенный прыжок – на колени, поворотился, опухалом повеял – Ю-ю взвост, ан поздно.

«И белой лапкой чешет блох».

Пока меха сушились на высоте, нехолощёный котик предпринял две попытки добраться до них, пройдя по карнизу и верхней книжной полке: двуногие прибежали из кухни на грохот упавших сувениров, Кедю выдворили из кабинета, а потом перепрятали вещички в шкафу. Ю-ю веселилась: для Кеда её чернобурка была Спящей Красавицей, а сам он — кошачьим принцем. Однако расколдовать суженую злые люди не позволили. (У одной подруги Ю-ю кот шапочку с меховым помпоном сперва отымел, а потом унёс в зубах и сунул в миску с кошачьей едой: «подкрепляй силы, глупая кошка, ешь, я твой муж и кормилец!» Шапку выбросить пришлось.)

«ЖЕЛАЮТЬ Повязать сибирскую кошку съ сибирским котомъ,
имѣющихъ кота просягъ сообщить свой адресъ. Фонтанка, д 117, кв. 14».

Архивиста Кота Учёного восхищало это старинное объявление, хотел в

городских дореволюционных справочниках узнать, что за «достойный человек» жил тогда на Фонтанке.

Меж тем белый ванский кот явно пребывал в размышлениях о возвышенном — о верхней полке книжного шкафа, о чужой пушистой шапке.

А может быть, он не хуже кота Мурра понабрался учёности от хозяйского сына и сочинял в сию минуту одновременно учёный труд «История культа кота Кеди», мелодраму «Таинственная маркиза в чернобурках» и готический роман «Укусы в ночи».

Однажды хозяева зелёный диван отодвинули и нашли Кедин клад: листы бумаги и потерянную ручку, — «так наш Кедя роман втайне сочиняет!» Несомненно, Кедя знал наизусть всего «Кота Мурра» и бодлеровские стихи о котах. Редактором хаживал по хозяйским рукописям, потрошил корзину для бумаг; спросясь у Бастет, ставил лапкой незримое: «Дозволяется печатать».

Ночная Москва-река дрожала в панорамных окнах разноцветьем салютов. Там отражалась московская жизнь, казавшаяся зыбкой и манящей, миражом вечного праздника.

«Фейерверки в честь возвращения Сибирской Кошки», шутил хозяйский сын.

Да, семнадцать лет прошло.

Murr-murr, mon Amour, мурлыкала Ю-ю на чистейшем кошачьем.

Поверьте дипломированному филологу: от кошачьего «мурр» произошли французское l'amour и итальянское amore.

Прошла в полосе лунного света мимо шкафа-витрины, полного изваяниями Бастет и её племени – из фарфора, стекла, керамики, бронзы и даже каменной соли; еле слышное мурлыканье, слитное сладчайшее воркование доносилось оттуда. «Это колдовской дом», думала Ю-ю. «И он меня принял за свою».

Каково это – родиться, прожить всю жизнь и умереть в одном доме?

Сама Ю-ю сменила четыре больших города в своих кочевьях.

Над Москвой-рекой расцветали огни фейерверка, дробились павлиньими хвостами в чёрной воде, и шли по ночной реке прогулочные кораблики. Ю-ю в одиночестве любовалась ими сквозь панорамное окно: вид от башенки Киевского вокзала до высотки МИДа, на фоне

небоскрёбов М- Сити, искаживших столичный ландшафт («в мою московскую жизнь этих стеклянных башен Мордора не было!») . Гостя не чуяла, что коварный юный котауси, нехолощённый баловник, примеривается сделать сочный «кусь» голой лодыжке.

Чуть свет разбуженная хозяйским сыном: «Ю-ю, взгляни же на рассвет на Москва-реке!» – она заартачилась, капризно, чуть ли не со слезами завернулась в одеяло: «Не хочу! Я худо спала, меня искушал за ноги и оцарапал ваш кот!» «Влеком к божественным стопам», острил Кот Учёный. А Кедя у кровати валялся кверху пузечком, белым с бурой заплаткой, помавая лапками с видом невинности: «это не я! Я не мог так поступить! Это был какой-то совсем другой кот!»

...Да, на диво счастливые дни. «Ах, ты воскликнула сразу, выходя из вагона: «Вот мой Кот!» – и счастливо расплывался в улыбке сам. В «Сапсане» допекал Ю-ю детскими речами сосед, мальчишка-ухажёр; сумку тяжёлую понёс, но у вагона Маркизу уже ждал Кот Учёный.

«Вы как мальчик семнадцати лет, как первокурсник, пылки...» «нет, я мальчик лишь с тобой... снова школьник... Кот счастливый...»

Не вышло пресытиться друг другом – даже сквозь страдания и изнеможение тел – жажда, неутолимая жажда. В первую субботу даже не вышли из дому. Красное сухое на цветущих устах, с бутылки итальянского мерло начали свидание, и антикварную итальянскую кровать в спальне расшатали в первый же вечер.

Над изголовьем целился золотой стрелой лукавый павловский Амур – миниатюра с картины Карла Ванлоо, в тонкой багетной рамке. Предвестие павловских веселий. Злой божок заранее знал, что любовники девять раз придут в тот парк, где во Дворце, во Фрейлинской комнате, неутомимый лучник с лазурными очами Кота Учёного подстерегает неосторожных посетителей.

Расхожее суеверие твердит, что несчастливцам в любви наконечник стрелы кажется свинцовым.

«Какъ сладко амура стрѣлы остріе...»
«Когда я был мал, бабушка рубила яблоки для пирога, а я прибежал на

кухню – цап яблоко. Оса была рассечена ножом пополам – и ужалила меня отрубленной половиной тельца», рассказывал хозяин. Но назначенная Ю-ю стрела всегда была золотой, золотой, золотой.

В воскресенье Кот-в-Сапогах водил ещё свою Маркизу по окрестностям, рассказывал, где здесь что и вспоминал то детство своё, то примечательные случаи. День осенний, всю Москву перерыли кроты градоначальника Собянина в оранжевых жилетах.

Во дворе невысокое здание – «это бывшая типография издательства «Наука», где печатались известные тебе «Литпамятники», удобно было в тапках домашних носить им корректуры...» Рассказывал, отчего переплёты «Литпамятников» были темно-зелёными: на них пошёл ненужный материал отличного качества, оставшийся у государства после отмены старых паспортов.

Дошли до стеклянного, как в сказке про волшебное кольцо, пешеходного моста. «Никола-Щеповский оттого называется, что щепу от пожаров сохраняли здесь; а Поганый переулочек, – в отличие от Чистого, известного нам с тобою по прежнему месту работы, – потому поган, что там навоз хранили». У церквочек Ю-ю крестилась, кланялась, снимая красную перчатку. Воздух прозрачный, лист не весь облетел. Пригорки московские мощёные – после невской болотистой низменности отвыкшие ноги уставали идти то вверх, то вниз.

Дома, он, взяв женскую ступню в ладони и нацеловывая пальчики: «Какая ножка маленькая – в пол-ладони моей...». Потом: «Я тебя люблю сумасшедше, всегда буду любить – но я и в ту первую ночь в гостинице сказал, что никогда не брошу тебя...» (как будто она молила любовника: «ах, не бросай меня в колючий терновник!»).

Пили много сухого красного: кьянти, мерло, риоху. Вино в бокалах багрово алело, как закат над виноградниками Везувия. «Мерло Прато дель Фаджо» – как говорят итальянцы о грядущем бедствии, это, конечно, произойдёт, но не в наши дни и не со мною», твердил легкомысленно Кот Учёный. Не с нами, не с нами, мы вечны, оттого что счастливы вдвоём.

Владимир, растянувшийся как султан в восточной сказке, расположил на пузе сырную тарелку «Selezione di formaggi» с орехами и мёдом, любовники щипали кисть изабеллы и запивали красным вином... А ревноый котик белый лез в постель и на руки прыгал к Ю-ю, ревновал и к ноуту: нарочно ложился поперёк клавиатуры и не давал

набивать текст – лапкой сбоку ловил за руку. Песни ей мурчал, пальцы шершаво лизал. Любовники закрылись вдвоём в спальне, без Кеде, – тот шарил лапками под дверью или с размаху прыгал и бился всем телом, слыша весёлый хохот, шёл прочь по длиннейшему коридору с заунывной жалобой, клацал когтями по паркету.

Кота Учёного ждала срочная работа, и он ночью сидел за большой машиной, отлучался дважды в «Ленинку» – заказать книги и сделать нужные выписки. Так жаль его бессонных ночей, и чифирия в чашках, и кофейя, и табака, которыми он подстёгивал авральную работу разума. Уложила в кровать, посулив обманно: «Сейчас приду», – а сама Ю-ю с котом Кедей подмышкой и маленьким ноутом уходила в синий кабинет, посидеть пару часов на лицекнижии, пока Кот Учёный доверчиво спит. Будила его поцелуями (Кедя, спавший на груди своего человека, гипнотизировал гостью зелёными глазищами) – любовник улыбался, просыпаясь, с детским блаженством, голубые глаза мягко лучились светом. Устроил же праздник подруге.

Лишь нарушение молитвенного правила Ю-ю смущало: улучала время молиться перед медными святынями древлего благочестия, но не всякое утро так выходило. Синий кабинет с литыми иконами и крестами староверов. Сам не молится, а крестится ли? – да, пятернёй. (Густосиний цвет, по верованиям психиатров благополучных времён, благоприятен для нервнобоных.)

Огромный компьютер и принтер, на который укладывался кот Кедя и вёл строгое наблюдение. Под столом громоздился ящик с письмами одного «старого эсера» – до издания с учёными комментариями у архивиста руки так и не дошли. Маленький «египетский» столик, с обелисками из полудрагоценных минералов и бронзовыми фигурками сфинксов. В этом домашнем Луксоре Кедя охотно позировал жалким смертным, приняв ту же позу, что и священные чудовища.

«Коты — друзья наук и сладостных забав...»

(Ю-ю припомнила, как спустившись к Неве, воздев обе руки к солнцу, трижды ликующе окликала «френда» – по его «нику», взятому в ЖЖ имени, и он услышал её зов на Москве-реке.)

...Кота Учёного одолевала библиофильская страсть. Предметом его гордости было полное собрание «Книги Маркизы» с сомовскими фривольными иллюстрациями: дореволюционная книга с пожелтевшими листами, первый репринт 1996 года в бархатном фуляре и роскошное нумерованное издание «Витановы», полноцвет, переплёт кожа и замша с

золотцем. «Большая Маркиза», «малая Маркиза», издание на немецком языке – целая коллекция. В особой папке с тиснением, с розовыми атласными лентами – избранные иллюстрации на шёлковой бумаге. Сколь богата редкостями домашняя Котина библиотека в тысячи томов – однако Ю-ю корешки бегло проглядывала и в руки не брала, с небывалым для нее, заядлой книгочейки с младенчества, равнодушием. Даже антикварные «Книги Маркизы», с нескромными картинками Сомова, лишь спустя неделю удосужилась прочесть, и то оттого, что занемогла, и надо было посидеть в тишине пару часов. Даже дневник еп. Варнавы (Беляева), того, кто вынул Бориса Садовского из петли, под юродивым названием «Дядя Коля против», успела лишь до половины пролистать.

Но библиофильские беседы, разумеется, поддерживала – на радость хозяйну.

Одно столичное издательство, рассказывал Владимир, выпускало для крайне малого круга ценителей баснословно дорогие книжечки в переплётах из человеческой кожи: «Лолиту» в коже отроковицы, «Опасные связи» — в женской. Обмолвился о переплетах из человеческой кожи в библиотеках отчизны маркиза д' Сада: «Была даже фотография «Похвалы грудям» (Eloge des seins) с натуральным женским соском посередине обложки».

Кожа как материал для аппликации накладывает свои стилистические ограничения — всё возможно сделать только «крупными мазками», клочками дамской кожи. Поизящнее конгревом можно сделать, но это уже другая стилистика выйдет...»

«Затейники эти французы!» — отозвалась гостья, а сама думала: «То-то денег за всю жизнь на книжки извёл, нам и не снилось».

Обсуждали любимейшую книгу всех времён и народов: «Житейские воззрения кота Мурра» той же «Витановы». Переплёт из марокена — специальной кожи высшего качества для художественных переплётов из Германии (родины Гофмана и кота Мурра), на крышках переплёта: серебро 925-й пробы, глаза кота, кометы, звёзды — золото 585-й пробы, цирконы, гранаты, турмалины, рубины, лунный камень. Форзац: муаровый шёлк. Замок из серебра в виде кошачьей мордочки. И много иной роскоши в иллюстрациях и на обрезе книги для коллекционеров. Переплет чудесный, хотя сами иллюстрации не слишком удались.

«Гофмана вообще гораздо труднее иллюстрировать, чем кажется – не слишком получилось ни у Головина, ни у Феофилактова. А ведь мэтры и доки были», заметил Кот Учёный.

Любили котоманы эту книгу: с любой страницы можно зачитаться. А Ю-ю прониклась нежным чувством к френду, тогда лично незнакомому, за его давнее, ещё пятнадцатого года, письмецо: «Вот бы вашего «Сирина» издать в коже с блинтами, формата ин-кватро, чтобы в ладонь ложился уютно». Вот же пронзительный человек этот неведомый френд! Понимает в книгах.

О букинистах в Милане тоже говорили со знанием дела. Какие дорогие антики! Вот уж «не дева из цирка»...

Кот Учёный: «Россика» у него была, Елены Феррари итальянская книжка — дороже одноименной тачки; Гончаровой «Мистические образы войны» — пятнадцать тыщ евро».

Ю-ю изумлялась: «Псалтырь Андроника Невежи — да за неё убить могут».

Кот Учёный урчал: «Тут за добрую половину лотов можно пальмовых ветвей удостоиться, как во времена скрепоносных Борджиа».

Рассказал забавнейшую историю из своего издательского прошлого. Однажды в начале девяностых принёс ему забавный старичок тетради со стихами и прозой, написанными им в юности (которая пришлась на конец 1920-х). Оказался сыном крупного московского антиквара. В качестве гонорара приволок чемодан с серебряными обломками старинной посуды, причём немецкой, времён Лютера, с датой на ручке массивной кружки. Роскошное издание «за счет автора», по его же просьбе, Владимир рассылал по зарубежным славистическим центрам (Германию и США подверг практически ковровой рассылке, по четырём сотням адресов), из заграницы приходили любезнейшие ответы, типа «Вашу замечательную книгу читали всей кафедрой» (так ответил один провинциальный американский университет, видимо, не избалованный постсоветскими изданиями).

Слависты вообще хороший канал для пиара.

Автор воодушевился и заказал переиздание всех книжечек в одном томе, в переплете из натуральной кожи; делали его вручную, «на спицах».

Сейчас подобная утеха графомана поставлена на промышленные рельсы, московский, например, издательский дом «Золотое перо» только таких состоятельных авторов и публикует.

...Показал смартфон свой с уведомлением: «Ваш френд sinilga сделала новую запись в Живом Журнале!» – только на твой ЖЖ такая памятка

стоит...» – и в списке контактов – прелестная кудрявая головка, ранний снимок Ю-ю в её московском студенчестве. «Ты – кошечка в короне!» – молвил с нежной отсылкой к аватарке ЖЖ.

Много фильмов пересмотрели, да всё не то, кроме «Сатирикона» и «Казановы»; Гринуэй показался смешон – «Матильда для пидоров», а не «Эйзенштейн в Гуанохуато» (и не выговорить неприличия).

Что для мужчины любовь? Самое то! Обожествовал до последнего волоска не сказать где, до капельки слюны в поцелуе. «Ах, Кот, неужели мы это позабудем?» – томилась Ю-ю. «Никогда, до самой смерти; ах, какое блаженство; я думал десять лет назад, что уже никогда любви не знать, что уже настала старость – болезни, скорая смерть. Это всё ты, жизнь воскресла из-за твоих красных губ, твоих маленьких белых ручек!» Мужское счастье немудрёное: «Счастливый Кот!» Взхлёб, с неистовством, счастливы сыны Адама чем же?.. когда стоит как железный и взлетает не токмо от прикосновения, поцелуя, даже от звука голоса или смеха или просто лукавого взора Евы.

Страсть утомительна. От чрезмерности удовольствий Ю-ю хворала, будучи слабого здоровья. Но он был покорён, глядел в зеркальце на кровотокающий укус, оттопыривая нижнюю губу, с восторгом: «снова я мальчик и снова любовник...», и голос его был лёгкий, он словно пел: «Люблю сумасшедше, до умоисступления люблю».

Лепетал с воодушевлением: «У меня есть старинный медальон с секретным отделением... Но отчего ты отказала срезать прядку волос на память? В архивах столько медальонов, а ведь никто не знает, что там за волосы хранятся», – со шкодливым мальчишеским смешком, – «откуда они срезаны...»

(Вспомнился ей рыжеватый клочок с пушкинских бакенбард в музее на Мойке, 12.)

Кинулся за ножницами, но Ю-ю испугалась и оттолкнула его руки, – из опаски оккультного вреда, приворота, – книжные ряды иудейских мистиков и каббалистов, вроде Шолема, в непочётном месте, у туалета, очень её впечатлили. «Я мистиков люблю читать», отговорился Кот Учёный. Там же, на стене висела чёрная нагайка – память о казачьем происхождении рода. Ю-ю и на неё опасливо покашивалась.

Ей казалось, будто её друг владеет какими-то эзотерическими знаниями или состоит в тайном обществе. С его-то кошачьим любопытством! У него и душа в рост пошла ещё в детстве. Не просто «Bücherwurm»,

книжный червь с громадным запасом знаний, а любознательный и страстно взволнованный новизной жизни исследователь, гурман и гедонист-эпикурец.

«Ваша любовь к старине – ведь это общение с запредельным миром, по сути, посещения кладбищ», говорила она.

В протяжённом коридоре – обломок староверческого кладбищенского ангела или Сирина об одном крыле. Володечка, долговязый хмурый отрок, в четырнадцать лет нашёл его в овраге и с помощью доброхотов притащил домой. Персидский кинжал в ножнах, усыпанных бирюзой, жемчугами и шпинелью, за стеклом книжного шкафа – память о восточных вояжах отца, переводчика советского МИДа; прежде на стене в прихожей висело афганское ружьё-джезайль, с драгоценным орнаментом приклада, но ему не суждено было выстрелить из длинного ствола – хозяева раз позабыли закрыть двери на ночь и проспали кражу.

Зато старый браунинг дремал в ящике письменного стола, в промасленной тряпице: «а я думала, Вы только поэта Браунинга знаете...».

Военные увлечения совсем не шли к личности Кота Учёного, по мнению его подруги.

«А Вы, Ю-юша, – сами поэт, конечно, – по прозе это видно, у прозаиков она другая», отвечал он.

На возражение, что рифмовала лишь дразнилки в школе и в универе, заметил: «Поэзия – это не рифмы (есть множество стиховых систем, где не то что рифм, а и размеров нет), а альтернативное прозаикам миросозерцание (тогда как у прозаиков мировоззрение; разница плохо на русском передается, как и гемайншафтный/гезельшафтный, – в общем, всё это придумали немецкие романтики)».

Пейзажики, этюды и натюрморты маслом и пастелью в золочёных багетах по стенам, антикварная мебель из карельской берёзы, пострадавшая от когтей Кеди и его предшественников. Сушёный крокодилчик, разинувший пасть, непременный атрибут кабинета Фауста.

ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ

Стена

Дед давно уже не вставал с постели, почти не разговаривал, всё меньше понимал, что вокруг него происходит. Он только поднимал руку и медленно водил согнутыми шероховатыми пальцами по обоям. Через некоторое время уставал, клал руку поверх одеяла и внимательно смотрел на её невидимый след. Потом закрывал глаза. Отдохнув немного, опять начинал водить ладонью по стене...

Лежал он за ширмой в проходной комнате "хрущёвки". В этой комнате жили ещё его дочь с мужем, а если пересечь её по диагонали, то попадёшь в маленькую комнату внука-студента и внучки, которая институт уже окончила и работала в библиотеке.

Деду казалось, что стена эта с самого детства была рядом с ним. Так и стояла на расстоянии вытянутой руки. Не сдвинуть её... И ширму тоже.

Он был на два года старше Сталина. Жил за чертой оседлости, но смог выучиться на провизора и в самом начале прошлого века перебрался в Москву. Поселился на Таганке в добротном четырёхэтажном кирпичном доме. Шестнадцать квартир сверху и "полноценный" жилой подвал с окнами ниже уровня земли. Вокруг зелень и деревянные дома в два-три этажа. Улица называлась "Пустая" (пустырей в тех местах раньше было много). Потом, уже при советской власти, переименовали её в "Марксистскую". Квартира состояла из четырёх комнат и кухни. Три для хозяев и одна около уборной для постоянной прислуги. Через "распашную" гостиную хозяев имелись два прохода: с одной стороны в спальню, а с другой – в детскую. Дед работал в аптеке недалеко от дома и кормил всю семью (у него с женой были два сына и две дочки). Жили скромно – какая уж там постоянная прислуга, хотя прачка к ним приходила. После революции их уплотнили, конечно, но по-божески. Забрали только комнату для прислуги и поселили туда трёх человек – мужа с женой, любителей выпить, и маленького их сынишку. Так и жили. Незадолго до Отечественной жена умерла, а дочери вышли замуж. Старшая – в Минск. Младшая своего привела сюда.

В эвакуацию дед, пенсионер уже, поехал вместе с беременной младшей дочкой. Жилось и выживалось там, в далёком казахском посёлке, ох как нелегко. Раз ты мужик, то и трудись в колхозе наравне с другими без всяких скидок. Заработал такую грыжу, что не решился потом делать операцию, носил огромный суспензорий, сшитый по заказу... А его жизнь за ширмой около стены началась сразу, как

вернулся он в свою московскую квартиру. Сыновья к тому времени тоже обзавелись семьями. В "спальне" расположилась семья младшей дочери, в "детской" – семья одного из сыновей (другой перебрался к жене). Три стола на общей кухне... Дед, понятное дело, был "приписан" к дочери. Уцелели все кроме мужа старшей. Она после эвакуации вернулась с сыном в Минск, поближе к его родне. Да и понимала, что всем тут не поместиться...

В начале шестидесятых зятю дали двухкомнатную квартиру в типовой пятиэтажке, и остались в старом доме три человека в трёх комнатах: дед и его сын с женой, бездетные. Да только когда он совсем слабым стал, невестка сыну ультиматум поставила: "Отец твой с нами четыре года пожил – и хватит. Надоело мне за ним подтирать. У него в Москве дочь имеется". Увезли в Черёмушки...

Теперь опять с одной стороны ширма, а с другой – стена. Такой вот закуток получился. Заходили сюда дочка и зять, кормили, убирали за ним, пытались общаться, не рассчитывая на ответную реакцию. Дочка – учительница, зять – научный работник. Справлялись как-то... Внук с внучкой заглядывали редко, у молодых свои дела.

Время почти остановилось, и деду казалось, что уже полжизни лежит он здесь. Всё труднее становилось поднимать руку и ощупывать неподатливую стену... Но однажды ночью он с удивлением почувствовал, что стена отступила, и рука свободно проходит сквозь неё. Пошевелил пальцами. Они легко сжимались в кулак, легко распрямлялись. Такого давно уже не было. Попробовал присесть. Получилось. И ноги стали слушаться. Он перекинул их по ту сторону кровати, где стена. Встал. Пошёл вперёд медленными неуверенными шагами. Вокруг была полная темнота, но вдруг вдалеке показался Свет...

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

Редактор Галина Лазарева

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

В этом году альманах «Витражи», по договоренности с центром арт-терапии и интермодальной терапии искусствами «Делаландия» - организатором литературного конкурса «Состояние полета», представляет подборку победителей конкурса в разделе «Поэзия для детей».

ИРИНА КИТОВА

Родилась в городе Камышине Волгоградской области, школьное детство прошло в Латвии. Живу в рабочем посёлке Базарный Карабулак Саратовской области. Юрист, государственный служащий. Член Союза писателей России. Автор трёх поэтических сборников и книги стихов для детей. Публиковалась в альманахах «Литературный Саратов», «Другой берег», «Нетерпеливые строки», «Радуга-21

век», «Авторский союз», «Литературный курс», «Капитан Грэй», в журналах «Волга-XXI век», «Сура», «Дрон», «Формаслов», «Дружана», «Северо-Муйские огни», «Перископ».

Лауреат литературных конкурсов «Турнир поэтов» (Саратов), «Огни золотые» (Саратов), «Гайдаровский конкурс», «Хрустальный родник», «Солнечные часы» (Орёл), «Литера Артель» (Челябинск), «Русский Гофман», «Мгинские мосты». Лауреат медали Григория Коновалова (Саратов).

Ириска

А вы на уроке, допустим, английском
В кармане своём находили ириску?

Пока все о суффиксах переживали,
Вы эту ириску за партой жевали?
Как будто другие не видели это.
Как будто за окнами всё ещё лето.
Как будто и правда возможно без риска
Кому-то жевать на уроке ириску!
Ириска в кармане – плохая примета,
К зубам прилипает не хуже цемента.
И скован язык, и мычишь еле-еле...
А вы на уроке от страха немели?
А вы незаметно под парту ныряли,
Пока остальные слова повторяли?
Кривлялись? Сопели? Стояли в печали,
Когда на вопрос по-английски мычали?..
Ведь строгий учитель оценит едва ли,
Что вы на уроке ириску жевали,
Как будто другие не видели это,
Как будто за окнами всё ещё лето,
Как будто и правда возможно без риска
Кому-то жевать на уроке ириску!
И даже при школьной нелёгкой нагрузке
Мычать по-английски и даже по-русски!

У ручья

ДУМУ тихую, ничью
Я доверила ручью.
Но постой, начну сначала.
Я пришла – она скучала
Под бревенчатым мостом,
Под ракитовым кустом
И была совсем ничья.
А теперь она – ручья!
И под илистым обрывом,
Где укрылся водяной,
Гладит спины сонным рыбам,
Дружит с медленной волной.
И ручей, как говорят,
Этой дружбе очень рад!

Приходи и ты поДУМАть
Про ручей и про закат.

Куда улетают воздушные шары?

Мы быстро и шумно разбились на пары
и взяли себе по воздушному шару:

Ведь нужно успеть
шарам улететь –
проворным,

цветным,

круглолицым!

По школьной весёлой традиции.

Любуясь, смотрели шумящие клёны
на – красный,

оранжевый,

жёлтый,

зелёный,

на шар голубой
и синий.

Любой

себе выбирай и поэтому
я взял озорной фиолетовый.

Полёт к облакам ожидался неблизкий.

Мы к нашим шарам привязали записки –

с лучистой весной,

с мечтою простой,

с большими, как дружба, приветами!

И прыгал мой шар фиолетовый!

Пора! Закружились шары оживлённо:
за красным –

оранжевый,

жёлтый,

зелёный!

Летел за гурьбой
большой голубой,

и синий, как небо, приветливый!
Прощай, озорной фиолетовый!

Большие,
цветные,
весёлые,
дружные...

Куда же шары улетают воздушные?
Я знаю! Шары,
покинув дворы,
уносятся, не возвращаются,
а в радугу все превращаются!

Скучает и смотрит на крыши и клёны
тот красный,
оранжевый,
жёлтый,
зелёный.

Зовёт за собой
большой голубой,
и синий, как небо, приветливый,
и мой озорной фиолетовый!

ЕЛЕНА ПАЛЬВАНОВА

Окончила переводческий факультет МГЛУ, работаю переводчиком с английского и французского языков. Также преподаю практику перевода в Московском государственном лингвистическом университете. Становилась победителем и призёром ряда международных и всероссийских литературных конкурсов «Русский Гофман», «Хрустальный родник», «Зелёный листок». Автор поэтического сборника «Присказка» (Свой голос, 2020) и сборников рассказов «Невероятно? Не факт...» (Порт приписки, 2021) и «Эники-беники, абракадабра!» (Порт приписки, 2022). Также публиковалась в коллективных сборниках «Тишина на задней парте!», «Учил, но забыл, или Задание на лето» и др., и в газетах и журналах «Москва», «Наш современник», «Второй Петербург».

Плевако

С собрания папа вернулся сердитым,
Меня обозвал малолетним бандитом.
Ответил я папе, что я не бандит,
И это ему целый класс подтвердит.

Не я отобрал у Щегловой перчатки,
На них не мои, а её отпечатки!
Она их на ветку швырнула сама.
Зачем? Да свихнулась! Совсем без ума!

На парте не я рисовал! Это Лиза!
Пусть почерк проверит сперва экспертиза.
Ведь с Лизой сидим мы за партой вдвоём,
И, кажется, алиби нет у неё.

Да, дрался. Но был в состоянии аффекта!
Нельзя не учесть вот такого аспекта!
Оценки подделал другой ученик,
А против меня нет надёжных улик!

Сказал папа маме, присвистнув: «Однако!
Смотри-ка: наш сын – настоящий Плевако».
А я только хмыкнул спокойно в ответ.
Они не докажут! Свидетелей нет!

...И всё-таки, как же они догадались,
Что мы с Никитосом друг в друга плевались?

Фортель

Отчебучил братец фортель!
Вот так неуч! Вот так здрасьте!
В дедов юбилей на торте
Написал «жЫлаю щЯстья».

Зачеркну ошибки брата!
Про «жи-ши» с «ча-ща» я знаю!
«А» и «И» писать здесь надо.
Значит, «щАстья» и «жИлаю».

Всё! Ошибок нет на торте!
Но расстроен братец бедный
И ревёт: «Ты всё испортил!
Ты противный, гадкий, вредный!»

Даже не сказал спасибо!
Тут услышал я от деда:
«Молодец, Серёжа. Ты бы
Стал отличнейшим главредом!»

Это дед придумал славно!
Брату я кричу победно:
«Вот я стану самым главным!
Буду самым-самым вредным!»

А чего стесняться? Хватит!
Ведь за вредность больше платят!

Толстушка

Однажды, уткнувшись печально в подушку,
Рыдала забытая всеми толстушка:
«Как жаль, что всем нравятся только худышки,
А я, говорят, неподъёмная слишком.

Со мной не хотят ни водиться, ни зняться,
Меня, как мне кажется, даже боятся,
И я каждый раз в одиночестве плачу,
Хоть внутренний мир мой гораздо богаче.

Увидите: стоит мне только раскрыться,
Прочтёте вы всё до последней страницы.
Любите, пожалуйста, всякие книжки:
И книжки-толстушки, и книжки-худышки!»

ВИКТОРИЯ СОКОЛОВСКАЯ

Автор 3 книг поэзии. Лауреат премии Всемирного литературно-поэтического конкурса «Надежды лира золотая» от Первого литературного музея А.С.Пушкина в США (Нью-Йорк, 2003). Обладатель гран-при IX Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (Крым, 2023).

Лауреат IV Международной литературной премии «В начале было Слово» 2022-2023.

Публиковалась в журналах «Западная Двина» (Минск), «Метаморфозы» (Гомель, «Балтика» (Калининград), «Твоя глава» (Москва), «Соты» (Киев), «ЛИФФТ» (Москва), «На русских просторах» (Санкт-Петербург), «Южное сияние» (Одесса), «Литературные знакомства» (Москва), «Крым» (Симферополь); в альманахах «Русский Stil» (Германия), «ЛитКузница» (Волгоград).

Одноклассница

Она играла роль принцессы
И отвечала у доски
Словами из внешкольной пьесы,
Забыв из текста две строки.

Во мне разыгрывалась драма
Слиянья снега и огня,
Когда она смотрела прямо,
Но выше и правей меня.

Там на неё в луче весеннем
С портрета в раме на стене
Смотрел поэт Сергей Есенин...
С чего ей думать обо мне?

Рисунки на полях

На полях обычной тетради в клетку
Расцветают птицы, поют цветы,
И большое дерево тянет ветку,
Дотянуться пробуя до мечты.

А внизу под деревом ходит кошка
От ушей зелёная до хвоста,
Эта кошка взбалмошная немножко
И чуть-чуть похожая на кота.

Для неё проложена вдаль тропинка
До других страниц и других полей.
Там, в углу, развешена паутинка
С парой мушек, прочно застрявших в ней.

Паучок спускается вдоль каната
Вертикальной линии на листе.
Он решил наведаться в гости к брату,
Не сидеть же с мухами в тесноте.

У другого края грустит русалка.
По реке уныло плывёт весло.
Чуть левее тихо идёт рыбалка,
И какой-то рыбке не повезло.

Но уже на следующей странице
Отпускает лодочник свой улов,
И чешуйка рыбки в воде искрится!
А чуть ниже – несколько важных слов.

Тут художник явно даёт промашку:
Под словами, «сказанными» с трудом,
Человечек в шортах несёт ромашку
Человечку в платянице голубом.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ)

"... петь, задыхаясь, на страшном просторе..."
Эдуард Багрицкий

Он с детства страдал от астмы и задыхался. Но удушье отпускало, когда он вслух читал стихи. И никто не читал их как он. Стены словно раздвигались; голос звучал мощно и свободно, казалось, он звучал на вольном воздухе, на необъятном просторе - так звучат волны, ветер, гудки пароходов, птичьи клики...

Поэзия Эдуарда Багрицкого - неотъемлемая часть русского Серебряного века. В то же время он, бесспорно, один из основоположников советской поэзии. В его стихах - романтика революции, гражданской войны, героического труда первых пятилеток. Хотя всё это осталось в прошлом, подверглось глубокому переосмыслению, творчество Багрицкого, его яркие, порой без преувеличения гениальные строки остаются классикой русской поэзии. Поэт прожил всего 38 лет, но его сборники "Юго-Запад" и "Победители", поэмы "Последняя ночь" и "Февраль" повлияли на целую плеяду поэтов. "Мне ужасно нравился в молодости Багрицкий", — писал Иосиф Бродский, считавший его одним из самых близких по духу поэтов.

Эдуард Багрицкий (Дзюбин) родился 4 ноября 1895 года в Одессе. Детство его не было безоблачным. Быт мещанской еврейской семьи, унылая, затхлая обстановка родительского дома; неизлечимая астма, мучившая его с подросткового возраста, отчаянное стремление вырваться из-под гнёта обстоятельств – все это ярко и с горечью позднее нашло своё отражение в стихах.

Друзьями его юности стали природа, книги, Одесса. Он рос в этом прекрасном южном городе, среди пёстрой и шумной одесской бедноты. Чёрное море, сутолока порта, матросы, грузчики, контрабандисты, рыбаки. Этот ярко освещённый солнцем мир не только играет всеми красками в юношеских стихах Багрицкого - он сформировал поэта-романтика, чьи лучшие стихи, вопреки времени, продолжают волновать и вызывать жаркие споры. Мальчик читал запоем; занимаясь в реальном училище Жуковского, он часто убегал с уроков - манили книги, рыбная ловля, голуби, игры, солнце.

Стихи Багрицкий писал со школьной скамьи. В ранних его стихах сильнее других ощущается влияние Гумилева, акмеистов. Постепенно преодолевая подражательность, молодой поэт вырабатывал свой

неповторимый стиль. Его первые публикации были в газете "Южная мысль" и в издававшихся в 1915-17 гг. в Одессе альманахах с претенциозными названиями "Серебряные трубы", "Авто в облаках" и т.п. Уже с 1915 г. поэт печатается под псевдонимом "Эдуард Багрицкий". Вскоре он становится одной из самых ярких фигур среди молодых талантливых одесских литераторов - впоследствии советских классиков (Юрий Олеша, Илья Ильф, Валентин Катаев, Лев Славин, Семён Кирсанов, Вера Инбер).

"В 1917, после революции, я попал на фронт. Из тихой еврейской семьи, где я родился и воспитывался, попал я в казачью среду на персидский фронт. Там я пробыл до 1918 г. и вернулся в Одессу. Началась Гражданская война. Одесса была городом непрерывных боев, в котором жестоко боролись революция и контрреволюция..." - вспоминает Багрицкий. В годы гражданской войны на Украине он был "поэтом походного политотдела", писал листовки и воззвания для Особого партизанского отряда имени ВЦИК. После войны работал в Одессе как поэт и художник в ЮгРОСТА (Южное бюро Укр. отделения Российского телеграфного агентства) вместе с Ю.Олешей, В. Нарбутом, В. Катаевым. Они писали частушки для РОСТА, создали уличного Петрушку, собиравшего по дворам Одессы толпы детей и взрослых, заставляя забывать о сыпняке и голоде. Вместе с коллективом РОСТА Багрицкий выезжал на фронт. В суровой реальности Одессы тех лет закалялся, крепчал его неповторимый поэтический голос.

Обладая феноменальной памятью и блестящим знанием русской и европейской поэзии, Багрицкий стал лидером оставшихся в Одессе после 1920 г. поэтов и душой литературной жизни города. В 1920-21 гг. активно участвовал в литературных кружках "Коллектив поэтов", "Хлам", "Мебос". Студия "Потоки Октября" (1922-25 гг.) благодаря турокам Багрицкого стала настоящей школой поэзии; большинство студийцев впоследствии стали переводчиками. Сам он безукоризненно владел поэтической формой, легко импровизировал - мог на спор за пять минут написать сонет на заданную тему.

В декабре 1920 г. Багрицкий женился на старшей из трех сестер Суок – Лидии Густавовне. В 1922 г. родился сын Всеволод. О непригодности поэта к жизни ходили легенды. Валентин Катаев описал быт семьи Багрицких в своем "Бездельнике Эдуарде". По Катаеву, всё, что Эдуард умел - это писать стихи, но они никому не были нужны. Кроме того, поэт увлекался птицами; на содержание пернатых уходила большая часть семейного бюджета.

Вскоре случилась беда: Багрицкий вступил в публичный спор с Маяковским, и в Одессе его перестали печатать. Семья жила в полной нищете. Одесским писателям пришлось даже устроить благотворительный вечер, чтобы купить коллеге приличную одежду... В 1925 г. Багрицкий перебрался в Москву. Его стихи мгновенно завоевали столицу, печатались в "Новом мире", "Молодой гвардии", "Красной нови". Он стал членом литгруппы «Перевал», через год примкнул к конструктивистам, а в 1930 г. вступил в РАПП. В 1928 г. выходит первая книга "Юго-запад", большинство стихов из которой написаны в Одессе: "Тиль Уленшпигель", "Арбуз", "Контрабандисты". В книгу вошла и поэма "Дума про Опанаса". В 1932 г. вышли сборник "Победители" и "Последняя ночь". К отбору стихов Багрицкий относился беспощадно: в книги, изданные при жизни, вошло меньше трети им написанного.

С начала 1930 г. у Багрицкого обострилась астма, которой он страдал всю жизнь. До последних дней поэт напряжённо работал. Он умер 16 февраля 1934 г. в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

За романтическим воспеванием революции и строительства социализма в творчестве Багрицкого нельзя не увидеть скрытого разочарования в реальности нового общества, несогласия с карательным режимом Сталина, который становился всё очевидней. Но поэт не дожил до "борьбы с космополитизмом" и самых страшных злодеяний сталинской эпохи. В его творчестве поддержка революции и новой власти переплелась с мучительным осмыслением жестокости революционной идеологии и тоталитаризма. В стихотворении 1929 г. "ТВС" тяжело больному автору как бы в бреду является умерший Феликс Дзержинский и говорит ему страшную правду про наступающий век: "Оглянешься – а вокруг враги; Руки протянешь – и нет друзей; Но если он скажет: "Солги", – солги. Но если он скажет: "Убей», – убей... Все друга и недруга стерегло... Над ними захлопывались рвы. И подпись на приговоре вилась Струей из простреленной головы".

К счастью, этого не поняла тогдашняя цензура. Но сегодня - разве можно не почувствовать этот горчайший сарказм! спутать облеченное в поэтическую форму чувство ужаса от надвигающегося кошмара, в котором гибнут и правые, и виноватые, а правда неотличима от лжи - с "воспеванием насилия"? Открыто говорить о сталинском режиме тогда было уже невозможно. Но Михаил Кузмин наверняка понимал подтекст Багрицкого, когда в 1933 г. писал о "ТВС" как о чём-то "смутном и

подспудном”, т.е. скрытом протесте против складывающегося карательного режима.

Позже было сказано, что "Багрицкий вовремя умер". Его не коснулась карающая рука сталинского "правосудия". Он не узнал о трагедии своих близких. Жёну репрессировали в 1937-м, и она 20 лет провела в лагерях и ссылке в Караганде. Здесь она должна была ежедневно отмечаться в местном НКВД, который, по иронии судьбы, находился на улице, носившей имя её мужа... А рано оставшийся без родителей сын Всеволод, юный талантливый поэт, погиб на войне в 1942-м. Ему было только 20 лет.

По живому чувству природы стихи Багрицкого не уступают лучшему, что написано о ней в русской поэзии. Он ощущал природу всем своим существом, был влюблён в вечное таинство жизни: "Мне любви традиции Жадной игры: Гнездовья, берлоги, Метанье икры..." Поэт не описывает, а как бы транслирует трепещущий живой мир, который "свищет, щелкает, звенит". Ярчайшие, непревзойдённые образы и краски Багрицкого передают первозданную мощь и свежесть природы - в ней "солнц повороты", звёзды "в кулак размером", "молодой прибой", "свирепая зелень", удивительные птицы и рыбы, ветер, который "закипает брагой". Прочтите стихотворение "Весна"! Вдохните прелесть весенней южной ночи в поэме "Последняя ночь"! И две последние строки, написанные Багрицким перед смертью (пытаясь закончить поэму "Февраль", о которой по сей день ломаются копыя, а значит, поэма для сегодняшнего читателя "жива") - "Будут ливни, будет ветер с юга, Лебедей влюблённое ячанье...".

Как много хотелось бы сказать о Багрицком! О его блистательном поэтическом мастерстве. О вечно молодой романтике и свободолюбии его поэзии. Об удивительных переводах английских, американских, французских, турецких, еврейских и др. поэтов. Шотландцы-слависты ставят его перевод стихотворения Бернса "Джон Ячменное зерно" выше, чем перевод С. Маршака. О писавшемся на протяжении всей его жизни "фламандском цикле" стихов о Тиле Уленшпигеле. Исаак Бабель, близкий друг, писал о поэте как о "плотояднейшем из фламандцев", а также, что в светлом будущем все будут "состоять из одесситов, умных, верных и веселых, похожих на Багрицкого". О его противоречивой и удивительной поэме "Февраль"...

Но о Багрицком написано много - от воспоминаний коллег-современников (Валентин Катаев, Павел Антокольский и мн., мн. др.) до

современных исследователей его творчества. Порекомендуем здесь лишь одного, глубокого и оригинального - российско-американского писателя и литературоведа М.Д. Шраера. Его книга о Багрицком "Русский поэт / Советский еврей: Наследие Эдуарда Багрицкого" была в английском переводе издана в 2000 г. в США (Maxim D. Shrayer. Russian Poet / Soviet Jew: The Legacy of Eduard Bagritskij. Lanham & Littlefield. 2000).

А главное - читайте Багрицкого! Его поэзия, в отличие от многих его современников, не утратила своей "молодости". Она по-прежнему волнует и захватывает, и читать её - наслаждение.

Анастасия Сойфер

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

(1895 – 1934)

Русский поэт, переводчик и художник-график. Яркий представитель поэзии "Серебряного века".

Возвращение

Кто услышал раковины пеньё,
Бросит берег и уйдёт в туман;
Даст ему покой и вдохновеньё
Окружённый ветром океан...
Кто увидел дым голубоватый,
Подымающийся над водой,

Тот пойдёт дорогою проклятой,
Звонкою дорогою морской...
Так и я...
Моё перо писало,
Ум выдумывал,
А голос пел;
Но осенняя пора настала,
И в деревьях ветер прошумел...
И вдали, на берегу широком
О песок ударились волна,
Ветер соль развеял ненароком,
Чайки раскричались дотемна...
Буду скучным я или не буду -
Всё равно!
Отныне я - другой...
Мне матросская запела удаль,
Мне трещал костёр береговой...
Ранним утром
Я уйду с Дальницкой.
Дынь возьму и хлеба в узелке, -
Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я - матрос на греческом дубке...
Свежий ветер закипает брагой,
Сердце ударяет о ребро...
Обернётся парусом бумага,
Укрепитя мачтою перо...
Этой осенью я понял снова
Скуку поэтической нужды;
Не уйти от берега родного,
От павлиньей
Радужной воды...
Только в море
Бесшабашней пенье,
Только в море
Мой разгул широк.
Подгоняй же, ветер вдохновенья,
На борт накренившийся дубок...
1924

Я сладко изнемог от тишины и снов,
От скуки медленной и песен неумелых,
Мне любви петухи на полотенцах белых
И копоть древняя суровых образов.
Под жаркий шорох мух проходит день за днем,
Благочестивейшим исполненный смиреньем,
Бормочет перепел под низким потолком,
Да пахнет в праздники малиновым вареньем.
А по ночам томит гусиный нежный пух,
Лампада душная мучительно мигает,
И, шею вытянув, протяжно запева
На полотенце вышитый петух.
Так мне, о господи, ты скромный дал приют,
Под кровом благостным, не знающим волненья,
Где дни тяжелые, как с ложечки варенье,
Густыми каплями текут, текут, текут.
1919

Птицелов

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.
Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.
В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.
И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка - и каждой птице
Посвящает он манок.
Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, -
Из бузинного прикрытья

Отвечает соловей.
Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, -
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.
И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый легкий, самый звонкий
Свой березовый манок.
Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует, -
Громким голосом береза
Под дыханьем запоет.
И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На березе придорожной
Зяблик загремит в ответ.
За проселочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.
И пред ним, зеленый снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встает огромной птицей,
Свищет, шелкает, звенит.
Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.
По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.
Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?
1918 - 1926

Одесса

Клыкастый месяц вылез на востоке,
Над соснами и костяками скал...
Здесь он стоял...
Здесь рвался плащ широкий,
Здесь Байрона он нараспев читал...
Здесь в дымном
Голубином оперенье
И ночь и море
Стлались перед ним...
Как летний дождь,
Приходит вдохновенье,
Пройдет над морем
И уйдет, как дым...
Как летний дождь,
Приходит вдохновенье,
Осыплет сердце
И в глазах сверкнет...
Волна и ночь в торжественном движении
Слагают ямб...
И этот ямб поет...
И с той поры,
Кто бродит берегами
Средь низких лодок
И пустых песков, —
Тот слышит кровью, сердцем и глазами
Раскат и россыпь пушкинских стихов.
И в каждую скалу
Проникло слово,
И плещет слово
Меж плотин и дамб,
Волна отхлынет
И нахлынет снова, —
И в этом беге закипает ямб...
И мне, мечтателю,
Доныне любви:
Тяжелых волн рифмованный поход,
И негритянские сухие губы,

И скулы, выдвинутые вперед...
Тебя среди воинственного гула
Я проносил
В тревоге и боях.
«Твоя, твоя!» — мне пела Мариула
Перед костром
В покинутых шатрах...

.....
Становища раскинуты заранее,
В дубовых рощах
Голоса ясней,
Отверженные,
Нищие,
Цыгане —
Мы поднимаем на поход коней...
О, этот зной!
Как изнывает тело, —
Над Бессарабией звенит жара...
Поэт походного политотдела,
Ты с нами отдыхаешь у костра...
Довольно бреда...
Только волны тают,
Москва шумит,
Походов нет как нет...
Но я благоговейно поднимаю
Уроненный тобою пистолет...
1923

Стихи о соловье и поэте

Весеннее солнце дробится в глазах,
В канавы ныряет и зайчиком пляшет.
На Трубную выйдешь - и громом в ушах
Огонь соловьиный тебя ошарашит...
Куда как приятны прогулки весной:
Бредёшь по садам, пробегаешь базаром!..
Два солнца навстречу: одно - над землёй,
Другое - расчищенным вдрызг самоваром.
И птица поёт. В коленкоровой мгле
Скрывается гром соловьиного лада...

Под клеткою солнце кипит на столе -
Меж чашек и острых кусков рафинада...
Любовь к соловьям - специальность моя,
В различных коленах я толк понимаю:
За лешевой дудкой - вразброд стукотня,
Кукушкина песня и дробь рассыпная...
Ко мне продавец:
- Покупаете? Вот.
Как птица моя на базаре поёт!
Червонец - не деньги! Берите! И дома,
В покое, засвищет она по-иному...
От солнца, от света звенит голова...
Я с клеткой в руках дожидаюсь трамвая.
Крестами и звёздами тлеет Москва,
Церквами и флагами окружает...
Нас двое!
Бродяга и ты - соловей,
Глазастая птица, предвестница лета.
С тобою купил я за десять рублей -
Черёмуху, полночь и лирику Фета!
Весеннее солнце дробится в глазах,
По стёклам течёт и в канавы ныряет.
Нас двое.
Кругом в зеркалах и звонках
На гору с горы пролетают трамваи.
Нас двое...
А нашего номера нет...
Земля рассолодела. Полдень допет.
Зелёною смушкой покрылся кустарник.
Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух угарней, -
Весеннее солнце стоит на пути.
Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоёшь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь -

Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,

Мы оба - в сетях!

Твой свист подмосковный не грянет в кустах,

Не дрогнут от грома холмы и озёра...

Ты выслушан,

Взвешен,

Расценен в рублях...

Греми же в зелёных кусках коленкора,

Как я громыхаю в газетных листах!..

1925

От черного хлеба и верной жены

Мы бледною немочью заражены...

Копытом и камнем испытаны годы,

Бессмертной полынью пропитаны воды, —

И горечь полыни на наших губах...

Нам нож — не по кисти,

Перо — не по нраву,

Кирка — не по чести

И слава — не в славу:

Мы — ржавые листья

На ржавых дубах...

Чуть ветер,

Чуть север —

И мы облетаем.

Чей путь мы собою теперь устилаем?

Чьи ноги по ржавчине нашей пройдут?

Потопчут ли нас трубачи молодые?

Взойдут ли над нами созвездья чужие?

Мы — ржавых дубов облетевший уют...

Бездомною стужей уют раздуваем...

Мы в ночь улетаем!

Мы в ночь улетаем!

Как спелые звезды, летим наугад...

Над нами гремят трубачи молодые,

Над нами восходят созвездья чужие,

Над нами чужие знамена шумят...

Чуть ветер,
Чуть север —
Срывайтесь за ними,
Неситесь за ними,
Гонитесь за ними,
Катитесь в полях,
Запевайте в степях!
За блеском штыка, пролетающим в тучах,
За стуком копыта в берлогах дремучих,
За песней трубы, потонувшей в лесах...
1926

Бессонница

Если не по звёздам - по сердцебиению
Полночь узнаешь, идущую мимо...
Сосны за окнами - в чёрном опереньи,
Собаки за окнами - ключьями дыма.
Всё, что осталось!
Хватит! Довольно!
Кровь моя, что ли, не ходит в теле?..
Уши мои, что ли, не слышат вольно?
Пальцы мои, что ли, окостенели?..
Видно и слышно: над прорвою медвежьей
Звёзды вырастают, в кулак размером!
Буря от Волги, от низких побережий
Чёрные деревни гонит карьером...
Вот уже по стёклам двинуло дыханье
Ветра, и стужи, и каторжной погоды...
Вот закачались, загикали в тумане
Чёрные травы, как чёрные воды...
И по этим водам, по алому вою,
Крыльями крыльца раздвигая сосны,
Сруб начинает двигаться в прибое,
Круглом и долгом, как гром колёсный...
.....
Лопнул частокол, разлетевшись пеной...
Двор позади... И на просеку разом
Сруб вылетает! Бревенчатые стены
Ночь озирают горячим глазом.

Прямо по болотам, гоняя уток,
Прямо по лесам, глухарей пугая,
Дом пролетает, разбивая круто
Камни и кочки и пни подгибая...
Это черноморская ночь в уборе
Вологодских звёзд - золотых баранок;
Это расступается Чёрное море
Чёрных сосен и чёрного тумана!..

.....
Это стремглав, наудачу, в прорубь,
Это, деревянные вздувая рёбра,
В гору вылетая, гремя под гору,
Дом пролетает тропой недоброй...
Хватит! Довольно! Стой!
На разгоне
Трудно удержаться! Ещё по краю
Низкого забора ветвей погоня,
Искры от напора ещё играют,
Ветер от разбега ещё не сгинул,
Звёзды ещё рвутся в порыве гонок...
Хватит! Довольно! Стой!
На перину
Падает откинутый толчком ребёнок...
Только за оконницей проходят росы,
Сосны кивают синим опереньем...
Вот они, сбитые из брёвен и тёса,
Дом мой и стол мой: моё вдохновенье!
Прочно установлена косая хвоя,
Врыт частокол, и собака стала.
Милая! Где же мы?
- Дома, под Москвою;
Десять минут ходьбы от вокзала...
1927

Весна

В аллеях столбов,
По дорогам перронов -
Лягушечья прозелень
Дачных вагонов;

Уже окунувшийся
В масло по локоть
Рычаг начинает
Акать и окать...
И дым оседает
На вохре откоса,
И рельсы бросаются
Под колёса...
Приклеены к стёклам
Влюблённые пары, -
Звенит палисандр
Дачной гитары:
- Ах! Вам не хочется ль
Под ручку пройтись?..
- Мой милый. Конечно.
Хотится! Хотится!.. -
А там, над травой,
Над речными узлами
Весна развернула
Зелёное знамя, -
И вот из коряг,
Из камней, из расселин
Пошла в наступленье
Свирепая зелень...
На голом прутье,
Над водой невесёлой
Гортань продувают
Ветвей новосёлы...
Первым дроздом
Закликают леса,
Первою щукой
Стреляют плеса;
И звёзды
Над первобытною тишью
Распороты первой
Летучей мышью...
Мне любы традиции
Жадной игры:
Гнездовья, берлоги,

Метанье икры...
Но я - человек,
Я - не зверь и не птица,
Мне тоже хочется
Под ручку пройтиться;
С площадки нырнуть,
Раздирая пальто,
В набитое звёздами
Решето...
Чтоб, волком трубя
У бараньего трупца,
Далёкую течку
Ноздрями ощупать;
Иль в чёрной бочаге,
Где корни вокруг,
Обрызгать молоками
Щучью икру;
Гоняться за рыбой,
Кружиться над птицей,
Сигать кожаном
И бродить за волчицей;
Нырять, подползать
И бросаться в угон, -
Чтоб на сто процентов
Исполнить закон;
Чтоб видеть воочью:
Во славу природы
Раскиданы звери,
Распахнуты воды,
И поезд, крутящийся
В мокрой траве, -
Чудовищный вьон
С фонарём в голове!..
И поезд от похоти
Воеет и злится:
"Хотится! Хотится!
Хотится! Хотится!.."

1927

Контрабандисты

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
"Доброе дело!
Хорошее дело!"
Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...
Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

.....
Двенадцатый час -
Осторожное время.
Три пограничника.
Ветер и темень.
Три пограничника,
Шестеро глаз -
Шестеро глаз
Да моторный баркас...
Три пограничника!
Вор на дозоре!
Бросьте баркас
В басурманское море,

Чтобы вода
Под кормой загудела:
"Доброе дело!
Хорошее дело!"
Чтобы по трубам,
В ребра и винт,
Виттовой пляской
Двинул бензин.
Ай, звездная полночь!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

.....
Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалиясь на корме,
Да видеть звезду
Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
Иль правильной, может,
Сжимая наган,
За вором следить,
Уходящим в туман...
Да ветер почуять,
Скользящий по жилам,
Вослед парусам,
Что летят по светилам...
И вдруг неожиданно
Встретить во тьме
Усатого грека
На черной корме...
Так бей же по жилам,
Кидайся в края,

Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал
Оголтелый народ,
Чтоб злобная песня
Коверкала рот, -
И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
"Ай, Черное море,
Хорошее море!.."
1927

Из поэмы "Последняя ночь" (1932 г.)

...В Одессе каштаны оделись в дым,
И море по вечерам,
Хрипя, поворачивалось на оси,
Подобное колесу.

.....

Я вышел...
За мной затворилась дверь...
И ночь, окружив меня
Движеньем крыльев, цветов и звезд,
Возникла на всех углах.

.....

Мне было только семнадцать лет,
Поэтому эта ночь
Клубилась во мне и дышала мной,
Шагала плечом к плечу.
Я был ее зеркалом, двойником,
Второю вселенной был.
Планеты пронизывали меня
Насквозь, как стакан воды,
И мне казалось, что легкий свет
Сочится из пор, как пот.
И вдруг я услышал протяжный звук:

Над миром плыла труба,
Изнывая от страсти. И я сказал:
- Вот первые журавли!
Над пылью, над молодостью моей
Раскатывалась труба,
И звезды шарахались, трепеща,
От взмаха широких крыл.

.....
Еще один крутой поворот -
И море пошло ко мне,
Неся на себе обломки планет
И тени пролетных птиц.
Была такая голубизна,
Такая прозрачность шла,
Что повториться в мире опять
Не может такая ночь.
Она поселилась в каждом кремне
Гнездом голубых лучей;
Она превратила сухой бурьян
В студёные хрустали;
Она постаралась вложить себя
В травинку, в песок, во все -
От самой отдаленной звезды
До бутылки на берегу.

.....
Реvolver вынут из кобуры,
Школяр обойму вложил.
Из-за угла, где навес кафе,
Эрцгерцог едет домой.

.....
Печальные дети, что знали мы,
Когда у больших столов
Врачи, постучав по впалой груди,
"Годен", - кричали нам...
Печальные дети, что знали мы,
Когда, прошагав весь день
В портянках, потных до черноты,
Мы падали на матрац.
Дремота и та избегала нас.

Уже ни свет ни заря
Врывалась казарменная труба
В отроческий покой.

.....
Не досыпая, не долюбя,
Молодость наша шла.
О, где же твой блеск, последняя ночь,
И свист твоего дрозда!

.....
Лужайка - да посредине сапог
У пушечной колеи.
Консервная банка раздроблена
Прикладом. Зеленый суп
Сочится из дырки. Бродячий пес
Облизывает траву.
Деревни скончались.
Потопан хлеб.
И вечером - прямо в пыль -
Панеты стекают в крови густой
Да смутно трубит горнист.
Дымятся костры у больших дорог.
Солдаты колотят вшей.
Над Францией дым.
Над Пруссией вихрь.
И над Россией туман.

Мы плакали над телами друзей;
Любовь погребали мы;
Погибших товарищей имена
Доселе не сходят с губ.

.....
Но мы - мы живы наверняка!
Осыпался, отболев,
Скарлатинозною шелухой
Мир, окружавший нас.
И вечер наш трудолюбив и тих.
И слово; с которым мы
Боролись всю жизнь, - оно теперь
Подвластно нашей руке.

Мы навык воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Уменье хитрить, уменье молчать,
Уменье смотреть в глаза.

Из поэмы "Смерть пионерки" (1932 г.)

...Пусть звучат постылые,
Скудные слова —
Не погибла молодость,
Молодость жива!

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество
Ворона с бойцом —
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА

Поэт, эссеист, художник, историк литературы, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Родилась и жила в Одессе, работала в Литературном музее и в университетской газете. Член редколлегии одесского альманаха иудаики «Моря». Автор одиннадцати книг (стихи, эссе, статьи, графика, детская книжка) и многих журнальных публикаций, вышедших в России, Украине, Израиле, США, Германии, Италии,

Австралии. Участник международных художественных выставок. В Израиле с 1992 г., живёт в Иерусалиме.

© Белла Верникова, 2023

ЕЩЁ ОДИН ВОЕННЫЙ РАССКАЗ ПЛАТОНОВА

Эссе

В 1946 году в журнале «Новый мир» (№10-11) был напечатан рассказ Андрея Платонова, в годы войны корреспондента газеты «Красная звезда» и автора изданных сборников военных рассказов, о трудностях перехода вернувшихся с войны к мирной жизни. Рассказ «Семья Иванова», впоследствии получивший название «Возвращение» и открытый сегодня на разных сайтах, был негативно встречен официальной критикой – в «Литературной газете» (4 января 1947) появилась рецензия В.Ермилова «Клеветнический рассказ А.Платонова», в очередной раз перекрывшая писателю возможности публикации. Я помню, как Андрея Платоновича Платонова начали возвращать в литературу в связи с перестройкой, о чем пишу в эссе, напечатанном в московском журнале «Кольцо А» (№75, 2014): «Среди тех немногих, кто в Одессе 1980-х годов относился к нам как к значительным современным писателям, был и заходивший в редакцию университетской газеты мой приятель, профессор Технологического института им. Ломоносова Ефим Исаакович Таубман, кроме научной деятельности занимавшийся писателем Андреем Платоновым как инженером. Сегодня известно, какое влияние на творчество Платонова оказал его инженерный

бэкграунд, а в 1980-е гг. произведения Андрея Платонова вместе с его биографией возвращались к читателям – впервые были опубликованы «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море», проводились платоновские чтения и конференции. На одну из таких конференций приезжали из Москвы Лев и Елена Шубины, профессор Ефим Таубман познакомил меня с ними на вечере в Доме актера».

Актом воздаяния Андрею Платонову от задолжавшей науки была названа конференция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя, прошедшая в октябре 1989 г. в Ленинграде, в Пушкинском Доме. Доклад доктора наук Викторией Бузник был посвящен драме возвращения с войны в рассказе Платонова «Семья Иванова», речь шла о принципиальном новаторстве этого лучшего из послевоенных творений Андрея Платонова, первооткрывателя трагической темы невосполнимых утрат народа, связанных с военным лихолетьем, воссоздавшего в рассказе образ разоренной семьи, страдания женщин и детей, вынужденных противостоять жестокостям войны.

Не узнав подростков и считая жену виновной в измене, гвардии капитан Алексей Иванов собирается уехать из семьи в другой город к девушке Маше, с которой вместе возвращался с войны, но из вагона видит малолетних сына и дочку, бегущих вслед за поездом, и, пораженный чувством, усиленным неповторимым языком Платонова, спрыгивает на землю:

«Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем».

Фрагмент рассказа «Возвращение», когда отец наблюдает за сыном:

«Одет-обут Петрушка был аккуратно: башмаки на нем были поношенные, но еще годные, штаны и куртка старые, переделанные из отцовской гражданской одежды, но без прорех – где нужно, там заштопано, где потребно, там положена латка, и весь Петрушка походил на маленького, небогатого, но исправного мужичка», – стилистически близок фрагменту другого военного рассказа, «Судьба человека»: «Мальчик был одет просто, но добротнo: и в том, как сидела на нем подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки – все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки». И обращает нас к Андрею Платонову, вынужденному пребывать литературным рабом ради спасения сына.

О том, что писатель Шолохов – Кижэ 20-го века, сказано в моей публикации «Кижэ в неглиже» в петербургском журнале «Сетевая Словесность» (август 2006).

К текстам, посвященным Федору Крюкову как автору «Тихого Дона», примыкает открытая в сети статья Евгении Смирновой (Вестник Волгоградского госуниверситета. Сер. 8, 2015) о редакторской работе Федора Дмитриевича Крюкова в журнале «Русское богатство» в 1912-16 гг. Ф.Крюков «всегда был беспристрастен в оценке, не признавая литературного «кумовства». В рецензии на 5-й том рассказов Александра Серафимовича, с которым Крюков вел дружескую переписку, Федор Крюков отметил, что «отсутствие чувства меры – основная слабость таланта А.Серафимовича» («Русское богатство». 1913, №12).

Серафимович, напечатав в редактируемом им журнале «Октябрь» 1928 г. рукопись романа Федора Крюкова под фамилией Шолохов, рассчитался с покойным писателем, не признававшим литературного кумовства, на многие десятилетия предав его имя забвению.

Как пишет Юрий Кувалдин, безумная химера «авторства Шолохова» держалась на терроре.

В апреле 1938 г. был арестован Платон, 15-летний сын Андрея Платонова, осужденный на 10 лет лишения свободы за «руководство антисоветской молодежной террористической шпионско-вредительской организацией», вернувшийся, после требований А.Платонова о пересмотре дела сына и ходатайств друзей писателя, из заключения осенью 1940 г. большой туберкулёзом. Выпустив Платона Платонова, его не оправдали и могли посадить повторно.

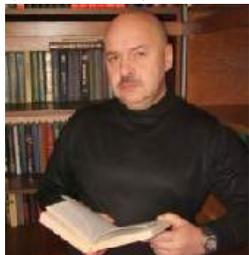
Рассматривая отношения Андрея Платонова с Михаилом Шолоховым, одним из ходатаев за сына писателя, и останавливаясь на истории публикации в 1943-44 гг. глав романа, заказанного Шолохову Сталиным, Зеев Бар-Селла в книге «Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов» (М.: РГГУ, 2005) пишет: «Платонов быть у Шолохова в лакеях не захотел, хотя и предложения о «сотрудничестве» не отверг. ... Условие было поставлено, и тогда совершенно неожиданно увенчались успехом хлопоты Василия Гроссмана – Андрей Платонов стал штатным корреспондентом «Красной звезды» с присвоением ему звания капитана. А восемь месяцев спустя – с 5 по 8 мая 1943 года – в «Правде» были напечатаны первые «главы из романа» («Они сражались за родину»). Вот только к этому времени сын Платонова – Платон Андреевич – умер. И с 4 января 1943 года пугать писателя стало нечем».

Бар-Селла приводит воспоминания Федота Сучкова о том, что Андрею Платонову и раньше приходилось быть «литературным негром» ради заработка, и описывает схему редакторской правки платоновских текстов под шолоховские – из текста удалялись признаки платоновского стиля, причем кое-что оставалось, и добавлялись стилизации в духе «Тихого Дона».

По тому же рецепту в начало рассказа «Судьба человека» вписан фрагмент с упоминанием Верхнего Дона и станицы Букановской, но из биографии героя не выброшен Воронеж, и как признак платоновского стиля осталось замечательное предложение: «В двадцать девятом году завлекли меня машины». Рассказ «Судьба человека» близок творчеству Андрея Платонова и тематически. В публикации Л.Суровой об истории следствия по делу Платона Платонова в сборнике «Архив А.П.Платонова» (М.: ИМЛИ РАН, 2009. Кн. 1) подчеркнута, что «тема страдающего ребенка, сироты, лейтмотивом проходит через все платоновское творчество, но в рассказах о детях и для детей, написанных после ареста сына, она достигает своей наивысшей фазы развития, окрашенная личным чувством».

Хочется верить, что научная атрибуция позволит восстановить текст рассказа «Судьба человека» в авторской редакции.

АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ (1962-2022)

Русский писатель; прозаик и литературный критик. Получил филологическое образование в Нижнетагильском Педагогическом Институте. Был учителем, монтером пути, рабочим чёрной и цветной металлургии. Позже работал журналистом в газетах Братска, также в разных качествах на местном телевидении. «Однако, – как писал Олег Августовский, – в силу свойств собственного характера он не смог там надолго задержаться, поскольку желание говорить то,

что думает и поступать так, как хочет, оказалась сильнее желания получать постоянную заработную плату». Долгое время жил в Братске (поэтому там его считают братским писателем), где последней специальностью его была — «сторож». В 2012 году вернулся в родной Нижний Тагил. С июля 2014 года ведёт постоянную критическую рубрику в «Литературной Газете».

Автор книг «Бахмутовские хроники», «День облачный», «Корабль уродов» и др. Печатался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Волга» (Саратов), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Бельские просторы» (Уфа), «Урал» (Екатеринбург), «Новый берег» (Дания), издательстве «Franc-Tireur» (США). Лауреат международной литературной премии «Silver Bullet» (США, 2009), премий журналов «Урал» и «Бельские просторы» в номинации «Литературная критика» (2012).

Дмитрий Быков назвал Кузьменкова одним из лучших прозаиков современной России:

Един в трёх лицах

Говорить о Михаиле Веллере – задача не из лёгких, настолько он многолик: то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник. Широк человек, я бы сузил. Будет с нас и трёх ипостасей: филолог, прозаик, гуру.

ФИЛОЛОГ

Для начала, следуя привычке,

брошу ложку мёда в бочку дёгтя. Отношение к М.В. у меня более чем противоречивое. Веллер-филолог много симпатичнее прочих своих близнецов: умен, дерзок и за словом в карман не лезет. Выводы его чаще всего бесспорны, а характеристики точны и ядовиты. Да загляните хоть в «Песнь торжествующего плебей» – сами всё поймёте:

«Сорокин сегодня один из самых модных и самых известных русских писателей. Уберите все взломы табу из его текстов – и от текстов ничего не останется. Останется серое текстовое полотно из заурядных фраз».

«Лимонов создал условно-автобиографический, бытовой, описательный текст без каких бы то ни было видимых литературных достоинств. Язык, сюжет, детали, психологизм решительно вялы и заурядны. Но циничная откровенность и грязнотца... – это было нечто из ряда вон выходящее».

Справедливости ради замечу, что филологические штудии Веллера, как правило, подпорчены не лучшим знанием предмета. М.В. без тени сомнения может приписать Достоевскому педофилию (сплетня Страхова, никак им не подтверждённая), может объявить еврея Горенштейна поволжским немцем, может запросто перепутать гауляйлера Вены Бальдура фон Шираха с драматургом Хансом Йостом. Но кто из пишущих Богу не грешен да царю не виноват? Тем паче главные претензии впереди:

*«Человеку свойственно играть не в того, кто он есть на самом деле»
(«Гонец из Пизы»).*

Вот и у пчёлки с бабочками то же самое, сказал бы наш герой.

ПРОЗАИК

Аксиома: охотнее всего каждый говорит о себе, любимом. Веллер не исключение: его хлебом не корми, дай потолковать о трудах и лишениях литературной юности. О спартанской жизни впроголодь, о многодневных, до сердечного приступа, поисках единственно верного слова в тысячах тонн словесной руды. М.В. поёт Лазаря настолько проникновенно, что

сама собой вспоминается сентенция Сквороды: *«Господь, по великой милости своей, сделал всё нужное лёгким, а всё трудное – ненужным».*

Ну не надо бы вам в писатели, Михаил Иосифович, вы и проза суть вещи несовместные. От того и все страдания – большей частью абсолютно никчёмные.

Если угодно – несколько фраз для дегустации:

«Прочёркивая и колотя глинозём... рвала короткое пространство конница» («Всё уладится»).

Послушайте старого металлурга: глинозём, он же Al_2O_3 , – сырьё для производства алюминия и на полях Гражданской, клятвенно заверяю, не водился. Ибо первый алюминиевый завод в СССР построили лишь в 1932 году.

«Фрукт пах затхлюю и клею» («Всё уладится»).

Пах затхлюю, помилуй Бог! Попробуйте-ка без запинки выплюнуть этот шершавый слиток из взрывных, фрикативных и латеральных...

«Всё дальнейшее она воспринимала под лёгкой шандарахнутостью» («Приключения майора Звягина»).

От комментариев воздержусь – скучно доказывать очевидное.

Однако Веллер, великий начётчик, наверняка знаком с постулатом Лебона: не факты поражают воображение толпы, а то, каким образом они представляются. И потому не скупится на акафисты самому себе, выдавая откровенные провалы за немислимые достижения:

«Затвор лязнул. Последний снаряд. Танк в ста метрах. Жара. Мокрый наглазник панорамы. Перекрестие – в нижний срез башни. Рёв шестисотсильного мотора. Пыль дрожью по броне. Пятьдесят тонн. Пересверк траков. Бензин, порох, масло, кровь, пот, пыль, степная трава. Пора! Удар рукой по спуску... Хрен кто сегодня может так работать, деточки. Идите сюда, плюньте мне на ботинок» («Моё дело»).

Это всегда пожалуйста, Михаил Иосифович. Благо есть за что.

Телеграфная череда назывных. Не высший пилотаж. Пильняк. Лимонов. Козлов (Владимир). Бородатый еврейский анекдот: *«Хаим всё. – Ой!»*

Сколько угодно. Погонными километрами. Оптом и в розницу. Не забудьте вытереть ботинок.

Продолжим наши экзерсисы. Опять-таки цитата:

«В «Чужих бедах», одна из ирреальных сцен, герой выпускает из пистолета обойму в своего директора школы.

«Бледня, Георгий Михайлович рванул трофейный вальтер, рукой направил в коричневый перхотный пиджак». Какой рукой направил?.. Вот на эту чёртову руку я потратил качественный рабочий день» («Моё дело»).

Опустим список из 43 разномастных прилагательных и огласим результат терзаний:

«Итог был: взвешенной. Кто стрелял из пистолета – поймёт точность... В этом слове и точность, привычность, и спокойная решимость».

Шедевр, стало быть. Поднимите мне веки – не вижу! Прибегнем к презумпции недоверия, ибо практика есть единственный критерий истины. Разложим фразу на составляющие. Во-первых, глаза мозолит психологическая нестыковка: бледня – взвешенной. О какой спокойной решимости речь, коли персонаж побелел от волнения? Во-вторых, «рванул трофейный вальтер, взвешенной рукой направил» – семантический плеоназм. Попробуйте удержать пистолет ногой – очень скоро поймёте, что руку поминать здесь вовсе незачем, и все адовы муки с эпитетами были напрасны...

Кстати, Веллер-прозаик вполне мог бы стать объектом поношений Веллера-филолога. Ибо легко нарушает все табу своего двойника – скажем, на *dirty fiction* или обценную лексику:

«Крахмальный халат распахивается и летит в сторону. Ничего красивее и сумасшедшее голой Маши невозможно себе вообразить. Она остаётся в белой шапочке на вороной гриве, и густой треугольник в низу смуглого литого живота у неё тоже вороной... Округлые массивы её ягодиц перекатываются в движении. Она нарочно расставляет ноги, цокая каблучками, туфли на каблучках удлиняют её ноги, мускулистые, крепкие, прямые, и между ног сзади нам виден чёрный курчавый островок...

– Ой, Машенька... какая у тебя смуглая, горячая, узкая, красивая...» («Самовар»).

Обрываю цитату на полуслове: хватит Роскомнадзор гневить.

И последнее – практически любой текст М.В. испорчен разудалым, цыганочка с выходом, слогом:

«Их аристократическим происхождением можно, пардон, подтереться». («Любовь и страсть»).

Предвижу стандартные возражения: про тиражи и переиздания, про перманентный восторг читателей, про «Легенды Невского проспекта» и «Байки скорой помощи», ставшие бестселлерами... Тиражи и аплодисменты – ей-богу, не лучший аргумент. Они говорят не столько о талантах, сколько об умении навязать себя публике. Тому в истории мы тьму примеров слышим: хоть Бенедиктов с Булгариным, хоть Донцова с Акуниным. Прав был непопулярный ныне Чаадаев: «Болезнь одна лишь заразительна, здоровье не заразительно; то же самое с заблуждением и истиной». А у бестселлеров, по слову Веллера-филолога, есть одно отличительное свойство: они легко читаются, но про прочтении в голове ничего не остаётся.

Уж коли графа Монте-Кристо из тебя не вышло, впору переквалифицироваться в оправдомы...

ГУРУ

..но не таков наш герой. Он предпочёл скромно переквалифицироваться в философы.

К несчастью, поэт в России больше, чем поэт. Потому всяк отечественный литератор, от Достоевского до Лимонова, рано или поздно осваивал профессию проповедника. Сколько помню, есть единственное похвальное исключение из общего правила – Николай Гумилёв, который писал жене: *«Аня, если я начну пасти народы, убей меня!»*

Учительствовать Веллер начал давненько. «Майор Звягин», вполне по профессору Преображенскому, под завязку набит рекомендациями космического масштаба и космической же глупости. Но житейских советов в жанре self-help Михаилу Иосифовичу показалось катастрофически мало. Красть – так миллион, любить – так королеву, рассуждать – так о Большом взрыве, энергетических полях, энтропии и сингулярности.

Необходимое лирическое отступление. Выпускнику филфака позволительно толковать о мироздании лишь в одном случае: жарким июльским вечером, нащупывая застёжку лифчика на спине подруги. Во всех остальных ситуациях такого рода резонёрство выглядит комично. Тем паче философия в её классическом изводе приказала долго жить.

Всеобъемлющие учения создавали наши предки, ибо их мироздание особой сложностью не отличалось: Земля стояла на трёх китах, небесная твердь была хрустальной, а псоглавцы за пределами ойкумены крестились кукишем. После Великой французской революции представления о Вселенной и человеке начали меняться, будто картинки в калейдоскопе. «Традиционные понятия философии стали обнаруживать свою бессодержательность... Философия больше не внушала доверия к своим способностям достичь обещанной цели: дать людям доступные формализации модели какого бы то ни было понимания», – писала С. Зонтаг.

Выдумывать теории глобального свойства в постфилософскую эпоху могут либо сектанты, либо дилетанты. Тем не менее Веллер-гуру уверен в своей непогрешимости: «Вы меня извините, в современной России не существует философии, кроме, простите великодушно, моего энергоэволюционизма» (Интервью «Независимой газете», 29 мая 2008 г.). Право, не знаю, чего тут больше – сектантской мегаломании или дилетантского апломба...

Пересказывать постулаты энергоэволюционизма, пожалуй, не стану. Во-первых, трактатами М.В. забиты все полки в книжных магазинах: «Всеобщая теория всего», «Всё о жизни», «Человек и система», «Социология энергоэволюционизма», «Психология энергоэволюционизма», «Эстетика энергоэволюционизма» и проч. Если не боитесь неизбежного морального вреда – милости прошу припасть к первоисточникам. Во-вторых, пёстрый коллаж из обрывков Шопенгауэра, Спенсера и Оствальда, Тейяра де Шардена и Шпенглера вряд ли заслуживает пересказа. Во всяком случае, в учёном мире проповеди Веллера до сего дня снискали всего один отклик – язвительную статью доктора философских наук, зампреда научного совета РАН Д. Дубровского. Не хотите ли ознакомиться с экспертным заключением?

«Нетрудно увидеть, что перед нами некая смесь банальностей, общих мест с теоретически неясными, некорректными утверждениями... Чтобы эти расхожие слова и выражаемые с их помощью онтологические утверждения обрели определённый философский смысл, они должны получить, по крайней мере, гносеологическое обоснование. О необходимости такого обоснования и о том, как это делается, наш автор не слышал... Для тех, кто серьёзно изучал философию, очевидно, что перед нами дилетантские, маловразумительные повторения пройденного, представленные местами в эпатажном виде... Может

быть, М. Веллер действительно писатель (я не читал его произведений), но к философии он имеет весьма отдалённое отношение... Он верит, что, придумав пару хлипких силлогизмов, он постиг сущность человека и мира».

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Приведём всё сказанное к одному знаменателю.

Веллер – феномен отнюдь не литературный и уж тем более не философский, но экономический. Живое подтверждение расхожей истины: в постиндустриальном обществе 70 процентов цены товара составляет бренд.

«Что главное? – имидж. Какой? – у которого высокий рейтинг. А без паблисити – хоть шуйзом об тэйбл, хоть тэйблом об фэйс» («Ящик для писателя»).

Непримиримый борец с засильем имиджей и паблисити, М.В., опять-таки по профессору Преображенскому, должен лупить себя по затылку: медийный персонаж, гомункул из телевизионной реторты, созданный посредственностями для посредственностей... И тут хоть шуйзом об фэйс, хоть тэйблом по тому же месту. «После смерти писатели попадают в телевизор», – горько усмехнулся Г. Садулаев.

Михаил Иосифович! А может, всё-таки, в управдомы?

ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА

Эссе

"ЗДЕСЬ КОЛДОВСКИЕ ЧАРЫ"

Если бы меня спросили о любимой столице Западной Европы, я бы не задумываясь ответила: Прага! Если бы мне задали аналогичный вопрос о поэте, мой ответ звучал бы коротко: Рильке! Они удивительным образом переплетаются в моем сознании: Рильке и Прага. Ибо только переливчатая столица старинной Богемии могла явить миру такого поэта!

В Прагу я влюбилась сразу, поздней и тихой любовью, окончательно, бесповоротно и, наверное, безответно. Кто я такая для прекрасной, таинственной, знатной пани, носящей на себе купола Вышеграда и драгоценности Старого Города, затейливые узоры Малой Страны и сверкающую ленту Влтавы? Её улицы, переулки, площади - удивительная соната, если вспомнить слова Гёте о том, что архитектура – это застывшая музыка. Да и не во взаимности здесь дело... Я в этом городе чувствую себя, словно в волшебном королевстве.

Помню свой первый приезд в Прагу. Была яркая янтарная осень на фоне майоликового неба. Тёмная, почти антрацитовая река уводила за поворот странно белые, доверчивые кораблики. Закат уже начинал подмешивать в лазурь алое. С ажурных башен сказочного замка на высокой горе стекал краплек, и они становились чёрными. Крошечные золотые пятнышки стайками взлетали там, где небо гнало фиалковые волны. Далеко на горизонте светились нити огней, как янтарные кольца на тёмно-синем бархате. Ветер выстраивал в спирали толпы листьев. Скрипка и гитара пели дуэтом о вчерашнем счастье... Облака брали музыку в ладони и осторожно уносили её в глубь раннего вечера. Качающиеся над дверями ресторанчиков фонари заставляли плясать тени. Я шла между тьмой и огнями и вспоминала этюды Рильке:

*"Закат давно уже погас,
лишь вдалеке, мерцая скупо,
вздымает свой волшебный купол
загадочный Sankt Nikolas."**

Спросите меня, куда я в первую очередь побегу, снова оказавшись в Праге! – На Карлов мост. Это моя личная кульминация, главный фетиш столицы нынешней Чехии! Я бродила по Карлову мосту бесконечное множество раз... Осенью ли в обрамлении золотой эпитрахили берегов Влтавы, весной ли в гипюровых жабо цветущих каштанов и акаций, он неизменно великолепен. На одной его, высоко поднятой, ладони, лежит Верхний город с апофеозом собора святого Вита, а на другой ладони, которую мост как бы вытягивает перед собой, покоится Старый город со знаменитым Тынским храмом Девы Марии. Вот эта обоюдосторонняя крестная осенённость и есть сущность Карлова творения. Это не просто связующая конструкция между двумя берегами... Нет, мне кажется, что это живое, огромное существо, терпеливо и смиренно подставляющее спину тысячам прохожих, благостно слушающее джаз и кантри, рок и серенаду, седых и юных певцов и музыкантов, снисходительно взирающее на попрошайек, зазывал, на проделки марионеток в руках кукловодов... На Карловом плече, то бишь, на перилах, сидит серая ворона и внимательно выслушивает каждого, кто с ней разговаривает. Мне она внимала достаточно долго, потом потребовала вознаграждения за душевность, поняла, что никаких вкусок не предвидится (не припасла я, кто же знал!), презрительно фыркнула на непутёвую банкротку в моём лице, каркнула и моментально улетела. А я стояла и думала: кто знает, сколько лет этой даме в сером... Может, с ней беседовал и сам Рильке, стоя на мосту? Может, именно здесь он услышал мелодию города и перевел в строки стихов?

Подходы к мосту и со староместской, и с вышеградской стороны сказочные... Маленькие улочки с фонарями, ресторанчиками, запахами жареного мяса, сдобы, корицы... Экскурсионные алые лимузины... Туристическая разноязыкая, пёстрая лава, текущая в любое время суток по темноватым пространствам между домами... Каждый второй держит в руках и на ходу вкушает традиционные чешские сладости – трдельники. Это такие короткие трубы (трубочками их вряд ли можно назвать – уж больно впечатляют размеры!) из теста, облитые шоколадом, присыпанные орехами, корицей, начиненные разными вкусами...

Архитектуру старой Праги описывать нет смысла. Это всё равно, что подробно рассказывать о букете изысканного, выдержанного вина. Чтобы ощутить, нужно попробовать. Но это ощущение могут донести до нас художники. Однажды, листая страницы замечательного журнала "Сетевая словесность", я увидела там не только стихи удивительного

Рильке о домах Праги в изысканных переводах Бориса Марковского, но и иллюстрации к ним, выполненные художником Сергеем Слепухиным.

*"В каждом каменном изгибе
древних башен – боль и трепет, –
узкий двор себе на гибель
навсегда забыл о небе."*

На первой же картине сразу бросились в глаза противопоставления цветов, выбор контрастов из противоположных секторов спектра: кобальтовый и шафранный, весенней травы и земляничной... Вспомнилась сине-желтая "Звездная ночь над Роной" ван Гога, построенная на таких же цветовых принципах. Таким образом, эти картины переключили моё мышление на любимейшую тему импрессионизма, ибо в них были гогеновская выразительность, спокойная сезанновская грусть и что-то от угловатой экстравагантности Кирхнера, относящегося, правда, к не менее обожаемым экспрессионистам. Но, самое главное, иллюстрации показывали не внешнюю сторону поэзии гениального сына Богемии, а внутреннюю, потаённую суть стихов. Кстати, они в свое время вошли в "Дары ларам" – первый значимый сборник тогда еще молодого лирика – и написаны именно в импрессионистском стиле.

*"Я в старом доме; тишина.
Всю целиком, как на ладони,
я вижу Прагу в медальоне
распахнутого вдаль окна."*

Я тоже увидела эту Прагу на картине Слепухина: чуть размытую туманом, уже сонную, припрятавшую свои яркие краски и набросившую на себя покрывало вечерней загадочности. Оттенки розовой гвоздики, омелы, речного перламутра определяют атмосферу сюжета. Ни одной резкой линии. Кажется, что здания сделаны из разноцветной пастилы. При этом не ощущается ни малейшего следа гламурности или лубочности. Тут надо просто ходить тихонько, на цыпочках, и разговаривать шепотом.

*"Звезда над городом горит,
как будто свет зажегся в храме,
как будто в старом доме "Атеп"
мне тихий голос говорит."*

Звезда в небе и свет в храме – какие чудесные библейские ассоциации напрашиваются сами собой! Казалось бы, простое сравнение – и какое волшебство, однако! Невозможно уйти ни от стиха, ни от картины! Но всё же двигаюсь дальше, к следующему дому поэта.

*"Дворянский дом с причудливым фронтоном,
весь в готике, как шрифт на обелиске.
Пустынный двор и в нем – булыжник склизкий,
и лампа тусклая – в стекле оконном."*

"Тусклая лампа" снова намекает на нечеткость "причудливого контура" – и Слепухин не преминул за этот момент ухватиться, показывая двор, фронтон, оконное стекло отраженными и преломленными в реке. Закатная пора дает богатейшие возможности для фантазмагии палитры – и вот она, захватывающая игра вечерних красок: бирюзовый, алый, малахитовый, лиловый, фуксия, шартрез! Да разве всё перечислишь... И сам Рильке подтверждает правильность такого подхода: "здесь – колдовство, здесь – колдовские чары."

Переношусь в Вышеград, к стенам собора Святого Вита. Разделяю чувства поэта по отношению к нему.

*"Люблю собора мрачный вид,
дремучий лес его фронтона,
здесь каждое окно, колонна
о сокровенном говорит."*

Похоже, что и Сергей Слепухин восхищен этой уникальной, величественной готикой, много повидавшей на своем шестисотлетнем веку. На беспросветно-черном фоне ночного неба как будто из воздуха кристаллизуется собор в огнях цвета кардинальской мантии. Этому

алому сиянию противопоставлены фосфоресцирующий фронтон с ниспадающими потоками бисерно выписанного цитринового света и серебристо-сиреневатые расплывчатые очертания стен и крыши. Художник рисует загадку без разгадки. Но таков собор и есть. Кому под силу раскрыть тайну его неповторимого облика? Даже уроженец здешних мест Райнер Мария (тогда еще Рене) спасовал перед "сокровенным": "...готика сурово молчит и крестится..."

А вот монастырь Капуцинов, не менее древний и знаменитый, чем собор, держит себя весьма скромно рядом с роскошным сюзереном. В стихотворении "У Капуцинов" поэт уходит от высокого стиля и с улыбкой живописует подробности незатейливых развлечений монахов той поры:

*"Добрейший патер Гвардиан
мне предлагает рюмку водки,
такой, что судорога – в глотке,
глоток – и мертвый будет пьян."*

Иллюстратор как бы вторит автору этих строк и рисует здание монастыря в нарочито скромных, непритязательных тонах: умбра, блекло-розовый, приглушенный холодный зеленый... Монашеский приют словно произрекает: "Я хоть и стою в сторонке, но лучше многих знаю цену всему и всем... Меня на мякине не проведешь..."

Картина к стихотворению "В предместье", на первый взгляд, нечетко, почти контурно прорисована. Но задержавшись перед ней, вдруг обнаружишь крик: не тот, явный, мунковский, а, опять-таки, скрытый, спрятанный в атмосфере убогого жилья умершей нищенки.

*"Старуха в черном, что жила над нами,
она мертва. – Но кто она? – Бог весть!
У нищих нет имен, а если есть –
какой в них прок? Бог с ними, с именами...
Внизу пьются траурные дроги.
Дверь заколочена; ну что ж, пора!"*

На полотне превалируют невнятные тона: сероватый и зеленоватый, розоватый и коричневатый. Однако неожиданно замечаешь, что все предметы обвешены жирными, черно-красными, прерывистыми линиями, как будто жизнь никак не могла решить, уйти ей в небытие или всё же еще задержаться ненадолго. Этим линиям вторят черные лапы по низу картины: не то ветви диковинных растений, не то руки-тени призраков, выглядывающих из иного мира... Вот так выглядит крик... Здесь текла человеческая жизнь, горькая и тяжкая, а потом ушла незнамо куда. Но всё же это была она, жизнь... И её аура пока никуда не исчезла и по-прежнему являет себя. Это ощутили оба: и Рильке, и Слепухин. А вслед за ними и я.

Строки следующего "дома-стиха" полны диссонансов, парадоксов и двойственных ощущений:

*"Здесь воздух затхл, как в комнате больного,
где смерть исхода терпеливо ждет;
на мокрых крышах – отблеск дня иного,
как от свечи, что через миг умрет.
Есть даже в смерти некий промежуток:
вот ожил лист, и – всё, и был таков...
И, как над лесом стая диких уток,
ползет по небу стая облаков."*

Тут всё вперемешку, всё противоречит друг другу... Лирический герой стоит под открытым небом, но воздуха ему не хватает. "Отблеск дня иного... на мокрых крышах" – прошедший дождь и еще не зашедшее, но почти исчезнувшее солнце... Свеча горит, но сейчас угаснет... Лист еще жив, но через миг будет мёртв... И это раздраженное "ползёт", выдающее нетерпение: скорей бы уж! Пусть всё, наконец, разрешится! Облака, утки, листья, свечи – всё в переходном (перелётном) состоянии! Такое невозможно длительно выдерживать!

Посмотрим на иллюстрацию к стиху: вроде бы жилая комната, но в одной из стен провал с выходом в голубизну. Еще один провал в полу перед одром (смертным, по-видимому) с лежащей на нем фигурой в сером облачении (пожалуй, саване). Ложе стоит под наклоном примерно сорок пять градусов по отношению к полу и – снова двойственность! То ли тело скользит в темную преисподнюю, то ли, наоборот, только что

вырвалось оттуда и направляется к бирюзовому небесному окну... Голова фигуры еще (или уже) освещена палевым сиянием: горящая свеча или последний отблеск солнца? Впечатление усиливается огненными и малиновыми языками, как будто вырывающимися из страшной дыры в полу.

Ура! Яркое, веселое полотно! Доминируют оттенки изумруда и апельсина, но эти контрасты не борются между собой, а вступают в некую общую игру. К ним присоединяется лазурный цвет, и эта триада определяет настроение. А что же происходит в стихотворении, к которому относится иллюстрация? – Ну, конечно, там весна во всей красе и отваге!

*"Трава блестит под солнцем ярко;
земля весенняя согрета;
мелькнула первая карета
в аллеях парка.
...Весенний ветер слишком жарко
ласкает гипсовые плечи;
всё те же поцелуи, речи –
в аллеях парка."*

И хочется нежиться в теплых красках стиха и окунуться в радостные тона картины! Какая восхитительная переключка художника и поэта! И как удивительно совпало это с моими собственными ощущениями и переживаниями! Моя словесная цветомузыка о Праге была именно такой!

Я увидела город через стеклянное литьё и драгоценные камни! Прозрачная, призрачная фантазия! Волшебные блики, переливы, отсветы граней, игра отражений, цветные огоньки и лучики... Птицы, рыбы, звери невиданных форм и раскрасок, причудливо изогнутые подсвечники, феерические чаши и вазы. Огромные коты и крошечные жирафы, зелёные дельфины и розовые лошади, цветы, напоминающие взлетающих чаек, и птицы, как раскрывшиеся бутоны... Перезвоны хрусталя: бокалы, фужеры, рюмки... Алые, синие, зелёные – как будто они впитали в себя солнечные вина и соки... Мозерское стекло с замысловатыми сюжетами тончайшей живописи... Витрины с чешскими самоцветами: гранат, влтавин, янтарь... Это праздник, фейерверк драгоценностей...

И еще одна личная мелодия отчётливо звучала: разноцветия чешских минералов... Я ходила по Карлову мосту от столика к столику, брала в руки поделки и прислушивалась к себе... Однажды в мою ладонь лёг нежно-бежевый, с волнистыми узорами, как будто изнутри светящийся кулон. Имя камня было арагонит. С тех пор я зимами грею о него сердце. Один из пражских визитов сопровождался бесплодными скитаниями между россыпями Карловых камушков, но ни один во мне не откликнулся. Я перебирала хризолиты, яшму, ониксы, турмалины, халцедоны – безрезультатно! Холод, только каменный холод! В последний вечер перед отъездом я, совершенно расстроенная, прошла мимо уже хорошо знакомых продавцов камней и тут в самом конце моста увидела женщину, мне еще не известную. Подошла и сразу заметила у неё на столике зеленоватый, со светлыми вкраплениями, плоский камушек на тонком серебристом обруче. Потрогала, погладила и поняла – мой! Немедленно схватила и уже не выпускала из рук. Спросила, как называется. Оказалось – серпентин. Serpens – змея! Мне сразу вспомнилась сказка Бажова с зелёной змейкой, которая оборачивалась хозяйкой Медной горы... Вот и я чувствовала себя хозяйкой сказочного сокровища и уносила, увозила его с собой... А вместе с ним и немного души Карлова моста... И еще души домов-картин художника Сергея Слепухина... А поэзия Райнера Марии Рильке всегда со мной... Na shledanou, Praha... До свидания... А может, и прощай... Sbohem... Кто знает...

* Стихи Рильке в переводах Бориса Марковского, опубликованные в журнале "Сетевая Словесность" 8 ноября 2006 года.

«БОЛЬНО ТОЛЬКО,
КОГДА СМЕЮСЬ»

Редактор раздела Лев Вайсфельд

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

Послевоенный одесский выпуск. До 2000 – Одесса. Сейчас – Нетания, Израиль. Публикации в периодической печати, в альманахах. В 2011 – сборник стихов. В 2006 - Международный конкурс сатириков и юмористов – 1-е место в номинации «Афоризмы».

* * *

З Рівкой я хотів блукати,
Драматично позіхати,
На всю пельку реготати,
Цілуватися. (Авжеж,
Щоб не стискувала губи,
Буцім зовсім я не любий.)
Пестив би її, голубив,
Навіть лоскотів би теж.
Та біжить вона до гаю,
Я за нею не встигаю,
Зупинитися благаю:
Миць низводить нанівець.
Бо я вже терпець втрачаю
І у повному відчаю,
Хоч і все їй вибачаю
(Бач, даремно, хай їй грець).
Мабуть ухоплю я Ріву
За її розкішну гриву
Та до Атананаріву
Супроводжу силомиць.
В Африці, мені здається,
Рівка якось схаменеться,
Може, здасться як фортеця –
Подобрішає на мить.

* * *

Ой, чому ж ти, Ріва,
Мені не радієш?
Чом не посміхнешся?
Може, ти не вмієш?
Чом ти мене, люба,
Свариш або лаєш?
Може ти шпигунка,
Бо рацію маєш?
Може в тебе, Рівка,
Ум зайшов за розум?
Очі так і прядуть,
Ніби це погроза...
Що тебе, кохана,
Дуже засмутило,
Якщо це колишній –
Дам йому у рило.
А якщо хтось інший
В тебе десь узявся,
Я б на його місці
Вкрай тебе боявся.

* * *

Ой, тримайте мене, ой рятуйте!
Тільки ж душу мою не дратуйте.
Бо живе в ній красунечка Ріва.
До чого ж вона гарна, вродлива!
Так запала вона мені в душу,
Що до смерті любить її мушу.
Ой, яка ж вона, люди, бомбезна.
Може, трішечки зайве телесна.
Як іду я її полюбляти,
Моя мати жене мене з хати.
Але ж Рівка зайшла мені в душу –
Я кохати завжди її мушу.
Каже мати:
– Нащо тобі Ріва?
В неї ноги розставлені криво.
Та й і руки якісь-то кривулі.

Ще й в кишенях одні тільки дулі.
Та мені це байдуже – все рівно,
Чи повія вона, чи царівна.
Ой не треба сваритися, мати –
Все одно буду з нею я спати.
Будуть діти, а в тебе онуки.
То ж немає підстав до розпуки.

НАТАЛЬЯ РЕЗНИК

Родилась и училась в Ленинграде. С 94-го - в США, в штате Колорадо. Публикации стихов и прозы в журналах "Новая юность", "Интерпоэзия", "Студия", "Дружба народов", "Вестник Европы" и др.

Дом на Днепре

Жизнь твоя повисла на волоске,
Из укрытий – ванная, две стены.
Дома на Днепре строили на песке.
Как говорится, не было бы войны.

Помните, братья, нашу борьбу за мир?
Каждый народ каждым другим любим.
А какой был общий белый вкусный пломбир!
Мир да пломбир советский. Вот за них и бомбим.

Дом на песке на берегу Днепра,
Здесь вот отцы... мы же отцов сыны!
Рядом вместо дома уже дыра.
Что ж тут поделаться, не было бы войны!

Нет, мы, конечно, нет говорим войне.
Что ж ты не готов за мир умереть?
Только бы не, только бы не бы не...
Только бы зажмуриться, не смотреть...

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

ШУТКА

«Любой задрипанный еврей – это добротный русский писатель» - так, или примерно так, высказал свою полу-трезвую мысль Александр Куприн.

Страхнув с себя прах племенных предубеждений, выскажу несколько непривычное соображение, лишь перефразируя великорусского беллетриста:

«Любой грамотный человек – это в потенциале добротный писатель».

И не говорите мне, что для этого нужно родиться с талантом, было бы неплохо, но не обязательно. И ум, и интеллект для этой цели тоже необязательные аксессуары. Жизнь Швейка, его крепкий от пуза и задницы взгляд на жизнь не менее занимательны, чем знакомый многим лишь из литературы мир кабинетного ученого.

Писательство не врожденная черта; вряд ли и через тысячу лет удастся с точностью назвать номер гена, виноватого в этом. Страсть к перу и бумаге скорее болезнь, определяющая судьбу. Об этом высказались уже все, от Веллера до Бродского, я не поленюсь повториться. И не думайте, что можно человека отогнать от письменного стола одним грозным окриком «Графоман!».

Как игрок к рулетке, он будет возвращаться туда снова и снова, испытывая страсти не меньшие, чем иные досточтимые мэтры. Чувства игрока не определяются величиной выигрыша, а вот проигрыша – точно. В проигрыше сама драма и есть!

Да и с удачливыми писателями не все чисто. Лев Толстой кричал: «Графоман!» на самого Шекспира. А Достоевский, тот и вовсе не литератор, хоть и жил литературным трудом. Монотонность, газетность его стиля общеизвестна, патетика, худший враг литератора, – прорывается повсеместно. Зато в его публицистике, в Дневнике Писателя этой литературности – избыток.

Список великих графоманов – О! – он может оказаться неожиданно длинным.

Там непременно осядет и плодовитейший Ал. Солженицын, да и сам Лев Николаевич.

В конечном счете, писатель ждет многого от читателя. Писать в стол – худшая из болезней. Да, рукописи действительно не горят, но только потому, что они истлевают. Они истлевают в темноте стола, как тело,

преданное земле. Из них уходит их душа – время. Без читателя даже самый выдающийся труд – пустой звук, свиток в стране мертвых. Читатель любопытен и обожает сплетни. Как живой и озорной школьник, он не терпит только одного – нравочений.

«Не думайте, чтобы автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества» - писал М.Ю. Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени», приковавшему к себе внимание немедленно, сразу и навсегда. Кстати, о Лермонтове.

Как-то два моих приятеля жестоко подшутили над постоянным посетителем воскресного книжного базарчика, школьным учителем словесности, одним из немногих мужчин, подвизавшихся на этой ниве. Учитель был нищ, как и большинство его коллег.

Это было время пустых полок в книжных магазинах, обнажившихся даже в лавке букиниста. Но базар процветал. Правда, цены на нем крутились заоблачные. Там можно было найти все, вплоть до 6-ти томника У. Черчилля «История второй мировой войны», изданного в переводе тиражом аж в 50 экземпляров. Такая цифра бесстыдно маячила в выходных данных солиднейшего партийного издательства.

Предназначались они, эти тома, для избранных членов ЦК и высшего комсостава и были большей редкостью, чем Орден Победы. А трехтомное издание Библии с иллюстрациями Доре вообще шло чуть ли не по цене «Жигулей».

Я сам тащил на этот базарчик все заработанное на стороне, в ущерб нарядам жены и подраставшей дочери. Жена как-то в минуту откровения призналась мне, что долго подозревала меня в тайных взносах в мифическую еврейскую казну. Если бы. Пришлось с грустью поведать ей гораздо более прозаическую правду, которая, неожиданно, принесла ей облегчение.

Но вернемся к нашим баранам, т.е. к учителю, который хоть ничего и не покупал, но регулярно заглядывал в наш закуток, приткнувшийся между городским сквером с памятником лейтенанту Шмидту и общественным туалетом. Словесник оказался однолюбом, всю пылкую страсть своего сердца он отдал Лермонтову. Любой разговор он переводил на эту тему. При виде его богатенькие книжные жучки прятали, что поценнее, подальше, знали, что он ничего не купит, только замусолит. Он принимал своеобразное участие в словесных баталиях начавшейся перестройки и нередко, загнав в угол неосторожного слушателя, с садистским сладострастием гнусавил ему эклоги великого поэта.

Расправа была по-детски немилосердной.

Надергав строчек из разных стихов Михаила Юрьевича и кое-как склеив их друг с другом, шутники подсунули опус поднаторевшему в поэзии словеснику с просьбой оценить их друга, якобы начинающего стихоплета. Вердикт последовал немедленно: «Нищий язык, убогая графомания, отягощенная попыткой копировать стиль золотого века». Узнав, что это был розыгрыш, бедный халдей сильно расстроился, несколько месяцев не появлялся, то ли переживая за классика, то ли пересматривая свое к нему отношение.

Манию, превращающую человека в невольника, прикованного цепью к столу, в то время как он мог бы проводить время наедине с природой, в лесу, на озере, ловить рыбу, охотиться на зверя или ухаживать за женщиной, я бы отделил от другой мании, злокачественной, но иногда проявляющейся сходным образом:

*Как грань тонка меж тем и этим -
Меж тем, что есть и чего нет,
Но ровен пыл на этом свете
Оставит хоть какой-то след -*

*Любым путем, совсем не святым.
Пятная память по себе,
Сонмы Иуд и Геростратов
По грешной шествуют земле.*

*Как разрушительно усердые
Пронырливого наглеца
Оставит вмятину на тверди
При не присутствии лица.*

*Не сдвинуть камень, чтоб зубилом
Из плена высвободить плоть,
Не взмыть строкою легкокрылой,
Но славы выхватить лопоть.*

Кстати, Платон, самый выдающийся графоман древности, если извлечь изначальное значение этого термина, оставил нам, слава богу, с десятков томов, в отличие от его великого современника Сократа, не имевшего ни охоты, ни времени марать бумагу. Среди обилия его, т.е. Платона,

глубокомысленных высказываний есть удивительное замечание: «Кто без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он, благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства: творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых».

Не мудрено, ведь «мания» - это одно из значений слова «неистовство». Перечитав написанное, я подумал, что в приводимых размышлениях явно не хватает цитат, учитывая серьезность вопроса. Поэтому решил добавить еще высказывание поэта Федора Тютчева, которого из-за его приверженности к краткости никак нельзя заподозрить в графомании:

«Мысль изреченная – есть ложь».

Тем более, что эта парадоксальная сентенция позволяет трактовать все ранее изложенное с точностью до наоборот.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПОЭЗИЯ

ЯН БРУШТЕЙН.....	4
ИЛЬЯ БУДНИЦКИЙ.....	10
ЛЮДМИЛА ВАЙНРИБ.....	16
ЕВГЕНИЙ ВИТКОВСКИЙ.....	20
ЕФИМ ГАММЕР.....	24
АНДРЕЙ ГРИЦМАН.....	30
АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ.....	36
ИНГА ДАУГАВИЕТЕ.....	39
ФАИНА ЗИЛЬП.....	41
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ.....	48
АННА ИВАНОВА.....	51
АЛЕКСЕЙ ИВАНТЕР.....	54
АЛЕКСАНДР КАБАНОВ.....	61
ГЕННАДИЙ КАЗАКЕВИЧ.....	69
ЛЮДМИЛА КАЛЯГИНА.....	75
ЛОРА КАТАЕВА.....	81
ЕЛЕНА КОГАН.....	86
АЛЕКСАНДР КРУПИНИН.....	92
ЛЮСЯ КУЛИКОВСКАЯ.....	100
ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА.....	105
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	109
БОРИС МАРКОВСКИЙ.....	112
АЛЕКСАНДР МЕЛЬНИК.....	115
ЕВГЕНИЙ МОГИЛЕВСКИЙ.....	119
АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН.....	125
ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА.....	131
ЮЛИЯ ПИКАЛОВА.....	139
АЛЕКСАНДР ПРАВИКОВ.....	147
ЛЮДМИЛА ПРАСАД.....	151
ИРИНА САПИР.....	157
ДАНА СИДЕРОС.....	163
МИХАИЛ СИПЕР.....	170
АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	175
АЛЕКСАНДР СПАРБЕР.....	182
АЛЕКСЕЙ ТАРАСОВ.....	192
АННА ТРИФАНОВА.....	197
ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ.....	201
ЛЮБОВЬ ЧЕРНОВА.....	209

ИРИНА ЧУДНОВА.....	213
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	219
МАРИНА ЭПШТЕЙН.....	225
АЛЕКСЕЙ ЮДИН.....	228

ПЕРЕВОДЫ

ЛАЛА МИХАЭЛИ.....	235
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ (Иллюстрации С. Слепухина).....	238

ПРОЗА

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА.....	249
НАУМ ВИНАРСКИЙ.....	282
МИРОН ЗЛОЧЕВСКИЙ.....	289
ЛЮДМИЛА МАТВЕЕВА.....	303
ИРИНА(ЛЯЛЯ) НИСИНА.....	307
СЕРГЕЙ ПЛЫШЕВСКИЙ.....	311
ЮЛИЯ СТАРЦЕВА.....	329
ЯКОВ ЦЕМЕЛЬ.....	341

ЗДЕСЬ ВОДЯТСЯ ВОЛШЕБНИКИ

ИРИНА КИТОВА.....	344
ЕЛЕНА ПАЛЬВАНОВА.....	348
ВИКТОРИЯ СОКОЛОВСКАЯ.....	351

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК (Потерянные страницы)

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР.....	354
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ.....	358

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

БЕЛЛА ВЕРНИКОВА.....	377
АЛЕКСАНДР КУЗЬМЕНКОВ.....	381
ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА.....	388

«БОЛЬНО ТОЛЬКО, КОГДА СМЕЮСЬ...»

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД.....	397
НАТАЛЬЯ РЕЗНИК.....	400
ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН.....	401

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ЗАЛМАН ШМЕЙЛИН

АЛЕКСАНДР ГРОЗУБИНСКИЙ

ЮРИЙ ВАЙСМАН

ЛЕВ ВАЙСФЕЛЬД

ИНГА ДАУГАВИЕТЕ

НАТАЛЬЯ КРОФТС

ГАЛИНА ЛАЗАРЕВА

АНАСТАСИЯ СОЙФЕР

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР